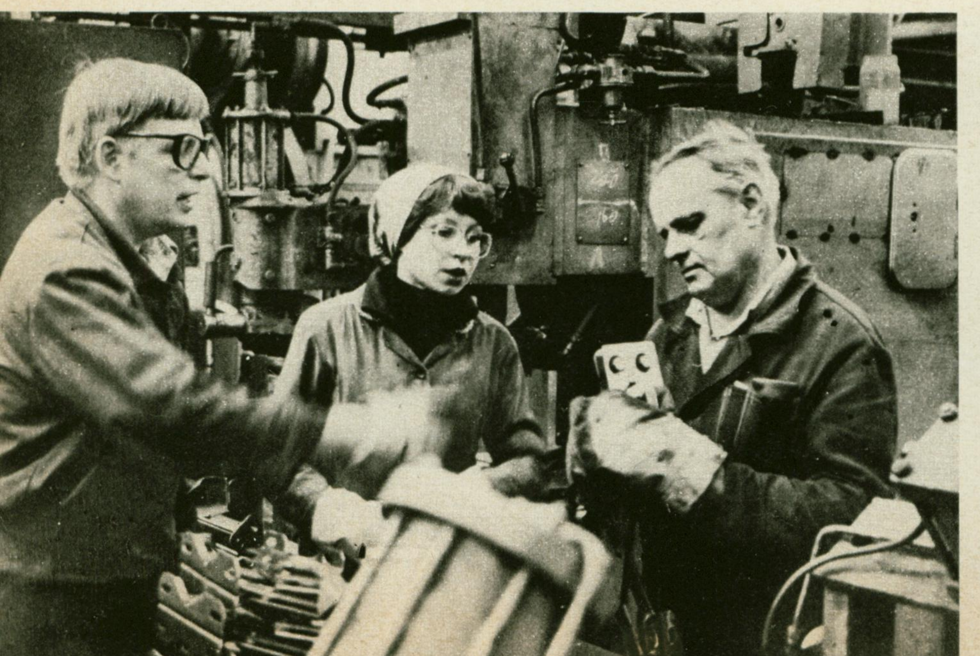

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 47 НОЯБРЬ 1984

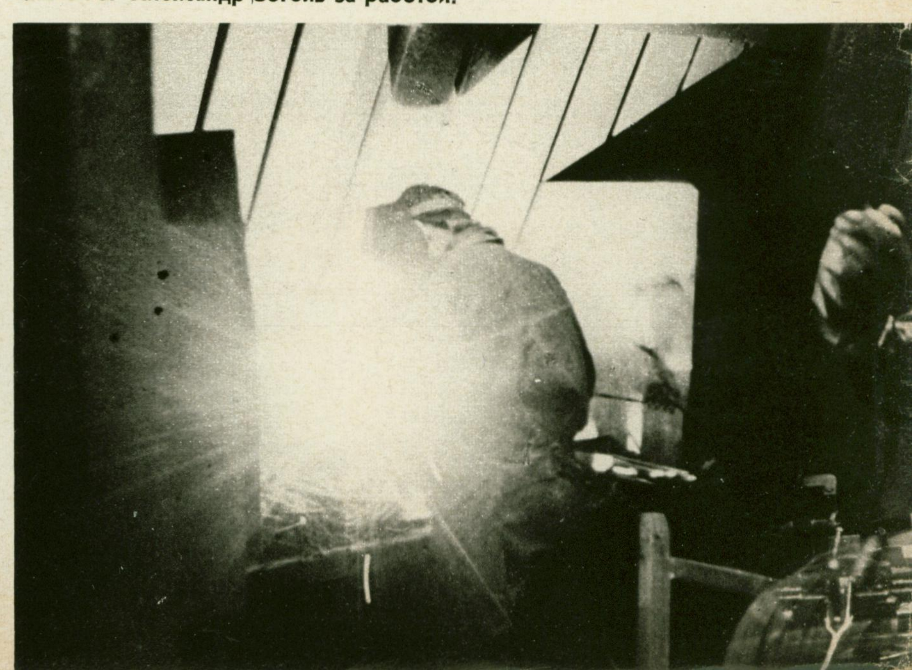
Мастера сборки В. А. Макшеев, А. Зоголь и А. Мыльников.

Е Г О   Т Е

Сдача продукции контролеру всегда вызывает волнение...

Слесарь завода имени И. А. Лихачева, лауреат Государственной премии СССР Александр Зоголь за работой.

Мы побывали у слесаря-сборщика ЗИЛа А. Ю. Зоголя сразу после того, как он узнал о том, что ему в числе других новаторов производства присуждена Государственная премия СССР. Заметно было, что он еще не отошел от неожиданного и радостного события.

Ему тридцать пять. Казалось, можно называть его и просто по имени. Но как-то не складывается. А потому Александр Юрьевич.

Его страсть — книги об исследовании и освоении космического пространства. О пространстве и времени.

Время торопит Зоголя. Зоголь опережает время.

Одиннадцать лет назад, отслужив в армии, Александр Юрьевич пришел на ЗИЛ. Сейчас слесарь-сборщик Зоголь выполняет ежедневную норму выработки на 170—180 процентов, пятилетку он завершил более чем на полтора года раньше срока. Он лучший по профессии в цехе, на заводе, в министерстве, то есть среди коллег на всех автомобильных предприятиях страны.

В цехе собирают кабины ЗИЛов. Сам же Зоголь занят сборкой таких узлов, как навеска капота, сидельное крыло, решетка фар, инструментальный ящик. Различных операций в арсенале очень много. Зоголь освоил абсолютно все, хотя такое под силу далеко не каждому, кто работает рядом.

Сожалеет о том, что стал... староват. Что два года назад он по возрасту был вынужден уйти с комсомольской работы.

Сейчас он член партийного комитета прессового корпуса. А корпус — преогромнейшее производство: девять цехов. Три года назад Александр Юрьевич возглавил народную дружину и вскоре вывел ее в лучшие в целом районе. Таков он, человек, не умеющий делать что-либо вполсилы.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

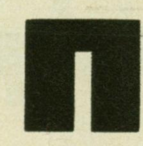
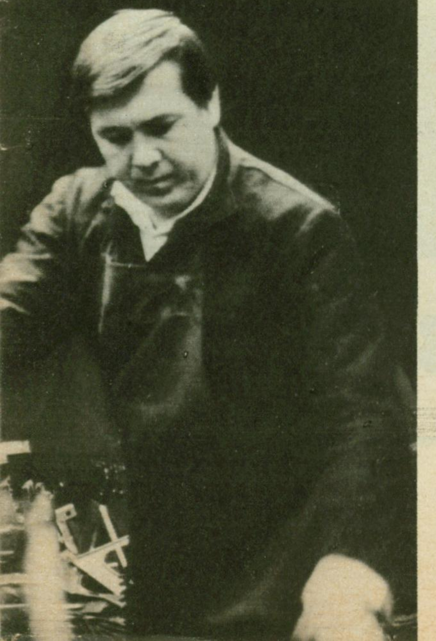
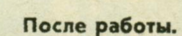
М

Фото Анатолия БОЧИНИНА

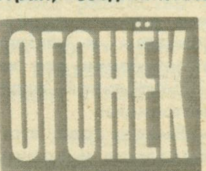

После работы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 47 (2992)

17—24 НОЯБРЯ 1984

НЕТ НАЦИЗМУ!

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор Советского телевидения в ФРГ
Фото автора

Маленький баварский городок Марктхайденфельд находится неподалеку от знаменитого замка Шпессарт, где, как мы знаем по популярному в свое время фильму, издавна водятся призраки умерших разбойников. Некоторые местные жители поговаривают, что привидения замка Шпессарт иногда появляются и в их городе. Впрочем, вреда от них никакого, а польза большая, так как это привлекает туристов. И бургомистр Марктхайденфельда радуется. Но еще больше он обрадовался, когда в его городе появились призраки сравнительно недалекого прошлого. Бывшие офицеры и солдаты бронетанковой дивизии СС «Полицай» пожелали провести в Марктхайденфельде свой очередной слет, и «отец города» оказал им в этом полную поддержку. Более того, бургомистр не постеснялся выступить на митинге протеста против эсэсовских сборищ с пространной речью, всячески пытаясь обелить гитлеровских вояк. Участники митинга проводили оратора свистом и улюлюканьем. Но слет эсэсовцев все же состоялся под бдительной охраной городской полиции.

— Вместо того, чтобы спрятаться подальше и подумать о тяжести своих военных преступлений,— говорили жители города,— гренадеры-эсэсовцы демонстративно устраивают слеты в то время, когда население планеты готовится отметить сорокалетие разгрома гитлеризма. Между тем по улицам городка прогуливались старые эсэсовцы с плакатами «Германия, проснись!». Они самоуверенно объясняли, что немецкая молодежь должна брать пример не с кого-нибудь, а именно с них, потому что только эсэсовцы — носители германской чести и славы, и так далее и тому подобное.

Но сотни молодых людей присоединились к антифашистам старшего поколения и приняли участие в митинге и демонстрации протеста против эсэсовского слета. Они несли лозунги: «Запретить сборища СС!», «Эсэсовцы — вон!», «Никогда снова нацизм, никогда снова война», «Долой американские атомные ракеты!». Антифашисты, пережившие Бухенвальд, Маутхаузен и другие нацистские конвейеры смерти, говорили перед камерами телевидения и микрофонами радиокорреспондентов, что для них, чудом оставшихся живыми, позорные слеты СС, политика рейгановской администрации в Европе, американские ядерные ракеты в ФРГ, все это вместе — прямая угроза миру, зловещий призрак новой уничтожительной войны.

Демонстранты несли плакаты с названиями греческих городов и сел, где дивизия «Полицай» убивала мирное население с дикой жестокостью, не щадя даже самых маленьких детей. Дорога гитлеровских гренадеров по Европе и особенно по Греции залита кровью патриотов и их семей, не желавших быть рабами нацистского зверя.

Нет, не безобидные привидения замка Шпессарт разгуливают по западногерманским городам, а воинствующие призраки нацизма. Здесь кое-кто любит говорить, что этих престарелых эсэсовцев слишком мало, чтобы они могли предпринять что-либо серьезное. Но пример активно их поддержавшего бургомистра заставляет призадуматься.

В двенадцать часов дня, когда антифашистская демонстрация проходила по улицам Марктхайденфельда, над городом прокатились мерные удары курантов и церковных колоколов. Этот гулкий звон медленно плыл над старыми черепичными крышами и взлетал в голубое, с яркими белыми облаками небо, звуча как вечная память жертвам нацизма, как грозное напоминание всем людям доброй воли о нависшей над миром опасности.

ФРГ, Марктхайденфельд.

Покончить с эсэсовскими встречами.

ВСТРЕЧИ В КРЕМЛЕ

12 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко принял в Кремле находившегося в Москве с рабочим визитом члена Политбюро ЦК Венгерской социалистической рабочей партии, Председателя Совета Министров Венгерской Народной Республики Д. Лазара.

К. У. Черненко 12 ноября вручил в Кремле орден Октябрьской Революции члену Политбюро ЦК Венгерской социалистической рабочей партии, Председателю Совета Министров Венгерской Народной Республики Д. Лазару.

При вручении тов. Д. Лазару ордена выступил тов. К. У. Черненко.

В Кремле состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова с членом Политбюро ЦК ВСРП, Председателем Совета Министров ВНР Д. Лазаром.

По итогам встречи подписан советско-венгерский протокол.

В посольстве Венгрии в Москве Д. Лазар по поручению Президиума ВНР вручил члену Политбюро ЦК КПСС, первому заместителю Председателя Совета Министров СССР, министру иностранных дел СССР А. А. Громыко орден Знамени Венгерской Народной Республики с рубинами, которым он награжден за большие заслуги в деле углубления братской дружбы и сотрудничества между венгерским и советским народами, за вклад в дело мира и социализма.

На снимке: во время беседы.

Фото В. Кошевого и Э. Песова (ТАСС)

На плакате антифашистов: «Убитые двумя мировыми войнами напоминают: никогда снова фашизм, никогда снова война, никаких новых атомных ракет!»

ДОЛЛАР, СЛОВА И ДЕЛА

Владимир НИКОЛАЕВ

Итак, Рональд Рейган остался в Белом доме на второй срок. Незадолго до выборов 1980 года газета деловых людей «Уолл-стрит джорнэл» попросила пятьдесят руководителей корпораций высказать мнение по поводу обоих кандидатов; 43 высказались за Рейгана и только 7 — за Картера. В этом году та же газета поставила такой же вопрос перед членами советов директоров крупнейших американских фирм: девять из каждых десяти заявили, что они предпочитают Рейгана.

Если судить по результатам предыдущих и этих выборов, доллар в Соединенных Штатах остается в силе. И что самое существенное — сила эта предельно сконцентрированна и целенаправленна. По американским данным, состояние только 400 богатейших жителей США составляет 125 миллиардов долларов. А у всех остальных граждан Соединенных Штатов на сберегательных счетах в банках лежит 126 миллиардов. Именно подавляющее большинство упомянутых выше 400 богатейших американцев в 1980 году и в этом году прежде всего решили исход выборов. Нелишне при этом вспомнить, что во время нынешней избирательной кампании было израсходовано не менее двух миллиардов долларов, причем республиканцы смогли истратить, как и в 1980 году, больше, нежели демократы, что легко объясняется приведенными выше данными из газеты «Уолл-стрит джорнэл», которые красноречиво говорят о симпатиях большого бизнеса к Рейгану. Причем эти симпатии вполне поддаются учету: в прошлом году прибыли крупнейших корпораций страны составили рекордную сумму в 246,2 миллиарда долларов. Что стоит выделить от таких щедрот миллиард-другой на избрание нужного бизнесу президента!

Мы не собираемся считать деньги в чужом кармане, но беда в том, что прибыли эти во многом складываются за счет безудержной гонки вооружений. С прошлых президентских выборов, то есть с 1980 года, ассигнования Пентагону увеличились почти вдвое. Понятно, что деньги, выделенные Пентагону, долго там не задерживаются, а перемещаются в сейфы фабрикантов оружия. Этот вполне естественный для США процесс идет под нарастающий шум шовинистической, милитаристской и антисоветской кампании. Но вот в этом году, особенно на финише избирательной гонки, мы не раз слышали от Рейгана о том, что он хочет укрепления мира и улучшения отношений с Советским Союзом. В чем же дело? Что вдруг случилось с ним? Тут дело все в той же избирательной кампании, в беспокойстве американцев перед лицом ядерной угрозы, растущей по вине милитаристских сил Соединенных Штатов. Последние опросы общественного мнения в США показали: подавляющее большинство американцев считают, что в ядерной войне не может быть победителя и что крайне опасно идти на дальнейшее обострение отношений с Советским Союзом. Сделанные Рейганом заявления в пользу мира — это пока лишь слова. Последуют ли за ними конкретные дела?

Выступая на приеме в Кремле 7 ноября, К. У. Черненко сказал: «У советских людей, как и у всех народов мира, нынешняя международная обстановка вызывает обоснованную тревогу. Напряженность в мировой политике не снижается. Сейчас нелегко, непросто погасить эту тревогу и снять эту напряженность. Здесь не обойтись одним лишь словесно выражаемым миролюбием. Нужны реальные дела».

Думает ли Вашингтон принять на себя обязательство не применять ядерное оружие первым? Советский Союз, как известно, это уже сделал. Думает ли Вашингтон отказаться от своей политики, направленной на нарушение сложившегося военно-стратегического равновесия и на создание своего военного превосходства? Думает ли Вашингтон пойти навстречу советской инициативе, цель которой — предотвратить милитаризацию космического пространства? А что собираются ответить нам из-за океана на предложение заморозить на взаимных началах ядерные арсеналы? Таких неотложных вопросов накопилось немало. Они требуют обсуждения между США и СССР за столом переговоров, но обсуждения не с позиции силы, не под грохот американского «железного кулака», пусть иногда и затянутого в «бархатную перчатку». А главное, повторяем, нужны конкретные дела, а не «миротворческая» риторика. Нужен конструктивный подход к решению спорных международных проблем на основах равенства и одинаковой безопасности. Такой подход отвечает не только интересам США и СССР, но всего мира в целом. Обозреватель газеты «Вашингтон пост» Дж. Крафт недаром отмечает, что отношение американцев к своему правительству будет в значительной степени зависеть от того, сумеет ли президент Рейган наладить конструктивные отношения с Советским Союзом.

В поздравлении Президиума Верховного Совета СССР Рональду Рейгану по случаю его переизбрания на пост президента США говорится:

«Хотелось бы надеяться, что предстоящие годы ознаменуются поворотом к лучшему в отношениях между нашими странами. Это было бы в интересах как наших народов, так и дела мира во всем мире.

Со своей стороны Советский Союз готов совместно работать для выправления советско-американских отношений на основе равенства и уважения законных интересов друг друга, для устранения угрозы войны и радикального оздоровления международной обстановки».

Мы готовы к такому конструктивному диалогу. Дело за американской стороной.

Отмечая необходимость улучшения советско-американских отношений, К. У. Черненко пишет в Обращении к американским читателям, недавно опубликованном в нашей прессе: «Другой перспективы, как жить рядом, нет. А коль так, то лучше жить не в атмосфере вражды и страха, а в мире, по-человечески, соблюдая в своих взаимоотношениях определенные нормы».

Николай БЫКОВ

Мы все, как сказал поэт, родом из детства, но мы, советские люди, еще и родом из Октября, из Великого Октября 1917 года, когда народ Российской империи, ведомый гением Ленина и партией большевиков, выступил автором революционных преобразований. Вот почему все мы так внимательно вчитываемся каждый раз в имена новых лауреатов Государственных премий СССР, в имена людей, причастных к прогрессу производства, науки, культуры, искусства. Кто они, продолжающие революцию мысли, дерзаний? Вот постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Государственных премий СССР 1984 года. Среди лауреатов — первооткрыватели Ямбургского газоконденсатного месторождения и авторы цикла работ в области ядерных исследований, метода ренормализационной группы в теории полей, первотруженики зоны высокоэффективного сельскохозяйственного производства на базе Большого Ставропольского канала, соавторы работ по химическим основам биологического катализа, разработчики и внедрители методов поточно-скоростного строительства трансконтинентального газопровода Уренгой — Помары — Ужгород... Удостоены всенародного признания и те, кто внедрил в промышленность технологию безотходного производства новых видов пищевых продуктов, и те, кто разработал теорию коррозии бетона и железобетона, и разработчики основ генетической инженерии растений...

СОТВОРЧЕСТВО

Да, издавна говорится: конец — делу венец. Но в наше время венец лауреата — это народное признание пионерства на одном из этапов прогресса, всеобщего порыва и прорыва вперед, туда, где таятся бесчисленные отгадки на вопросы, задаваемые человеку природой. Среди пионеров сегодняшних науки и производства, перечисленных в постановлении, наладчик 6-го разряда Б. П. Рузайкин, главный лесничий Калининского областного объединения межхозяйственных лесхозов Л. В. Галеев, академик И. Н. Векуа, заместитель председателя исполкома Ставропольского краевого Совета народных депутатов В. С. Некрасов, академик Н. Н. Боголюбов, ректор МГУ академик А. А. Логунов, сотрудник Института космических исследований АН СССР В. В. Рюмин... Поиск идет по самому широкому аспекту проблем! И не только поиск — масштабные свершения венчают труд ученых, производственников, передовых людей науки и техники. То, что вышло из лабораторий, с делянок и полигонов, сегодня уже работает на нас, на наше народное хозяйство, на коммунистическое завтра страны-первопроходца.

А там, где говорят инженерные расчеты, гипотезы и лабораторные реакции, не могут молчать и не молчат музы. Вот почему наряду с лауреатами в области науки и техники страна узнала и имена новых лауреатов Государственных премий СССР в области литературы, искусства и архитектуры. Как много известных, давно любимых имен властителей наших душ! Поэты и писатели Евгений Евтушенко, Шота Нишнианидзе, Грант Матевосян, режиссеры Сергей Бондарчук и Андрей Гончаров, композиторы Евгений Дога и Эдуард Колмановский, певец Иосиф Кобзон, народный художник РСФСР Валентин Сидоров, артистки Наталья Гундарева и Евгения Симонова... Их много, как всегда много, самых талантливых, самых достойных, самых беспокойных, самых-самых, которые исповедуют единство двух правд — жизни и творчества. Пожалуй, это единство, это единение, это воплощение двух правд в металле, слове, образе и есть ключ к творческой победе, ключ к таинствам завтрашнего дня.

Чувство сотворчества — вот что объединяет когорту лауреатов Государственных премий СССР. Высокой премии удостаивают все чаще коллективы. Коллектив — сила, требующая самоотворения и самоотдачи во благо социалистической Родины.

На октябрьском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ К. У. Черненко сказал: «Партией четко определены главные пути достижения новых рубежей социально-экономического прогресса. Это ускоренное развитие общественного производства, максимальное использование интенсивных факторов роста».

Лучший стимулятор прогресса — сотворчество людей науки, техники, искусства. Одержимость — завидный источник творческой энергии. Именно на этом источнике энергии рождаются передовая мысль, дерзкие свершения.

СВЕТЛА... В...

НЕДАВНО В НАШЕЙ РЕДАКЦИИ НА ЗАСЕДАНИИ КЛУБА «НА «ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛА ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ СССР С. Е. САВИЦКАЯ — ЕДИНСТВЕННАЯ ЖЕНЩИНА, ДВАЖДЫ УДОСТОЕННАЯ ВЫСОКОГО ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, АБСОЛЮТНАЯ ЧЕМПИОНКА МИРА ПО ВЫСШЕМУ ПИЛОТАЖУ. МНОГО ПИСАЛОСЬ О ЕЕ МУЖЕСТВЕ, СМЕЛОСТИ, ВЫСОКОМ ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ. НО НАС СВЕТЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА ПОКОРИЛА НЕ ТОЛЬКО ЭТИМИ КАЧЕСТВАМИ, НО И МЯГКОЙ ЖЕНСТВЕННОСТЬЮ, ОБАЯТЕЛЬНОЙ, СКРОМНОЙ, УДИВИТЕЛЬНО ЕСТЕСТВЕННОЙ МАНЕРОЙ ДЕРЖАТЬСЯ, ГОВОРИТЬ.

— Светлана Евгеньевна, вы только что вернулись из Швейцарии, где выступали с докладом на Международном конгрессе астронавтической федерации. Как представлена была наша космонавтика? Как оценивают наши успехи зарубежные ученые?

— Международный астронавтический конгресс проходит один раз в год. Этот, 35-й по счету, собирался в Лозанне. Туда съехались космонавты, ученые, теоретики и экспериментаторы самых разных специальностей из многих стран мира. Всего около 900 человек.

Нашу делегацию возглавлял председатель совета «Интеркосмос» АН СССР академик Владимир Александрович Котельников. Мы рассказали о работах на научных орбитальных станциях «Салют-6», «Салют-7», о длительных экспедициях и экспедициях посещения, об экспериментах и исследованиях, о монтажных работах в открытом космосе. Демонстрировали образцы сварки, резки, пайки и напыления ручным инструментом в открытом космосе.

Пожалуй, к нашей делегации было особенно много вопросов. Американских специалистов, например, интересовала проблема адаптации к условиям невесомости, как человек привыкает к условиям космоса, сохранив при этом достаточно высокую работоспособность. Интересовали вопросы медицинского обеспечения реадаптации на Земле, особенно после длительных полетов, как, скажем, последний — 237 суток.

Большой интерес вызвало сообщение о предстоящем космическом эксперименте — исследовании планеты Венера и загадочной кометы Галлея. Этот международный эксперимент начнется в декабре запуском двух научных станций с советского космодрома. Ваш журнал писал о его подготовке, и, думаю, расскажет и об осуществлении.

Вообще интерес в мире к советской космонавтике огромный. Это явствовало из вопросов зарубежных специалистов как в официальной части конгресса, так и в кулуарных беседах, из откликов печати — многочисленных, заинтересованных, теплых. В статьях единодушно отмечались многоплановость наших исследований на орбитальных станциях, мирная нацеленность советских программ. Космос должен служить только делу познания и мира.

— Во время двух ваших экспедиций на орбитальную станцию «Салют» вам пришлось выполнять несколько видов космических исследований. Какие из них вам более всего по душе?

— Короткие экспедиции характерны тем, что экспериментов по количеству выполняется не так уж много, но они очень динамичны. В обоих полетах мне приходилось заниматься электрофорезом: разделением на сверхчистые фракции биологических препаратов, которые мы не можем разделить на Земле. Скажем, смесь из 5—6 клеток. На Земле не удавалось это сделать, а там, в космосе, получилось.

Уже в первом полете на биотехнологической установке «Таврия» эксперимент прошел успешно. Во втором полете установка была усовершенствована.

Сейчас результаты обрабатываются.

Думаю, что в ближайшие годы мы можем начать полупромышленное производство этих веществ. Хотя много есть вопросов еще не исследованных, не решенных, однако ясно, что электрофорез — очень перспективное, экономически оправданное направление в науке и в практике.

Интересны для меня были и эксперименты по сварке в космосе, работа с удивительной аппаратурой, созданной киевскими учеными института имени Патона.

— Светлана Евгеньевна, вы первая женщина, совершившая выход в открытый космос, работавшая в этих необычных, фантастических условиях. Встретились ли вы там с чем-то непредвиденным, поразившим вас?

— Я бы сказала так: чем лучше подготовка, тем меньше неожиданностей ожидает тебя во время работы в космосе. Все продумывается, проигрывается заранее на Земле. Что же касается эмоций... До меня выходили в открытый космос только мужчины. А они в сравнении с женщинами народ не очень эмоциональный. Тем не менее ярких красок в их рассказах было по этому поводу предостаточно. Я с ними согласна: когда открываешь люк станции и выходишь в открытый космос, картина открывается действительно необычная.

НА САВИЦКАЯ «ОГОНЬКЕ»

Как известно, при работе в открытом космосе ощущаются не только большие физические нагрузки, но и нагрузки в психологическом плане. Космос есть космос. Когда в перерывах между сеансами работы отдыхаешь в тени и смотришь на эту красоту, разные мысли приходят в голову. Но мои эмоции — это мое дело. Нужно, чтобы они не мешали, а помогали работать. И здесь, повторяю, очень важна хорошая подготовка перед полетом.

Сейчас космонавтику можно рассматривать совершенно отдельно от авиации, хотя она и вышла из авиации. Совсем необязательно быть летчиком, чтобы проводить исследования на космической станции. В частности, это может касаться работы бортинженера, космонавта-исследователя. Но, конечно, работать в космических условиях легче тем, кто имеет летный опыт. Должен быть определенный навык работы с техникой. Это очень важно.

— Как вы переносили в космосе смену часовых поясов?

— Особых неудобств я не испытывала. Перевернутого, временного режима в невесомости у нас не получалось. Там все биоритмы более четко выражены. Подошло твое время, гораздо сильнее хочется спать, чем на Земле. Мы вот два раза стартовали вечером. Получалось, что спать ложишься где-то в час или в два ночи по московскому времени. Ко сну клонит, как и на Земле в это время. Но поскольку идет работа, спать себе не даешь. В космосе больше устаешь. Но зато там, в невесомости, не знаю почему, сон более освежающе действует, чем на Земле. Можно спать меньше времени, но усталость проходит, и ты просыпаешься отдохнувшей и бодрой. Это многие отмечали.

— В космосе вы вели научные исследования. Думаете ли вы продолжать их? Один крупный ученый отметил, что у вас редкий набор человеческих качеств, необходимых для исследователя: отвага естествоиспытателя, широкий ум и трудолюбие.

— Меня перехвалили. Мы, космонавты, в какой-то мере почти все занимаемся наукой, хотя результаты наших научных исследований обрабатываются не лично нами. Я, в частности, занималась электрофорезом, о чем уже рассказывала. Это интересная перспективная область науки и практики. И я не собираюсь прекращать исследования в этой сфере. Но сказать, что я ушла в науку, не могу. Я летчик-космонавт.

— Какие качества вы более всего цените в людях, в частности в своих товарищах?

— Вероятно, порядочность. Я думаю, что это определяющее качество человека.

— У вас есть любимые литературные герои?

— Я не считаю, что у меня должен быть один любимый герой. Этого нет. Литература столь разнообразна, что выделить какого-то одного любимого героя, и даже одного писателя, по-моему, просто невозможно.

— Где сильнее проявляются черты характера людей — в космосе или на Земле? В повседневной жизни или в экстремальных ситуациях?

— Если говорить о космонавтах, то большинство из них проходит большой предварительный отбор. У них высокие профессиональные качества. Могу сказать, что космонавты умеют себя держать в руках. Но, естественно, один более эмоционален, другой более замкнут. По-разному все бывает. Бывает и так, что в экстремальной ситуации реакция у человека быстрая, точная, а потом, когда он выходит из сложной обстановки, реакция тормозится.

— На Земле ни в одной компании, ни на одной работе нельзя обойтись без женщин. Мужчины утверждают, что иначе неинтересно, скучно. Не имеет ли смысл большие космические экипажи создавать так, чтобы в них непременно входили женщины?

— Для тех, кто долго находится на орбитальной станции, любой экипаж посещения (с женщиной на борту или же нет) — подарок. Но, с другой стороны, если в экипаже участвует женщина, то, безусловно, мужчин это как-то подтягивает, создает у них хорошее настроение. Люди больше шутят, разыгрывают друг друга. Даже чисто психологически присутствие женщины в космосе важно.

Вообще я считаю, что женщина должна летать в космос и потому, что целый ряд работ она может выполнить лучше, чем мужчина. Например, вести исследования на тонких приборах. В космосе теперь применяется много вычислительной техники, а работа с ней требует не силовых качеств, не чисто физических, а четкого выполнения, пунктуальности, я бы даже сказала, дотошности, некоторой занудливости. Эти качества характера, пожалуй, присущи, как правило, женщинам. Конечно же, должно быть разумное распределение обязанностей. Например, силовые какие-то работы разумнее выполнять мужчинам, ну а более тонкие, где нужны женские чуткие пальцы, пунктуальность,— женщинам. Но все это, разумеется, при условии, что женщина не только хорошо знает теорию, но и умеет работать с техникой в необычных условиях.

— Как вы себе представляете развитие космонавтики? Как бы вы с позиции женщины посоветовали усовершенствовать «космический дом», орбитальную станцию?

— Предела совершенству нет. Наша станция и сейчас вполне удобна, уютна и для мужчин и для женщины.

Безусловно, все замечания по предыдущим полетам, все предложения по усовершенствованию учитываются. Вот уже во втором своем полете я заметила, что много учтено, добавлено. И сейчас Атьков как врач даст свои замечания и предложения. Врачи, как правило, все более тонко, эмоциональнее чувствуют, чем мы, «технари». Атьков выскажет свои соображения не только в области медицины, но и в плане психологическом, в плане питания, гигиены.

Теперь об орбитальных станциях будущего. Конечно, там должен работать большой экипаж. Станции будущего — это лаборатория, завод. Большая лаборатория для широкого наблюдения космоса и Земли, цех для производства продукции. И конечно же, будущие станции должны быть постоянно обитаемыми!

Правда, и сейчас наша станция — это целая научная лаборатория. Возьмем последний полет. Его участники выполнили много экспериментов. Их исследования будут обрабатываться еще долго, может быть, лет десять...

— Что вы хотите пожелать журналу «Огонек» и его читателям?

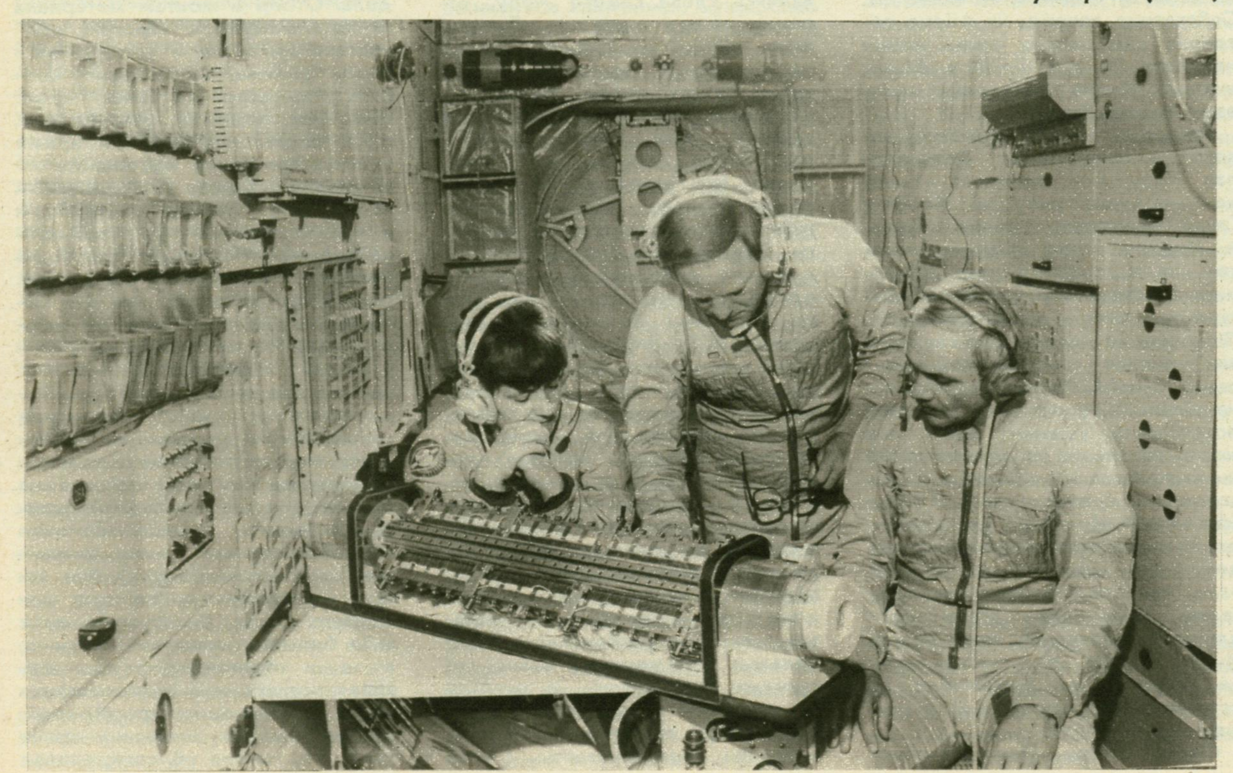
— «Огонек» — один из самых читаемых журналов. Мне кажется, неплохо бы ввести постоянную рубрику: «На космических орбитах». Вы печатаете материалы о нас, космонавтах, интервью с учеными, когда происходят запуски кораблей, крупные эксперименты. Но ведь исследование космического пространства идет постоянно. Совсем необязательно публиковать большие статьи, можно даже дать небольшую заметку, небольшую информацию и соответствующие снимки. Я думаю, это будет всем интересно.

Что пожелать читателям? Счастья. А оно невозможно без любимой работы, семейного счастья. И конечно же, всем нам я желаю чистого мирного неба.

Беседу вела Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

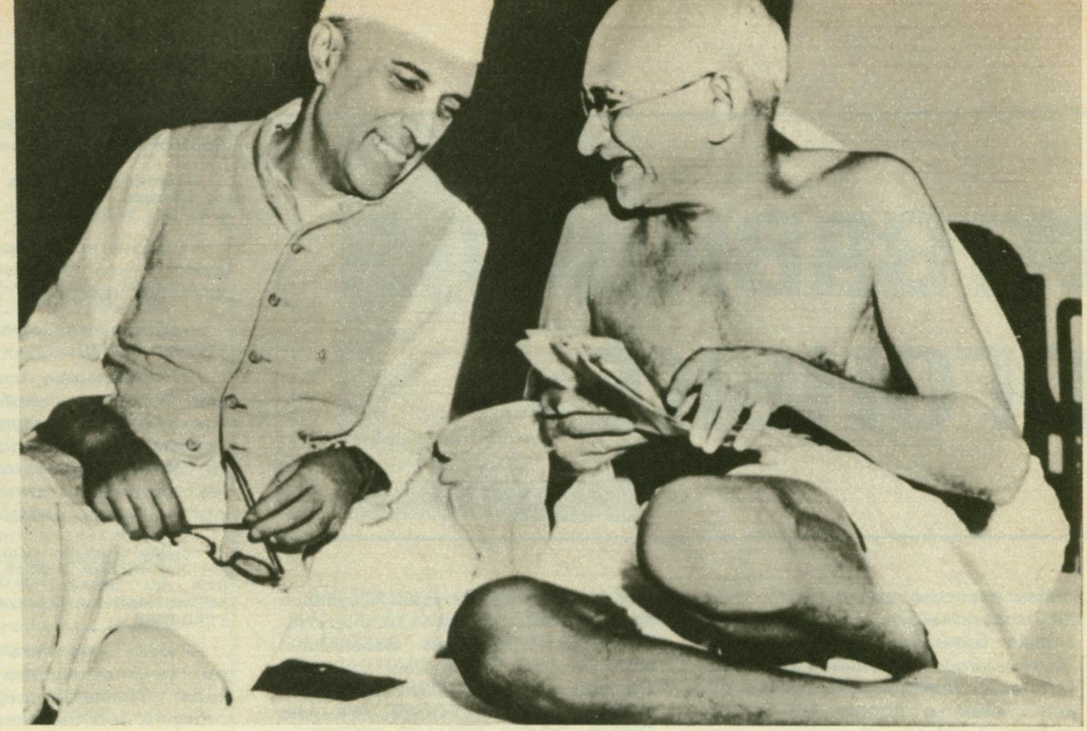
Летчики-космонавты В. А. Джанибеков, И. П. Волк и С. Е. Савицкая на занятиях в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Фото А. Пушкарева (ТАСС)

Неру и Индира Ганди.

Неру и Махатма Ганди.

КИНОЭПОПЕЯ О НЕРУ

Валентин СИДОРОВ

Случилось так, что я был на просмотре фильма о Неру, когда оставались буквально считанные часы до известия о трагической гибели Индиры Ганди.

Горестная весть из Индии по-особому окрасила впечатления от фильма, по-особому высветила драматизм документального повествования о Джавахарлале Неру и его семье.

Неру был для Индиры не только отцом по крови, но и ее духовным наставником и примером для подражания и устремления. Кинокамера запечатлела ее лицо — молодое, оживленное, радостное — рядом с отцом на фоне ликующих толп народа Индии, приветствующего своего вождя; в торжественные мгновения встречи на Внуковском аэродроме в Москве; в редкие, а потому столь драгоценные минуты тишины и семейного отдыха... Ей адресованы строки из письма Джавахарлала Неру, написанного им в тюрьме, куда его упрятали британские колониальные власти. В этом послании он напоминает о знаменательном совпадении: «Год, в который ты родилась, 1917 год, был одним из самых замечательных в истории, когда великий вождь с сердцем, преисполненным любви и сочувствия к страдающим беднякам, побудил свой народ вписать в историю благородные страницы, которые никогда не будут забыты. В тот самый месяц, когда ты родилась, Ленин начал великую революцию...» Мы видим Индиру Ганди в заключительных кадрах фильма в самолете, набирающем высоту. Рядом — урна с прахом отца. Дочь выполняет его последнюю волю. В своем завещании Неру просил, чтобы большую часть его пепла «подняли на самолете высоко в небо и разбросали бы с этой высоты по полям, где трудятся крестьяне Индии, чтобы он смешался с индийской землей и стал бы неотделимой частью Индии».

Выстрелы в Индиру Ганди воскресили в памяти людей другой трагический эпизод истории Индии: убийство Махатмы Ганди. Очевидно, отныне в нашем сердце и нашем сознании эти две великие героические души будут стоять рядом, ибо они заплатили самой дорогой ценой — своей жизнью — за свободу Индии и единство ее. Собственно говоря, их имена соединил сам народ; отцом нации называют Махатму Ганди в Индии, матерью Индии те же люди называют Индиру Ганди.

Только безумный фанатик, говорил в свое время Джавахарлал Неру, мог решиться на такое: поднять руку на Махатму Ганди. Фанатики пролили кровь и Индиры Ганди. Однако ни в том, ни в другом случае объяснить трагедию лишь слепой яростью изуверов и сектантов нельзя. Фанатики не находятся в вакууме; как правило, они не действуют сами по себе. Их надо возбудить, направить, вооружить; наконец, подготовить условия, дабы они могли нажать на спусковые крючки пистолетов и автоматов. А для всего этого нужны деньги (притом немалые); нужна разветвленная, законспирированная сеть людей, нужна организация. За спинами непосредственных исполнителей покушений угадываются длинные зловещие тени врагов Индии, врагов ее стабильности, ее единства, ее миролюбия, ее устремленно-поступательного движения в будущее.

Фильм «Неру» представляет собой кинотрилогию. Уже сами названия частей картины: Становление. Борьба. Свобода — выявляют нечто существенное и характерное не только в том или ином периоде биографии Неру, но и в биографии страны. Особенности материала таковы, что он в силу необходимости превращается в историческую эпопею, ибо жизнь Неру и жизнь Индии неразделимы.

Изначальный успех любого фильма — в сценарии, в авторском замысле сценария. В данном случае этот успех был во многом предопределен тем обстоятельством, что текстовой основой фильма с начала до конца явились слова самого Неру, отрывки из его книг «Автобиография», «Открытие Индии», «Взгляд на всемирную историю», извлечения из его писем, речей, выступлений. Ныне, когда смотришь картину, уже смонтированную, озвученную, законченную, понимаешь, что такой прием совершенно правилен, что он продиктован самим характером киноленты. Ведь фильм биографический, и потому естественно и закономерно, что человек — а мы знаем, что Неру был выдающимся оратором, блистательным полемистом, прекрасным литератором — рассказывает о себе сам. Разумеется, это не означало, что авторы фильма избрали путь наименьшего сопротивления: простое прочтение текстов и их компиляцию. Нужно было проявить глубинное, истинное знание предмета, чтобы выделить из громадного, бесчисленного материала самые необходимые и важные звенья. И — мало того — сделать так, чтобы эти звенья не разбивались на отдельные фрагменты, а были органично состыкованы и выросли бы в единое художественное целое. Надо сказать, что авторы в полной мере справились с этой задачей: их повествование о Неру широко и всеохватно, как воды Ганга, которые нередко возникают перед глазами зрителя на полотне экрана.

Рассказ Джавахарлала Неру о себе в кинотрилогии как бы выверен и подтвержден самим ходом истории. История предстает перед нами овеществленной, материализованной в виде фото- и кинодокументов; многие из них (например, хроникальные кадры начала столетия, двадцатых и тридцатых годов нашего века) являются уникальными. Слово о времени и изображение времени здесь сплавлены вместе руками подлинных мастеров своего дела. Отбор и монтаж материала свидетельствуют о строгом взыскательном вкусе и такте режиссеров фильма, заставивших говорить прошлое во весь голос: объемно, властно, убедительно.

Не секрет, что в наше время в искусстве резко изменилось соотношение между подлинным и выдуманным, между документом и художественной структурой произведения. Постоянно растущий интерес к мемуарам, биографии, документу заставляет нас все чаще вглядываться и пить «из реки по имени «Факт». Пожалуй, с наибольшей наглядностью эта тенденция проявилась в области художественного кино. Все чаще современные фильмы, в особенности те, что тяготеют к эпике и монументалистике, строятся на прочно документированной основе (например, наша киноэпопея «Освобождение» или английская — «Махатма Ганди»). Все чаще художественные картины изменяют своему жанру, включая в себя большие куски кинохроники, а то и отдавая немалую часть экранного времени воспроизведению пожелтевших фотографий. Это, так сказать, знамение наших дней. Но, говоря об этом, нельзя

«Неру». «Центрнаучфильм» (СССР), «Филмз дивижн» (Индия). Авторы сценария: В. Зимянин, Ю. Альдохин, А. Горев, Ш. Бенегал. Режиссеры: Ю. Альдохин, Ш. Бенегал. Операторы: К. Орозалиев, Ш. Митро.

умолчать и о встречной тенденции, четко обозначившейся в кинолентах, по формальным признакам относящихся к документальному жанру. Нередко авторы документальных фильмов (в первую очередь полнометражных) используют в своей работе чисто художественные приемы и принципы. Подчас композиция фильма, выразительность изобразительного ряда, тщательно продуманный и выверенный характер текстов таковы, что фильм производит на зрителя не меньшее, а то и большее эмоционально-эстетическое воздействие, чем игровая картина. По существу, мы становимся свидетелями того, как стираются грани между художественным и документальным кино. Ярким примером, подтверждающим эту мысль, и является фильм о Неру. На мой взгляд, он настолько явно ломает условные границы своего жанра, что его можно назвать фильмом художественным, а если кому-то покажется это слишком уж категоричным, то художественно-документальным, во всяком случае.

В немалой мере такую характеристику кинотрилогия заслуживает благодаря операторскому искусству Ш. Митро и К. Орозалиева. Современные советско-индийские съемки — это не простая иллюстрация к тексту, хотя необходимый элемент иллюстративности, оттеняющей те или иные эпизоды из жизни Неру, в их работе присутствует. Но свою главную задачу и, если хотите, сверхзадачу операторы видят в ином. Современная Индия во всей ее разноликости и многообразии, от шумных базаров и красочных ритуальных танцев до индустриальных пейзажей и огнедышащих доменных печей, входит необходимой и конструктивной частью в основную фабулу фильма. Картины, выхваченные из сутолоки повседневности прицельным взглядом кинокамеры, иногда поднимаются на высоту символа. Иногда кажется, что перед тобою ожили древние фрески: настолько красивы и пластичны движения индийских женщин. А глаза, которые смотрят на тебя с экрана—укрупненные, пытливые, доброжелательные,— порою кажется, что в них сконцентрирован электрический заряд многовековой индийской мудрости... Словом, в картине достигнуто то, о чем мечтают многие: материал, изложенный и изображенный с предельной правдивостью и точностью, одухотворен и опоэтизирован. Если фильм получился таким, каким он получился, а он получился подлинно человечным и подлинно новаторским, то произошло это потому, что здесь гармонически соединились мастерство сценариста, мастерство режиссера и мастерство оператора.

Примечательно также, что кинотрилогия о Неру является результатом совместной работы советских и индийских кинематографистов. Тот факт, что две великих кинематографических державы мира (а каждая из них имеет свои традиции, навыки, специфику) сумели преодолеть неизбежные трудности и сложности и создать ленту такой силы и художественной выразительности, лишний раз подтверждает правоту знаменитых строк Николая Рериха: «Красота заложена в индорусском магните. Сердце сердцу весть подает».

Рассказ Неру, как и любая биография, начинается с истоков, с воспоминаний о детстве. Семья, в которой он рос, принадлежала к привилегированным слоям индийского общества. Его отец работал в Верховном суде, был знаменитым адвокатом. На экране вырисовываются очертания школы-пансиона в Харроу, которую окончил Неру. Как явствует из мемориальной доски на стене школы, здесь учились Питт и Пальмерстон, Болдуин и Черчилль. В своих воспоминаниях Неру правдив, искренен, порою беспощаден к себе. Выпускника английской аристократической школы он характеризует как самонадеянного педанта, «о котором можно было сказать мало хорошего». Изменения во взглядах Неру были обусловлены ростом национально-освободительного движения в стране. Но произошли они не сразу. Вступление Джавахарлала Неру в партию Индийский национальный конгресс, председателем которой он станет впоследствии,— лишь подготовительный этап к перевороту в сознании. По собственному признанию Неру, лишь тесное соприкосновение с ужасающей беднотой и нищетой индийских крестьян пробудило его сердце, превратило его в патриота, сделало борцом.

И, конечно, решающую роль в политическом становлении Неру сыграло знакомство с Махатмой Ганди и его учением. Неру говорит о нем так: «Он был подобен струе свежего воздуха, заставившей нас расправить плечи и глубоко вздохнуть; подобно лучу света, он прорезал мрак, и пелена спала с наших глаз; подобно вихрю, он все всколыхнул, и в первую очередь человеческое мышление».

Махатма Ганди нередко возникает на полотне экрана. Полуобнаженный, в домотканой одежде, с посохом в руках, он всегда в пути. Он либо впереди толпы, либо в гуще ее: отвечает на вопросы, ласково шутит с детьми.

«Ганди не спустился сверху,— говорит Неру,— казалось, он вышел из миллионных масс индийцев, он говорил их языком и уделял им и их ужасающему положению все внимание... Сущностью его учения были бесстрашие и правда и связанное с ними действие, всегда направленное на благо народных масс... При владычестве англичан самым распространенным в Индии чувством был страх — всепроникающий, подавляющий, удушающий страх: страх перед армией, полицией, вездесущей секретной службой; страх перед чиновниками, перед законами, несущими угнетение, перед тюрьмой; страх перед приказчиком помещика, перед ростовщиком; страх перед безработицей и голодом, всегда стоявшими у порога. Против этого всеохватывающего страха поднялся спокойный и решительный голос Ганди. «Не бойтесь»,— говорил он».

Высказывания Неру о человеке, который был вождем Индии и которого он считал своим учителем, полны восхищения и любви. Но безудержной апологетики в них нет. Честно и прямо говорит Неру о своих расхождениях с Учителем. В письме к Махатме Ганди он подчеркивает один из важных пунктов своего несогласия с его учением:

«Мне думается, что Вы ошибочно судите о западной цивилизации и придаете слишком большое значение ее многочисленным недостаткам... Многие мыслители Запада считают, что эти недостатки вызваны не индустриализацией как таковой, а капиталистической системой эксплуатации людей. Мне помнится, Вы как-то заявили, что конфликт между трудом и капиталом не обязателен. Я считаю, что при капитализме такой конфликт неизбежен».

Борьба против британского владычества нарастала. Но, к сожалению, ее ослабляло отсутствие должного национального единства. Неру констатирует, что раскол по религиозно-общинному принципу не удалось предотвратить. Инициатором раскола выступила Мусульманская лига. Ее лидер Джинна выдвинул теорию, согласно которой Индия делится на две нации: нацию индусов и нацию мусульман. Трагические последствия раскола после того, как Индия обрела независимость, привели страну на грань гражданской войны. Последствия этого раскола дают о себе знать и в наши дни.

Мы видим на экране Неру на трибуне съезда Индийского национального конгресса, мы видим его на улицах сражающейся Барселоны, мы видим его за тюремной решеткой... В последний раз английские власти заключили Неру в тюрьму в августе сорок второго года. Он вышел оттуда, чтобы возглавить первое индийское правительство. Кинохроника сорок седьмого года увековечила торжественный момент провозглашения независимости Индии: Неру поднимает над Красным Фортом трехцветный флаг Индийской республики. Борьба за независимость окончена, но продолжается битва, по мнению Неру, «не менее важная... это битва не с внешним врагом, а с нами самими».

Эти слова Неру исполнены высокого смысла и устремления. Они означали, что начинается битва с пережитками прошлого, с кастовыми предрассудками, религиозным фанатизмом, битва за единство страны. После завоевания политической независимости первоочередной становится завоевание независимости экономической. Вот почему величайшими храмами и мечетями нового времени Неру называет индустриальные стройки Индии. Вот почему Бхилаи, построенный с помощью Советского Союза, он объявляет символом новой Индии.

С тех пор, как Неру стал на путь активной политической борьбы, Россия, в дореволюционной судьбе которой он находил так много общего с Индией, Россия, провозгласившая и утверждающая идеалы социализма, стала для него притягательным маяком. Свои симпатии к нашей стране он доказывал и словом и делом. Впервые Неру приехал в Москву в 1927 году, когда страна отмечала десятилетие Октябрьской революции. На фоне длинной очереди к ленинскому Мавзолею (тогда еще деревянному) звучат слова Неру, пронизанные высоким пафосом и убежденностью:

«Советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

Выражением глубочайшей исторической закономерности является тот факт, что Индия с первых шагов своей независимости обрела в Советском Союзе самого надежного друга. Краеугольным камнем внешней политики — и в этом принципиальное сходство наших позиций — Индия сделала проблему сохранения мира. На международной встрече Неру напомнил о следующем: «Концепция мирного сосуществования в области внешней политики соответствует нашей основной философии, пришедшей из глубины веков».

Как известно, Неру был инициатором движения неприсоединения. На исторической конференции 1955 года в Бандунге он провозгласил принципы этого движения, вовлекшего ныне в свою орбиту значительную часть человечества. Отрицательное отношение определенных кругов Запада к лозунгам, провозглашенным Неру (государственный секретарь США Даллес поспешил объявить их «аморальными»!), объясняется тем, что в этих лозунгах воплощен манифест независимости развивающихся стран.

«Неприсоединение, — заявляет Неру,— не означает пассивности мышления или действия, отсутствия веры или убежденности. Оно не означает подчинения тому, что мы считаем злом. Это позитивный и динамичный подход к проблемам, стоящим перед нами. Мы считаем, что каждая страна имеет право не только на свободу, но и на то, чтобы решать вопрос о своей политике и образе жизни по собственному усмотрению».

...Одна за другой проплывают перед глазами страницы биографической летописи Неру, подкрепленной и усиленной кинодокументами и фотографиями. И вот последняя страница ее. Последняя запись, сделанная в блокноте рукой Неру. Это строки американского поэта Фроста:

И как бы ни был долог путь
Сквозь лес густой, непроходимый,
Мне, прежде чем навек уснуть,
Его пройти необходимо...

Эти строки звучат как прощание. После них — торжественный церемониал похорон, залпы траурного салюта, оглашение завещания Неру, в котором он просит, чтобы его пепел соединился с индийской землей и стал ее неотделимой частью.

В начале октября нынешнего года, за несколько недель до своей гибели, Индира Ганди смотрела этот фильм.

Перед ней как бы воскресала панорама жизни отца и жизни ее собственной. Потому что она была соратником, другом и помощником своего отца.

С детских лет любимой героиней Индиры Ганди была Жанна д'Арк. Не раз говорила она о своей мечте: быть похожей на великую французскую героиню.

Детские мечты обрели свое воплощение. Можно сказать, что Индира Ганди жила как Жанна д'Арк и ушла из жизни как Жанна д'Арк. Героическим духом веет от завещания Индиры Ганди, согласно которому ее пепел должен быть развеян над снежными вершинами Гималаев, олицетворяющих собой духовную мощь и красоту Индии.

Неустанное устремление ввысь.

УЧАСТНИКИ ПАРАДА ПОБЕДЫ, ОТЗОВИТЕСЬ!

ХОРОШО БЫ СНОВА ПРОЙТИ ПО КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Я был участником Парада Победы в составе 226-го отдельного механизированного ордена Александра Невского артиллерийского дивизиона. Писать о том, как воевал, что пережил, сейчас очень трудно. Прошло сорок лет, и многое забылось. Скажу лишь, что наш дивизион участвовал в освобождении Белоруссии, Литвы, одним из первых вступил в Восточную Пруссию, участвовал в штурме Кенигсберга и закончил войну в Пиллау. Я воевал в должности командира огневого взвода, награжден орденом Красной Звезды и семью медалями.

День Победы мы встретили в сосновом бору возле Пиллау. После короткого отдыха нас подняли по тревоге, и вскоре дивизион погрузили в эшелон. Мы думали, что отправляемся на Дальний Восток, но нас вдруг выгрузили в Москве, как потом выяснилось, для участия в Параде Победы.

Многое стерлось в памяти за эти четыре десятилетия, но Парад Победы невозможно забыть. К сожалению, ни в военном билете, ни в других документах нет отметки об участии в Параде Победы. Когда говоришь, что был его участником, то некоторые не верят, а подтвердить нечем. Согласен с В. Воеводиным: нужно учредить памятный знак участника Парада Победы. Ведь нас в живых осталось не так уж много. Кроме того, желательно, чтобы нас пригласили в Москву для участия в торжествах, которые, я уверен, будут в связи с 40-летием Победы. Хорошо бы снова пройти по Красной площади...

И. ВЛАДИМИРОВ

Житомир.

СЧАСТЬЕ СОЛДАТА

Шел 1939 год. Ученики 10-го класса нашей Арешеперонской средней школы Лагодехского района Грузинской ССР готовились к выпускным экзаменам. Радовались не только мы, выпускники (а было нас всего девять мальчиков и три девочки), но и все односельчане. Подумать только: ведь перед детьми потомственных земледельцев открылись все пути-дороги. Для людей моего поколения многое было впервые, в новинку. Мы, сельские мальчики, были большими мечтателями. Недалекое революционное прошлое еще свежо было в памяти наших отцов и дедов, старших братьев и сестер. Их рассказы о событиях гражданской войны, о подвигах красных бойцов и командиров передавались из уст в уста в нашей мальчишеской среде. Кто из нас не хотел походить на Чапаева, Буденного, Камо?!.

Это было прекрасное, наполненное романтикой время, однако уже тогда мир стоял на грани новой мировой войны. Фашизм опутывал Европу колючей проволокой. Все тревожней и тревожней становился голос диктора, доносившийся из репродуктора. Мы не хотели верить, что кто-то осмелится посягнуть на нашу Родину. Но настал день, когда нам пришлось трезво, по-взрослому взглянуть в глаза действительности: всем классом нас вызвали в военный комиссариат для прохождения медицинской комиссии. Это было в начале лета, а осенью все мои одноклассники были призваны в ряды РККА. Меня же, как не подошедшего по возрасту, оставили до следующего призыва. С грустью и завистью я наблюдал, как мои товарищи отъезжали на призывной пункт.

Однако вскоре мое мрачное настроение рассеялось. Как отличника учебы меня зачислили на первый курс исторического факультета Горийского педагогического института. Студенческая жизнь полностью захватила меня! О чем я мечтал тогда? О том, как вернусь в родное село, приду в школу и расскажу детям о великой истории их народа, о героях минувших времен. Однако этому не суждено было сбыться.

Осенью сорокового я был призван в армию. Направили меня в 9-й мотополк танковой дивизии, дислоцировавшийся в Средней Азии. А летом 1941 года, когда я проходил стажировку на командира отделения, грянула война. На следующий день наша часть находилась на пути к фронту, и в начале июля я получил боевое крещение под Смоленском.

Бои были ожесточенные, в одной из схваток меня тяжело ранило в плечо, и я был направлен в далекий тыловой госпиталь, находящийся в Златоусте.

Помню, наш санитарный поезд подошел к перрону глубокой ночью. Тускло мерцали огни станции, которая была до предела заполнена народом. Встречать первых раненых фронтовиков вышло все население города. Нас буквально на руках носили прямо к госпитальным койкам. Прошли годы, но разве можно забыть ту теплоту и внимание, которыми нас окружали не только медперсонал госпиталя, но и жители Златоуста. Два с половиной месяца я находился в госпитале, а затем был направлен в Челябинск в батальон выздоравливающих для окончательного излечения.

В те дни формировалась 65-я морская стрелковая бригада из дальневосточных моряков и уральских рабочих. Сюда я и получил назначение. В конце сорок первого в ее составе вновь попал на передовую—на Карельский фронт. А в начале сорок второго наша бригада вела активные оборонительные бои в районе Медвежьегорска, Масельской и Сегозера...

13 апреля 1943 года после очередной успешной боевой операции меня приняли кандидатом в члены ВКП(б). В августе того же года я стал членом партии и вскоре меня избрали парторгом роты.

В апреле 1944 года на высоту, которую обороняли наш взвод, враг обрушил страшной силы артиллерийский и минометный удар, а затем предпринял разведку боем. В этот критический момент многое решали не только минуты, но и секунды. Находясь в дзоте, я заменил убитого пулеметчика и стал в упор расстреливать противника. Вскоре заговорила и наша артиллерия. После боя перед нашими боевыми порядками поле было усыпано трупами солдат и офицеров противника.

Разбирая боевые действия подразделения, старшие командиры говорили, что, наблюдая за боем, они вначале потеряли всякую надежду на то, что кто-либо остался в живых. В действительности же у нас потерь никаких не было. Здесь сказалась та кропотливая работа, которая велась по укреплению оборонительных рубежей, да и высокий моральный дух и стойкость наших бойцов. За проявленные мужество и отвагу в этом бою несколько бойцов были представлены к правительственным наградам. Мне была вручена медаль «За отвагу».

В ряду сокрушительных ударов, нанесенных по врагу в 1944 году, особое место занимает летнее наступление Ленинградского и Карельского фронтов, в результате которого наши войска вышли к государственной границе с Финляндией, с которой было подписано соглашение о перемирии, положившее начало дружбе и добрососедскому сотрудничеству между двумя странами.

Достигнутое перемирие далось нелегко. С боями отвоевывалась каждая пядь родной земли. В одном из боев я дважды получил тяжелые ранения, но товарищи не оставили меня: перевязав раны, отправили меня в полевой госпиталь. Это было в конце июля 1944 года, а уже в сентябре, залечив раны, я возвратился в родную роту и был назначен комсоргом батальона.

А вскоре меня направили на учебу в военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Это был мой первый приезд в Москву. Как только я получил увольнение в город, сразу же отправился на Красную площадь. Я, конечно, не мог предполагать, что на мою долю выпадет великое счастье быть участником события всемирно-исторического значения — Парада Победы.

Весть о безоговорочной капитуляции Германии застала нас на полевых занятиях под Москвой. Мы тут же вернулись в Москву и были свидетелями ликования москвичей.

Вскоре был получен приказ о подготовке к Параду Победы. Говорят, на свете не бывает чудес. Однако как объяснить ту поистине удивительную встречу, состоявшуюся у меня на Параде Победы? Она была столь неожиданной, что мы оба долго не могли поверить в реальность происшедшего. Дело в том, что в колонне 3-го Украинского фронта я увидел своего двоюродного брата Георгия Джиоева, с которым нас связывали не только родственные узы, но и десять лет, проведенных за одной партой. Так случилось, что его призвали в ряды Красной Армии на год раньше меня, и о дальнейшей судьбе друг друга мы ничего не знали. Прежде чем я оказался в крепких солдатских объятиях брата, успел взглянуть на его гимнастерку, на которой блестели ордена и медали. В тот момент я подумал: «Молодец Георгий, не посрамил родную Осетию, родной народ». А ведь здорово получилось: одноклассники участвуют на Параде Победы!

Демобилизовался я осенью 1945 года. Работал на комсомольской, партийной, советской работе, был инструктором Цхинвальского горкома и Юго-Осетинского обкома партии, первым секретарем обкома комсомола, заведующим отделом горкома партии, председателем Ленингорского райисполкома. Имею звание заслуженного работника культуры Грузинской ССР.

Около сорока лет прошло с той памятной поры. С высоты прожитого я окидываю взором жизнь моего поколения и всегда с гордостью думаю: не зря мы воевали, погибали, строили!

Майор в отставке К. ДЖИОЕВ

Цхинвали.

В. Кудрин. Род. 1925. С ПОБЕДОЙ. 1984.

Художественная выставка «Подмосковье».

М. Самсонов. Род. 1925. БОЙЦЫ СТАЛИНГРАДА. 1983. (Фрагмент).

Художественная выставка «Подмосковье».

НЕ ТОЛЬКО О ХЛЕБЕ

●

Сколько помнит себя Райво, бабушка всегда пекла хлеб. Делала она это удивительно легко и любовно, прямо-таки священнодействовала. Подбирала волосы белой косынкой, подвязывала чистый передник и долго сеяла муку, потом заводила тесто и, покрыв квашню толстой бахромчатой шалью, ставила на теплый подпечек — подходить.

Печет бабушка хлебов всегда много. Впрок, недели на две: ржаной каравай долго не черствеет. Весело глядеть, как она сажает бледные ковриги на невесть с каких пор выщербленную с уголка деревянную лопаточку и одну за другой отправляет их в горячую печку.

Печь особая — только для хлеба. А топит ее дедушка. Дровами. Ему уже за восемьдесят, и он хорошо знает, когда она готова. Тогда наступает бабушкин черед. Хильда «набело» мокрым веником выметает печное нутро и лишь потом водворяет в него тесто.

И заутро бабушка затеяла хлебы. Райво смотрел, как она привычно управляется, и вдруг поймал себя на мысли, что работа у бабушки идет не так споро, куда медленней... Улыбнувшись, спросил:

— Бабушка, уж не разучилась ли ты хлеб печь?

Взглянула своими выцветшими от времени синеватыми глазами на внука старая Хильда, сказала тиха: «Не молодею ведь... Забывчивая стала, вот оно что...» И недоговорила.

Тихая грусть, печаль с оттенком горечи почудились в словах бабушки Райво. Он как бы впервые ощутил ее возраст, и захотелось на память несколько фотографий сделать. Бабушка сниматься наотрез отказалась. Некогда, мол, ей сложа руки сидеть: лейб-то, он не ждет (это по-эстонски хлеб так звучит), снимай, если хочешь, за работой, только делу не мешай... И внук зажужжал кинокамерой.

Отворилась дверь, и вошел с дровами дед. Неспешно положил у печки, снова принес несколько поленьев, потом еще и еще раз. Сразу все дрова донести ему было трудно: годы брали свое. Снял Райво и деда. И вдруг каким-то шестым чувством понял, что из всего этого может получиться фильм...

— Мне захотелось рассказать о людях, одиноко доживающих свою жизнь на маленьком хуторе, — говорит Райво. — Через образы старика и старухи показать любовь к родному очагу, к тем местам, где родился и вырос, но всему тому, чем жив человек, что он уважает и ценит вокруг себя. Это прежде всего хлеб. С него я и начал мой фильм. Но хлеб — лишь начало, его продолжение — работа, дети и дом: такова наша жизнь...

Языком художественных образов (в документальном фильме звучит только музыка) его автор Райво Мустинг сумел раскрыть внутренний мир своих героев, показать, чем они живут, чему радуются и печалятся...

...Они с любовью строили и обживали свой дом. Здесь родилась надежда — дети, которые, они верили, будут с той же радостью и уважением пестовать этот уголок земли, вносить свою лепту в его украшение. Ибо стоит тот дом не особняком — невдалеке другой, а там и третий, четвертый... Хутора... А все вместе они совхоз «Вериора». Молодым рукам раздолье.

Но дети выросли и разлетелись из родного гнезда. Есть внуки и правнуки. Однако они здесь лишь гости. А хранители домашнего очага — старик и старуха — все у порога, все у окошка; их жизнь — бесконечные проводы и ожидание...

Кружат по комнатам воспоминания. Старая Хильда посадила хлебы в печь, села, сложила руки под грудью и о чем-то задумалась. Встала, прошла к столу, взяла портрет сына — его уже нет, — слезу смахнула, поставила на место и отошла.

Сидящему у огня старику кажется, что отворились ворота и крючок болтается не у дел. Занесло снегом утренние следы к колодцу. Словно просясь в тепло, стучит оледенелой веткой в окно одинокое дерево. Старик смотрит сквозь стекло, вздыхает, берет скрипку и начинает играть...

Хильда вынимает хлебы. На столе каравай и три тарелки. Старик отрезает ломоть, кладет на тарелку невидимому гостю и вдруг плачет. А комнату заполняют воспоминания, теснятся, наползают друг на друга, путаются.

Фильм получился. Замечательный! Как водится, его обсуждали, критиковали, но больше... хвалили. Присуждали медали, премии, призы. Его смотрели в Таллине, Ленинграде, Болгарии, Венгрии, Финляндии...

— Я назвал этот фильм «Не только о хлебе», — говорит его оператор и сценарист. — Простой на первый взгляд эпизод — выпечка хлеба — перерастает в проблему. Уходит из села молодежь, покидает родные места, бывает, ищет, где хозяйство покрепче, работа полегче, где квартира с удобствами и заработок выше. Кого-то тянет в город...

Сам Райво Мустинг живет и работает в другом месте, в колхозе «Пылва», что возле небольшого старинного городка того же имени, раскинувшегося в древней долине реки Ора. Прямо за городской чертой на пригорке сверкает огромный лемех — памятник строительству колхоза. Отсюда начинается центральная усадьба хозяйства.

Райво двадцать восемь лет. Работает шофером. Мы приехали к нему с председателем колхоза. «Райво у нас молодец, — говорит Велло Алексеевич Янон. — На автокране работает за двоих и домашнее подсобное хозяйство содержит в порядке, посмотрите, какой ухоженный огород, что капуста, что картошка, любо-дорого взглянуть».

На подворье Райво выкладывал дорожки. Ему помогали сыновья, семилетний Овэ и младший Олэ. Во двор вышла стройная женщина и пригласила нас в дом. Это Эвэ, жена Райво, она маникюрша, работает в парикмахерской.

Вытираем ноги о пушистый половичок, входим в комнату.

— Располагайтесь поудобнее, — говорит Эвэ, предлагая кофе и домашнее печенье.

Прошу Райво рассказать о себе, о своем увлечении.

— Да уж лучше я вам все покажу, хвалить не наберусь храбрости, а смотреть можно...

«От весны до осени» — так назывался его первый фильм о «Пылве». Он посвятил его Работе с большой буквы. Главное действующее лицо — Труд. Без заранее обдуманного сценария, сюжета Райво снимал привычную крестьянскую жизнь: каждодневно, без прикрас. Без романтики, как скажут ему его коллеги-кинолюбители из города Выру, на чей суд он вынесет свой фильм.

Земля кормит нас и кормится нашими руками. И Райво показал эти руки. Руки, счищающие с плуга жирную землю. Руки, бросающие семена, из которых потом вырастают тугие колосья на длинных стеблях. Он снимал рожь, спокойно греющуюся на солнце, и руки за штурвалом на зрелой ниве. И урожай, что по осени засыпают в закрома крестьянские руки. И, наконец, руки, тянущие канат на празднике труда.

У Райво тоже крестьянские руки, а душа и видение художника. Начиная с весны по воскресеньям уезжают Мустинги всей семьей куда-нибудь подальше — к песчаным отмелям в тихие, безлюдные места. Эвэ с сыновьями собирает дрова, разжигает костер, а уху Райво варит всегда сам, считая, что дело это сугубо мужское, рыбацкое.

У воды легко дышится и хорошо думается. Можно полежать на горячем песке, поплавать, походить в одиночестве по мягкой душистой луговой траве, почитать любимого Таммсааре — эта страсть у Райво с детства.

А после выходных утром Райво спешит на работу. Он любит этот ранний час, когда село еще только просыпается, катят к службе знакомые шоферы и специалисты, несут женщины молочные бидоны на дощатые помосты у обочин и тоже здороваются с Райво: его здесь все знают. В автохозяйстве он тщательно осматривает автокран, садится в кабину и отправляется на стройку. Начинается работа.

...— Ну, а этот фильм Райво посвятил 35-летию нашего хозяйства, — комментирует Велло Алексеевич, когда на экране появляется надпись «День вчерашний, день сегодняшний». «Пылва» — колхоз исторический, первый в Эстонии. Его биография началась в сорок седьмом с десятка хуторов. В 1970 году влились еще восемь хозяйств-малюток. Сегодня «Пылва» в числе лучших в республике. Чего здесь только не производят! Зерно, картофель, лен и даже семена многолетних трав для себя и соседей — Литвы и Латвии. Но основное — это, конечно, мясо и молоко. Ежегодный удой от одной коровы свыше пяти тысяч килограммов, по жирности молока колхоз на втором месте во всей Эстонии.

«Пылва» — хозяйство высокой культуры производства. Только за последние годы построены удобный машинный двор, молочный комплекс, силосные траншеи, дома с городскими удобствами. В квартиры пришел природный газ. Люди изменились, облагородили земли и выросли сами.

Обо всем этом рассказывает фильм, который сделал Райво. Десятки старых фотографий, вмонтированных в сюжет, переносят в первые годы становления хозяйства, когда все колхозное собрание помещалось за одним столом. Высшей наградой для Райво стали радостные улыбки зрителей-односельчан, друзей из венгерского кооператива имени Лайоша Кошута, что приезжали на праздничный юбилей в «Пылву».

А в голове новые творческие замыслы. Пожелаем Райво, чтобы они осуществились.

З. КРЯКВИНА

Эстонская ССР.

Райво Мустинг и его бабушка. **Фото В. Сальмре**

В горах - щедрые аисты

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
фото Александра НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Эта древняя как мир земля видела не одну цивилизацию... В обнаженных разломах гор, похожих на крепостные стены, специалисты прослеживают всю историю нашей планеты. Под стать горам остатки циклопических сооружений, возведенных еще в далекой древности. Простираясь к водам Аракса вдоль границы с Турцией и Ираном, эта часть азербайджанской земли во все века была оживленным перекрестком культур, торговых караванов и военных полчищ.

Ее природа ни в чем не знает умеренности. Она щедра и жестока — зимой до минус сорока, летом сорок. Богатейшие почвы долины уже в июне высыхают, как порох. В недрах на небольшом пространстве сошлись залежи полиметаллических руд, соли и серы, мышьяка, графита, молибдена... А какие камни! Благородный черный мрамор, желтоватый травертин, расписанный яркими узорами, как арабской вязью, пестрые андезиты, туфы.

...Земля контрастов. До революции здесь на каждого члена ханской семьи приходилось пятьсот гектаров земли, на каждую крестьянскую семью — одна пятая часть гектара. На всей территории нынешней Нахичеванской АССР была одна русско-татарская школа и в ней два учителя. Ныне только в одном Ильичевском районе за последние шесть лет построено 23 школы, и еще восемь возводят.

О хозяйственном и культурном разбеге Нахичевани нам рассказывал первый секретарь обкома партии Нурадин Элясович Мустафаев. Молодой, энергичный, с тонкой самоиронией. Безошибочно ориентируясь в местных проблемах, он четко и с характерным восточным изяществом говорит о насущном, о ближних и дальних перспективах автономной республики.

Главное, конечно,— вода. Нынешним летом тут с апреля и по октябрь не упало ни капли дождя. Воды много, но она обрушивается с гор в половодье, не созидая, а разрушая, а потом начинается вселенская сушь. Вот почему с таким размахом ведется строительство водных артерий, каналов, рукотворных озер.

Ирригация дает ощутимые результаты. Нынешним знойным летом небольшая республика, где всего 270 тысяч человек, вырастила такой урожай винограда, что продала государству около 150 тысяч тонн — это больше двух плановых заданий.

Виноград, фрукты, овощи, бахчевые, мясо и яйца, шерсть и шелк, целебные источники и кладовые гор — вот богатства автономной республики. Только за последние десять лет производство сельскохозяйственной продукции возросло в полтора раза. Все острее ставится вопрос о том, чтобы сохранить выращенное, переработать на месте, донести до покупателя, не растеряв лучшие качества нежной продукции.

Многое делается уже сейчас. За последние десять лет освоено полмиллиарда рублей капиталовложений, почти вдвое больше, чем в предыдущее десятилетие. Построено шесть крупных предприятий, еще пять — строятся. Газифицированы Нахичевань, Ордубад и еще свыше тридцати селений в нескольких районах.

Город Нахичевань за полторы тысячи лет своего существования не знал поры такого бурного обновления: заводские цехи и жилые кварталы, школы и общественные здания возводятся с размахом, в архитектуре ярко отражаются национальные мотивы: в цветных витражах, деталях внешнего оформления, узорчатой каменной кладке. А с какой любовью реставрированы памятники XII века, ставшие на многие века хрестоматийными образцами для всей архитектуры Востока!

...Столица прихорашивалась к юбилею. Среди подарков к этому дню—новые дома, бульвары, мосты и дороги. Но самым красивым и просторным, поистине праздничным будет здание Дворца художественного воспитания детей. В нем органично слились стекло, бетон, алюминий с традиционными узорчатой кладкой, витражами, богатством цветного камня. И в том, что самое представительное здание отдано детям, молодежи, есть большой смысл.

Когда перед закатом солнца проходишь по улицам Нахичевани, или Джульфы, или любого селения, то не покидает ощущение, будто попал на территорию детского сада или школы. Дворы кишат детворой—веселой, звонкоголосой, в пионерских галстуках. Душа радуется. У первого секретаря обкома — четверо сыновей. Это ли не гордость! У заведующего идеологическим отделом — пятеро детей. И вообще — семь-восемь человек не считаются здесь большой семьей.

Отрадная деталь — дети воспитываются в труде, в заботе о младших, в домашних хлопотах. Не случайно около десяти процентов проданного государству винограда — с приусадебных участков. А есть виды продукции, по которым и двадцать и тридцать процентов госзакупок дают приусадебные участки. А ведь на них трудятся семьями.

Широкое распространение получило погектарничество. В колхозе или совхозе человек берет под свою опеку участок виноградника или сада. Конечно, хозяйство дает технику, удобрения, ведет агронадзор, селекцию, ремонт. Но все работы по уходу за участком на плечах погектарника. Ему помогают члены семьи. Своего рода семейный подряд. А осенью что вырастил, сдал,— за то и получил. Получают хорошо...

Мы были в совхозе имени В. И. Ленина Джульфинского района. В бригаде Навруз-Али Алиева взяли нынче по 140 центнеров солнечных ягод с гектара. Большой участок изюмных сортов с густым, как мед, соком и без косточек. С такими ягодами можно чай пить — вместо сахара. Под началом у Навруз-Али 98 человек, не считая их домочадцев. Это все погектарники.

Когда проезжаешь по долине от Джульфы до Ильичевска, не покидает ощущение, что движешься по кругу, по местам, только что виденным. Слева сады, виноградники, клочки полей, разделенные пересохшими ручьями и еще влажными арыками, голубая лента Аракса, а за нею стена гор — уже на территории Ирана. Справа те же поля, селения и все нарастающий каскад гор. Замкнутое знойное пространство.

Мы ехали с первым секретарем Ильичевского райкома партии Т. Г. Алиевым на Арпачайское водохранилище. Таир Гилавович по природе молчалив, сосредоточен, он обладает редкой способностью слушать внимательно, располагающе.

— Хотите попить воды? — спросил он.

А водитель уже притормозил, машина остановилась на обочине. Мы вышли. У подножия каменистого холма блеснуло небольшое озерцо. Вода его пузырилась, казалось, что еще миг — и начнет кипеть. Однако она оказалась прохладной, необыкновенно вкусной, приятно покалывала гортань природной газировкой.

— Ессентуки семнадцать,— сказал Таир Гилавович,— ученые проверяли.

Вот такая проблема. Десятки ценнейших минеральных источников, а используются пока лишь некоторые. Около пятидесяти миллионов бутылок воды «Сираб» — типа доломитного нарзана, разливает один завод, и 90 миллионов «Бадамлы» — другой. Это в год. Строится еще цех, но и с его пуском многие ценнейшие источники останутся пока в том же виде, что и озерцо, из которого мы пили.

Но время обещает много радостных перемен. Это видно на примере Ильичевского, самого крупного района автономной республики. Шесть лет назад здесь вообще не было промышленных предприятий. Сейчас есть радиотехнический завод, четыре винзавода, создано Арпачайское водохранилище, что позволило оросить семь тысяч гектаров новых земель, а с окончанием строительства левобережного канала будет орошено еще 25 тысяч гектаров.

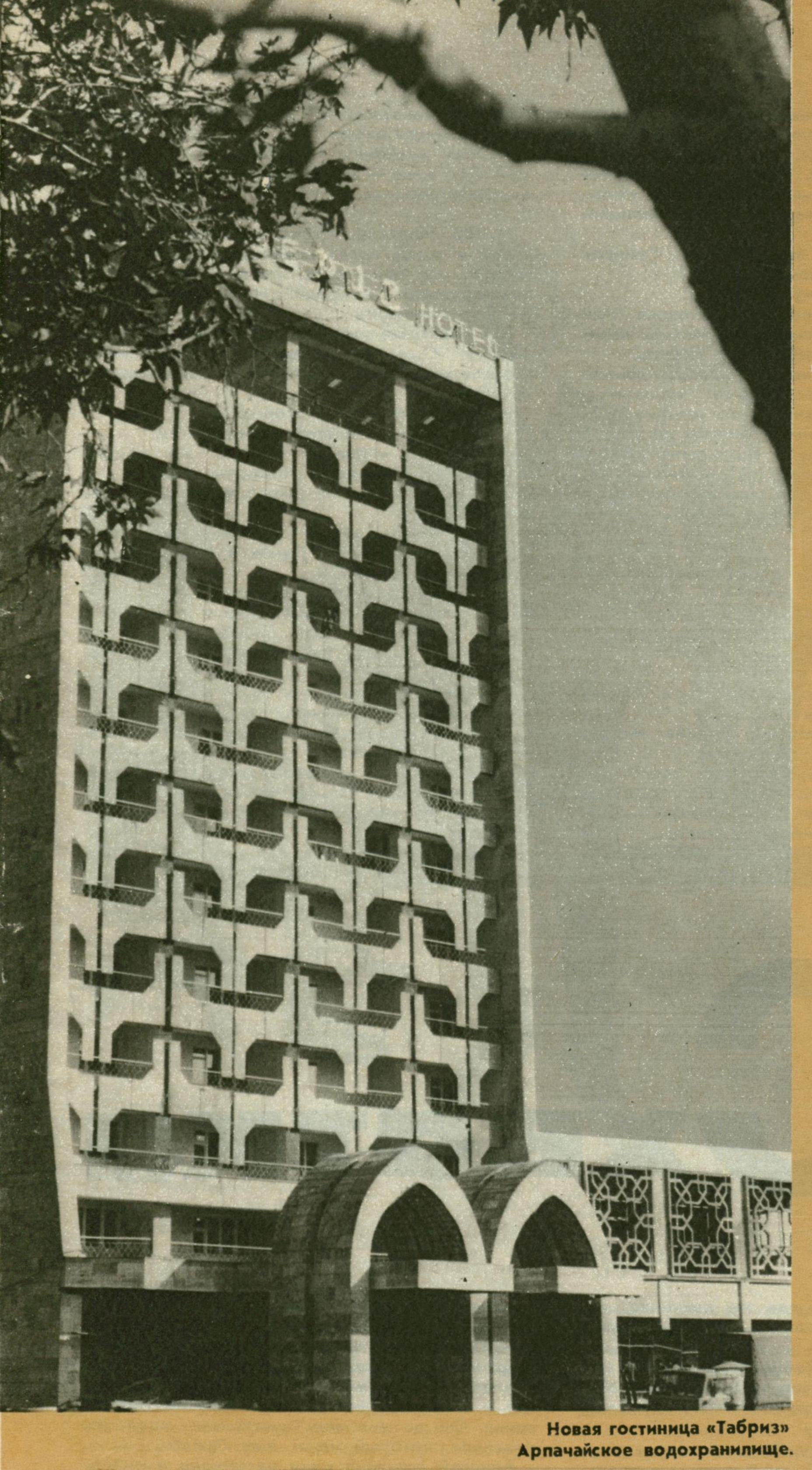
Вода — будущие урожаи. Поэтому строится крупный консервный завод. В том, что он будет обеспечен сырьем, нет сомнений. За четыре года район выполнил пятилетний план по продаже государству винограда, зерна, овощей, фруктов, бахчевых, яиц, табака и уже поставляет их в счет будущего пятилетия.

— Все есть,— говорит Таир Гилавович,— земля, вода, солнце, постоянная забота партии и Советского правительства. Дайте только время... В работящих руках тоже нет недостатка. Кроме трех десятков новых школ, каждый год открываем детсады, дома культуры, стадионы, парки — для молодежи в основном. А детей все прибавляется. Знаете, у нас тут аисты очень щедрые...

Самая характерная деталь автономной республики сегодня: в каждом селении — два селения, потому что в каждом дворе—два дома, старый и новый, строящийся. А это говорит о многом.

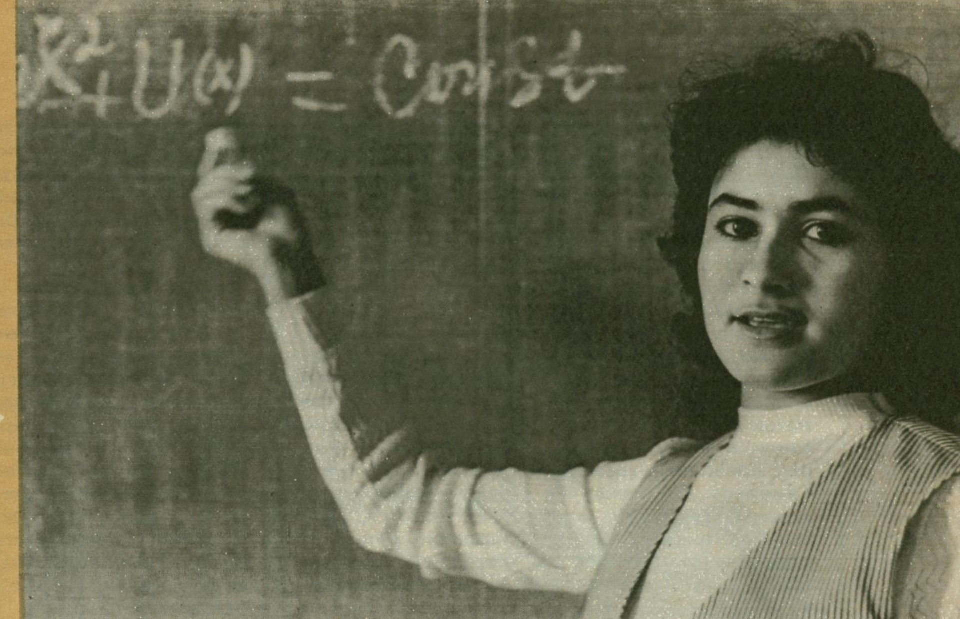

Новая гостиница «Табриз»

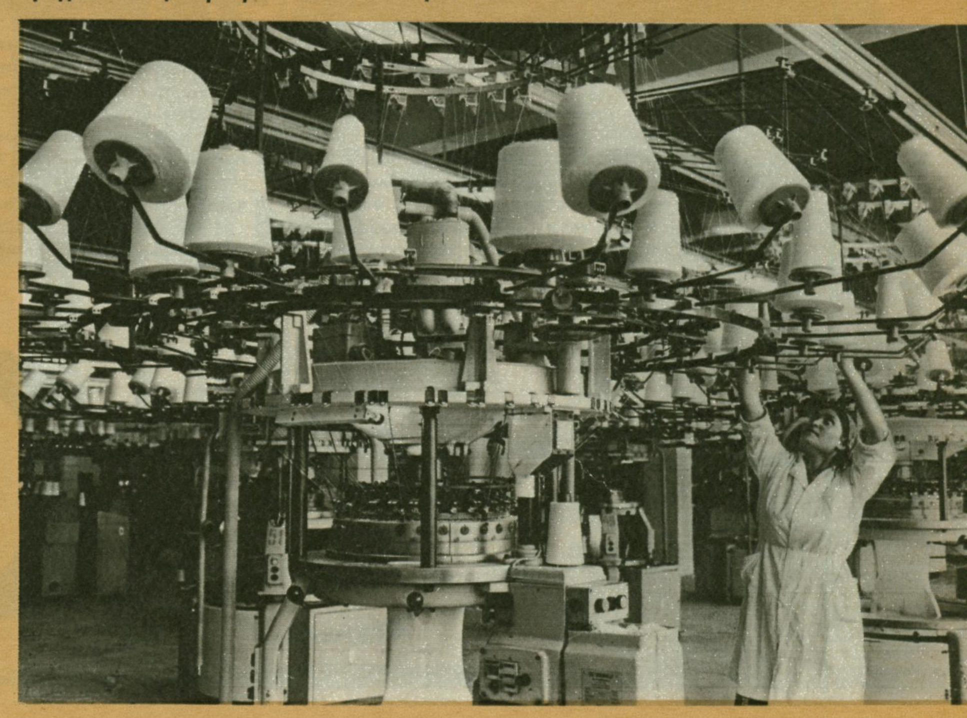
Арпачайское водохранилище.

Студентка Нахичеванского педагогического института Айбениз Ахмәдова.

Прядильный цех фабрики бельевого трикотажа.

Выступает ансамбль «Шерур».

Василий **ЧИЧКОВ**

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Схватка

●

Серый «форд» Мехью догнал «Волгу». Рамирес это заметил и, когда Мехью попытался обогнать его, он подставил ему багажник своей машины.

Мехью был вне себя от ярости. Это он-то, Мехью, на «форде», в котором четыреста лошадиных сил, не может обогнать какую-то слабосильную «Волгу»! В этот час на улице поток машин был довольно плотный. Многие ехали с работы домой обедать. Мехью еще раз попытался заехать на осевую и обогнать Рамиреса. Он нажал на газ до конца, и его машина рванулась вперед, и, кажется, уже она обгонит «Волгу». Широкий радиатор «форда» поравнялся с передней дверью «Волги», но Рамирес взглянул на обгоняющий «форд», дерзко усмехнулся и взял сильно влево. Мехью выскочил на полосу встречного движения и чудом увернулся от лобового удара.

Рамирес увидел в конце улицы полицейскую машину. Он понял, что в ловушке. Резко свернул налево, проскочил перед носом встречных машин. Проехав по этой улице всего полкилометра, увидел, что и здесь полиция. А на «хвосте» по-прежнему сидел Мехью и следом полицейская машина.

Рамирес не чувствовал никакой вины, он мог бы остановить машину и спросить преследователей: «Что вам угодно, сеньоры?» Но не останавливал машину потому, что ему надо было во что бы то ни стало позвонить в советское консульство и хотя бы в двух словах все объяснить. Он уже придумал эти короткие фразы и повторял их, наверное, в двадцатый раз: «Моряк Алексей арестован в ресторане «Дядя Вася». Марина в безопасном месте». Вот эти две фразы сказать бы по телефону, и тогда...

Полицейская машина включила сирену и стала обходить «Волгу» по левой стороне улицы. Рамирес заметил неподалеку справа переулок. Он бывал там прежде и знал, что за вторым домом во дворе телефон-автомат.

Полицейская машина шла уже вровень с «Волгой». Из открытого окошка высунулся полицейский, размахивая дубинкой.

Рамирес, как и в прошлый раз, дерзко усмехнулся и крутанул руль вправо. Машина накренилась, завизжала резина. Полицейская машина не успела повернуть и проскочила переулок. Но Мехью, прочно сидевший на «хвосте», сумел повернуть следом за «Волгой».

Рамирес нажал на газ до конца. Около входа во двор Рамирес резко затормозил, рассчитывая на то, что, может, «форд» врежется в багажник. Но Мехью был гонщиком, и реакция у него была отменная. «Форд» остановился, как вкопанный, позади «Волги».

Рамирес выскочил из машины и побежал во двор. Влетев в будку автомата, он набрал номер.

Послышался гудок. Он казался таким долгим, как вечность. Еще гудок...

Мехью подбежал к телефонной будке, рванул дверь и нажал на рычаг телефонного аппарата.

Рамирес сильно толкнул Мехью и выскочил из будки. Он хотел бежать к своей машине, но, услышав звуки полицейской сирены, понял, что бежать некуда. Двор окружен высокой каменной оградой. В подъезде дома, через который можно было выскочить на улицу, стоял Мехью, в воротах появились полицейские.

Когда подбежали полицейские, Рамирес спокойно, с достоинством спросил:

— Чем обязан такому вниманию?

Вопрос Рамиреса несколько охладил пыл полицейских. Они поглядели на Мехью, который тоже сразу не нашелся, что сказать.

— Вы нарушили правила уличного движения,— первым произнес сержант полиции.— Почему вы не остановились по нашему требованию? Мы вынуждены задержать вас.

— С каких это пор за нарушение правил движения стали хватать людей?— спокойно ответил Рамирес.— Это во время диктатуры арестовывали, за что хотели. Теперь с этим покончено.

Мехью взорвался.

— Ты эти свои речи оставь для митинга. Где ты высадил русскую девчонку?

Рамирес пожал плечами.

Мехью схватил Рамиреса за грудь и, уже не в силах сдерживать себя, прокричал:

— Где девчонка?

— Не знаю!— ответил Рамирес и с усмешкой посмотрел на детектива.

Эта усмешка окончательно вывела Мехью из равновесия.

— Будешь говорить, красная сволочь?— прошипел он.— Или ты настолько продался русским, что готов за них погибнуть?— Мехью сильно ударил Рамиреса в живот.

— Я подам на вас в суд,— с трудом разогнувшись, сказал Рамирес.

— Если ты скажешь, где эта девчонка, мы тебя отпустим,— продолжал Мехью.— Номер квартиры?

И опять в глазах у Рамиреса появилась вызывающая усмешка. «Нет, не нашли они Марину!» Рамирес с благодарностью подумал о своей тетке.

— А может, ты ее любовник?— вдруг воскликнул Мехью и заглянул Рамиресу в глаза.

— Ну и что?!— спросил Рамирес.

Мехью опять ударил Рамиреса. За Мехью водилась такая черта: его кулаки срабатывали раньше, чем голова.

Рамирес, обхватив живот руками, корчился от боли. Но прошло мгновение, как он вдруг, распрямившись, сильно ударил головой Мехью, и тот, отлетев в сторону, растянулся на земле. Полицейский выхватил дубинку и со всего маха опустил ее на спину Рамиреса.

— В машину его,— прохрипел Мехью, поднимаясь с земли и держась за челюсть.— Везите в управление. Там он заговорит. А я поеду искать девчонку.

Полицейские быстро усадили Рамиреса в машину и умчались. Мехью сел в свой «форд», потер челюсть, которая ныла от удара, и включил переговорник.

— Поймали мы этого красного петуха,— доложил Мехью.— Но из него не выдавишь ни слова.

— Бил?— спросил Ортеба.

— Пару раз!

— Ну и дурак!

— Надоели мне твои оскорбления!— недовольно бросил Мехью.— Он меня тоже ударил. Зуб качается. А ты сидишь у телефончика, команды даешь.

— Ищи девчонку!— оборвал его Ортеба.

— Сам знаю,— зло ответил Мехью и выключил переговорник.

Майор Мартинес сидел в своем кабинете, курил и ждал, когда привезут Алексея. Сам себе он мог признаться, что мало верил в успех задуманной операции. Но приказ адмирала надо выполнять.

Эти советские люди всегда были непонятны майору. Они не поддавались логическому исчислению, поступали часто вопреки здравому смыслу.

В кабинет вошел Новогородский.

— Вы меня вызывали? — спросил он.

— Садитесь.— Майор показал на кресло возле стола.— Когда вы были на корабле, не обратили внимания на такого матроса по фамилии Панов?

— Как же! Как же! — услужливо пролепетал Новогородский.— Этот Панов в ресторане со мной был.

— Что вы можете о нем сказать?

— Хороший парень. Девушка у него здесь. Марина!

— Пьет? Деньги любит? — спросил майор.

Новогородский пожал плечами.

— Пил мало. Все с девушкой разговаривал.

Новогородский не знал, что Алексей попал в лапы контрразведки. Ему хотелось сказать о нем добрые слова.

— Он парень образованный,— продолжал Новогородский.— Четыре курса университета окончил. Журналист. Интересовался этнографией.

Солдат ввел Алексея. Лицо у него было в кровоподтеках, рубашка разорвана. Видимо, полицейские сполна расплатились с ним за то, что он толкнул Мехью.

— Проходите, садитесь,— вежливо сказал Мартинес и показал рукой на стул.

Алексей, прихрамывая, прошел через кабинет и с трудом сел на стул. Сильно болела спина. Он до сих пор чувствовал удар по пояснице, который нанес ему Ортеба.

Алексей положил руки на колени и сидел, не двигаясь,— каждое движение причиняло ему боль. К тому же ему не хотелось поворачивать голову в сторону Новогородского. Уж очень противен был ему этот тип. «Подлец,— подумал Алексей.— Говорил о любви к России. А сам! Предатель! Подвизается в контрразведке».

— Рад приветствовать вас,— сказал Алексею майор Мартинес.

Новогородский перевел его слова.

— Вы не имели права меня арестовывать,— ответил Алексей, встретившись взглядом с Мартинесом.

— Мы вас не арестовали, а задержали. Улавливаете разницу?

— Почему вы меня задержали? — спросил Алексей.— В чем моя вина?

— Вы ударили нашего сотрудника.— Майор сделал паузу и добавил: — В нашей стране за оскорбление полицейского можно попасть за решетку. А вы ударили сотрудника управления безопасности.

— Я его оттолкнул. Он ударился об угол стола.

— И вы считаете себя невиновным? — Майор сделал паузу и посмотрел на Алексея.— А ведь он подошел к вам с добрыми наме-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—46.

рениями. Хотел пригласить вас к прокурору на беседу. Ваши товарищи были у прокурора. А вы куда-то исчезли. Капитан корабля Артамонов волновался. Мы решили помочь ему, вы были бы с ними.

Уже не раз Алексею приходила мысль о том, что он зря убежал, что нужно было не прятаться в чужом номере, а идти навстречу своим товарищам.

Когда Алексея ударил Ортеба, когда били потом полицейские, он терпел и чувствовал себя правым. Был уверен, что чем-то помог товарищам и за это страдает. Но слова майора снова поколебали его уверенность. «Неужели я сам во всем виноват?»

Мартинес заметил смятение Алексея. «Значит, нашел точный ход,— решил он.— Это как в шахматах».

— Нехорошо получилось.— Голос майора звучал дружелюбно.— Что подумают ваши товарищи?

— Отпустите меня,— не глядя на него, произнес Алексей.

— Зря торопитесь! — с улыбкой бросил майор.— Вы еще молоды и неопытны. Не знаете, что те, кто побывал в управлении безопасности, встречаются вашими товарищами не очень дружелюбно.

— Это пусть вас не волнует,— сказал Алексей.

Мартинес решил пустить в ход новые аргументы. Он вынул из стола тетрадь старпома, которую ему вручил Ортеба.

— Я хочу вам сказать, Алексей,—голос майора звучал по-прежнему дружелюбно,— вам не доверяли на корабле.— Он повертел перед глазами Алексея тетрадь в коричневом дерматиновом переплете.— Знакомо вам это?

Алексей взглянул на тетрадь и, заметив, что она наша, советская, промолчал.

— Это дневник вашего комиссара,— продолжал майор. Он полистал страницы, нашел место, отчеркнутое красным карандашом, и передал тетрадь Новогородскому.

Переводчик достал очки и стал читать.

Алексей слушал Новогородского, стараясь не смотреть на него. Настолько противен был облик этого человека, с которым он сидел в ресторане за одним столом.

«Не знаю, зачем берут в загранку таких. Панов — парень явно аполитичный, хотя и учился в университете. На политзанятиях сомнительные вопросики подбрасывает. На любой случай у него анекдот имеется. На команду действует отрицательно».

— Нехорошо читать чужие дневники,— сказал Алексей, и опять у него мелькнула спасительная мысль, что он попал сюда не из-за своей глупости. Кому-то все это было нужно!

— Значит, вы меня забрали как самого ненадежного? — спросил Алексей.— И что же вам от меня надо?

— Это уже деловой разговор! — Майор протянул сигарету.— Курите.

Алексей взял сигарету, уж очень хотелось курить. Пачка «Явы» осталась там, в ресторане, а других сигарет с собой не было. Он размял сигарету, прикурил и глубоко вдохнул дым. Голова чуть закружилась. Эта пауза нужна была Алексею. «Значит, они арестовали меня не просто так!» И странно, открыв более вескую причину своего ареста, Алексей мог бы встревожиться. А все наоборот. В душе зазвучала какая-то другая, оптимистическая нота. Горькая мысль о том, что он попал в лапы этих людей из-за собственной глупости, перестала терзать его.

— Мы вас отпустим,— сказал Мартинес.— Но надо подписать маленькую бумажку, всего несколько слов.

Алексей вопросительно смотрел на майора, который неторопливо взял со стола лист бумаги, ручку и положил перед ним. Алексей пододвинул бумажку и взял ручку. Он подумал, что нужно написать о том, что его не обыскивали, не били. Можно написать все это. Лишь бы отпустили. В конце концов он тоже не без греха — толкнул детектива. Но предположение оказалось неверным.

— Пишите,— сказал майор.— На борту советского корабля «Пролетарий» находилось оружие...

— Да вы что! — возмущенно воскликнул Алексей и положил ручку.— Никакого оружия на корабле не было!

— Вы не знаете, а мы знаем,— продолжал Мартинес.— В трюме среди ящиков с пустыми банками были ящики с оружием.

— Это неправда! — Алексей отодвинул от себя подальше бумагу и ручку.

— Не будьте дураком, Панов! — Майор продолжал разговор в прежнем дружеском тоне.— Вы по неопытности своей попали в сложную ситуацию. Вернетесь домой — загонят в Сибирь.

— В Сибири климат здоровый! — Алексей попытался улыбнуться, но разбитая губа мешала сделать это.

Майор встал из-за стола, прошелся по комнате. «Крепкие орешки эти русские. Черт бы их взял! — подумал он.— Человека из другой страны можно запугать, купить. А эти не поддаются... А может, предложить ему остаться?..» Майор зацепился за эту мысль, снова сел в кресло и посмотрел на Алексея, который по-прежнему сидел на стуле прямо, не шевелясь, потому что любое движение причиняло ему боль в пояснице.

— Послушайте, Панов,— начал майор.— Вы парень неглупый, с характером. Я вижу.

Новогородский переводил быстро, поглядывая то на майора, то на Алексея, который за все время ни разу не посмотрел в его сторону.

— Вы мне нравитесь,— продолжал майор.— Уважаю таких. Я вижу, вы человек грамотный и вполне разумный. У меня есть деловое предложение.

Алексей посмотрел на майора довольно безразлично.

— Вы подпишите это заявление,— майор опять придвинул Алексею лист бумаги и ручку,— и мы вам предоставим убежище. Найдем хорошую работу. Вы журналист. Будете здесь известным человеком. Верно я говорю? — Он повернулся к Новогородскому.

Тот молчал, опустив глаза. Он боялся встретиться взглядом с Алексеем. Душа его протестовала против этой очевидной провокации, которую затеял майор. Ему хотелось отчаянно крикнуть и этим криком защитить Алексея. Но он молчал. Страх сжимал горло.

— Что же вы молчите? — более настойчиво обратился майор к переводчику.

Новогородский пожал плечами и негромко сказал:

— Журналист может иметь хорошую работу.

Алексей горько усмехнулся. Он никогда не думал, что в его жизни случится вот такое: ему предложат остаться на чужой земле. У него была тяга к этой самой загранице: достать бы джинсы вельветовые с хорошей маркой, выкурить бы «Филипп Моррис», послушать Челентано или Руссоса, достать билеты на кинофестиваль и поглядеть полуобнаженных красоток, шикарные отели и блестящие автомобили. Но чтобы жить где-то вдали от Родины — такое в голову не приходило. Алексей посмотрел на Новогородского, который сидел, потупив взор, и что-то жалкое было в его позе, в понуро опущенной голове. Однако Алексей не испытывал к нему чувства жалости — в его душе клокотала ненависть к этому человеку. Ему казалось, что он с майором заодно.

— Вы подлец, Новогородский! — сказал Алексей.— Говорили о любви к России, а сами вон где прислуживаете. Наверное, во время войны с фашистами сотрудничали...

— Нет,— ответил Новогородский, не глядя на Алексея.

— Что он говорит? — спросил майор.

Новогородский что-то объяснил Мартинесу, но Алексей понять этого не мог.

— Значит, не хотите по-хорошему, по-доброму,— сказал майор. В голосе его появилась металлическая нотка, взгляд стал решительным и жестким. На лоб упала небольшая прядь волос, и Алексею вдруг показалось, что он похож на Гитлера.

Майор пододвинул поближе к Алексею бумагу, ручку и сказал:

— Либо вы подпишете, либо потом будете долго сожалеть о своем неразумном отказе. Две минуты на размышление.— И, посмотрев на часы, закурил.

Алексей взял ручку и начал что-то писать. Новогородский хорошо понимал, что если Алексей подпишет эту бумагу — он пропадет. Сначала, конечно, его атакуют журналисты, покажут разок по телевидению. Но что бы там ни говорили, в глазах всех он будет предателем. И этот самый майор через некоторое время не подаст ему руки. Новогородский вспомнил, как когда-то подписал заявление, и именно с того дня его жизнь пошла под откос. Хотелось крикнуть парню: «Не пиши! Разорви бумагу, брось ручку!» Однако для того, чтобы крикнуть такие слова в присутствии майора, надо было иметь мужество. Но жизнь сломала Новогородского, перетерла, превратила в труху. И потому его мысли и желания оставались там, внутри, не прорываясь наружу.

Дверь отворилась, и вошел Ортеба. Он склонился к майору и негромко сказал:

— Рамиреса задержали, а девчонка скрылась. Он ее высадил. Найти не смогли.

Новогородский слышал эти слова и понял, о ком речь. До прихода сюда он слышал, как Ортеба кричал в телефонную трубку: «Мне нужна эта девчонка. Найти!» Значит, не нашли! Новогородский порадовался этому.

— Готово! — сказал Алексей и, отложив ручку, пододвинул майору бумагу.

На листе был изображен Мартинес. Челка на лбу, усики, рука высоко поднята. Настоящий Гитлер. А внизу написано: «Хайль провокейшн!» [1].

Майор с силой вдавил сигарету в пепельницу и в упор посмотрел на Алексея. Но тот не отвел глаза.

Ортеба подался вперед, взглянул на рисунок и громко засмеялся. Майор почувствовал в этом смехе злорадство. С трудом сдерживая себя, он негромко сказал:

— Я, конечно, мог бы придумать вам наказание, но я человек воспитанный. Мне не хочется применять грубую физическую силу.

Зазвонил телефон. Майор взял трубку. Некоторое время слушал, а потом произнес:

— Пока что нет, сеньор адмирал. Слушаюсь.— Мартинес встал из-за стола.— Меня вызывают. Отправьте этого...— Он кивнул на Алексея.— В камеру.— Смяв рисунок, он бросил его в корзину.

— Прежде чем отправить в камеру, я могу побеседовать с ним пять минут? — спросил Ортеба.

— Хоть десять,— зло сказал майор и ушел.

— Оказывается, вы художник,— сказал Ортеба, удобно усевшись в кресло Мартинеса.— А я и не знал.

— Зато я хорошо узнал, кто вы,— ответил Алексей.

Ортеба взял чистый лист бумаги, ручку и сказал:

— Рисовать больше не надо. Я уже понял, что талант художника у вас есть. Писать надо...

— Писать не буду,— твердо ответил Алексей.

— А мы заставим.

— Каким образом? — Алексей еще раз взглянул на Ортебу и заметил, что лоб у него маленький, полвершка.

— А знаешь, где твоя девчонка, с которой ты провел ночь в отеле? — Маленькие глазки Ортебы, как буравчики, сверлили Алексея.

Алексей не выдержал взгляда и опустил глаза. С каждой минутой этот человек становился ему все более противен.

— Может, ты хочешь ее увидеть? — Ортеба сделал паузу, потому что почувствовал, как его слова больно задели Алексея.— Ах, тебе здесь не хочется встретиться с ней? — Губы Ортебы растянулись в притворной улыбке.— А она сидит рядышком, за стеночкой, ждет свидания. И мы сейчас его устроим. У нас в управлении солдаты молодые и очень истосковались по девочкам. Они с большой охотой позабавляются с твоей красоткой. Так вот: либо ты подпишешь эту бумагу, либо я устрою тебе художественное зрелище.

Ортеба закурил.

Алексей в эту минуту ясно представил Марину. Был яркий июльский день. В Серебряном бору воздух напоен ароматом разогретой хвои. Марина в купальном костюме бежала вдоль берега Москвы-реки, Алексей пытался догнать. Казалось, он вот-вот настигнет ее и схватит за руку. Но Марина ловко увертывалась и при этом заливисто смеялась. Волосы ее развевались на ветру. Из-под ног летели в разные стороны брызги, рассыпаясь на солнце ярким серебром. Алексей все-таки догнал Марину и схватил за руку. Он привлек ее к себе, подхватил на руки и понес в воду...

Ортеба снова пододвинул чистый лист бумаги и ручку.

Алексей взял этот лист, смял и бросил в лицо Ортебы.

— Фашист! Ублюдок! — закричал Алексей.— Ты же врешь, гад! Врешь! — Голос звучал яростно.— Нет ее здесь. Нет! Слышишь, ничтожество в военной форме?! Провокатор! Если вы схватили меня, так думаете, я испугался и с испугу сделаю все, что вы хотите? — Алексей сложил три пальца и показал Ортебе.— Видел!

— Ах ты, щенок! — взорвался Ортеба. Он вскочил из-за стола и схватил Алексея за грудки.— Я ведь не майор. Я не из сопливых демократов. Я тебя ни в чем убеждать не стану... Я тебя бить буду... А когда человека бьют, он делает то, что ему говорят.

— Все равно ничего не подпишу. Ничего! Сволочь! — в сердцах бросил Алексей.

Ортеба сильно ударил Алексея, тот свалился со стула и отлетел в угол.

Новогородский бросился к Алексею, чтобы поднять его. Наклонившись к нему, он шепнул:

— Марины здесь нет. Крепись!

— Что ты ему сказал? — Ортеба схватил Новогородского за шиворот и толкнул к двери.— Вонючий эмигрант!

— Ты слышишь, Алексей? — крикнул Новогородский.— Вот так же и тебя будут величать, если подпишешь бумагу.

Лейтенант подскочил к Новогородскому и опять схватил его за шиворот.

— Продажная тварь! — прошипел Ортеба.— Совесть заговорила на старости лет! Ты еще пожалеешь об этом. Будешь побираться, как нищий.— Он повернул Новогородского лицом к двери и с силой толкнул его.

— Эй, Чучо! — крикнул Ортеба солдату, который был в соседней комнате.— Выкинь это дерьмо на улицу и больше не пускай в управление. А сам потoропись. Тут один упрямый объявился. Нужно его воспитать...

Камера, в которую привели Алексея, была небольшая, с мрачными серыми стенами и небольшим зарешеченным окошком под самым потолком. Вдоль двух стен стояли деревянные нары. Тяжело, с металлическим скрежетом закрылась дверь, и Алексея объяла тягучая тишина.

Весь мир с его ярким солнцем, с его радостными и грустными звуками, с его мчащимися автомобилями, толпами прохожих на улице — все это было отделено от него толстыми тюремными стенами.

Алексей лег на нары и остро почувствовал боль в пояснице. Он осторожно повернулся на бок, положил руку под голову и так лежал, не двигаясь. Но даже и в этом положении все тело ныло. Солдат Чучо, которого позвал Ортеба, был огромного роста. Он схватил Алексея за грудки и толкнул его с такой силой, что тот, ударившись о стену, потерял сознание. Алексей как в тумане слышал слова Ортебы, который сам написал текст и требовал, чтобы была поставлена подпись. Лейтенант совал Алексею ручку, но тот отрицательно качал головой. Чучо продолжал наносить свои страшные удары.

— Теперь подпишешь? — спрашивал Ортеба и опять совал шариковую ручку.

У Алексея не было больше сил терпеть этот напор Ортебы, он плюнул ему в лицо.

Дальнейшее помнит смутно. Потому что солдат Чучо тут же дал полную волю своим кулакам.

Алексею казалось, что прошла целая вечность с того времени, когда он был свободен, шагал с Мариной, держа ее за руку. А ведь все это было совсем недавно... Алексей вышел с Мариной из отеля в восемь утра. В этот час солнце мягко освещало улицы, садовник поливал клумбы перед входом, воздух был напоен утренней свежестью.

Держась за руки, они бежали по улице к остановке автобуса. Марина боялась опоздать на рейс «восемь—двадцать». Она чмокнула Алексея в щеку и быстро поднялась по ступенькам.

Когда автобус тронулся, она стояла у окна и махала ему рукой. Он так ясно видел сейчас ее, улыбающуюся, счастливую.

Все это было утром. Но события прошедшего дня так отдалили это утро, поставили непреодолимую преграду между ним и Мариной...

Никогда Алексей не чувствовал себя столь одиноким. Такого с ним еще не было: в школе было полно друзей, в институте тоже хватало.

Алексей вспоминал даже Юлика. Странная их дружба кончилась печально, но и ее из жизни не вычеркнешь. Было все-таки совпадение интересов и мнений. Как они оба восхищались всем иностранным! «Старик! Ты по-

[1] Да здравствует провокация!

смотри, какой аппарат! — восклицал Юлик, увидев американский «бьюик».— Линии, краска, а внутрь загляни! Обивка. Нашим охламонам далеко до этого!»

А как они вместе с Юликом прорывались на кинофестиваль, чтобы хоть краешком глаза поглядеть на красивую заграничную жизнь!

— Красивая жизнь...— грустно повторил Алексей.

Раньше всегда были рядом мать и бабушка. Отец жил отдельно, мать разошлась с ним давно, лет двадцать назад. Тогда Алеша был еще маленьким. Ему не хватало отца, он плакал. Мать и бабушка внушали мальчику, что отец не хочет с ними жить, и Алеша ненавидел за это отца.

Уже потом, когда Алексей подрос и стал разбираться в жизни, он понял, что в разводе родителей в большей степени была виновата мать. Окончив медицинский институт, она поверила в свои способности хирурга. День и ночь пропадала в клинике. Когда отец Иван Михайлович сказал жене, что нельзя забывать о семье, Вера Леонидовна предложила развод. Ей казалось, что современная женщина должна иметь ребенка и быть независимой от мужа, быть личностью и думать о своей карьере.

Вера Леонидовна известным хирургом не стала. Работает в поликлинике, лечит царапины, вывихи, чирьи...

Чем старше становился Алексей, тем больше его тянуло к отцу, хотя у того была другая семья и дети. Иван Михайлович всегда радостно встречал Алексея и подолгу за чашкой чая беседовал с ним. Обо всем рассказывал: о том, как воевал когда-то, как его ранили.

И Алексею так нужны были эти беседы. Он рос с бабушкой и никогда не чувствовал сильной мужской руки. Наверное, поэтому всего боялся. Если гром заставал на улице, он бежал без оглядки в ближайший подъезд и стоял там, забившись в темный угол.

Когда Алексей подрос и пошел в школу, он боялся Петьку из пятого «Б». На вид тот был не такой уж сильный, но любил драться. Драка, видимо, доставляла ему удовольствие, даже когда его били. Но чаще бил он, потому что ребята робели перед его лихостью и озорством. Когда Алексей подходил к Петьке, ему всегда бывало страшно, и он старался улыбнуться.

Образ этого драчуна долго владел чувствами Алексея и после того, как окончил школу. Когда на улице встречались парни, похожие на Петьку, Алексей старался обойти их стороной.

Его дружба с Юлианом, может, и началась потому, что тот занимался самбо и никогда не испытывал никакого страха перед хулиганами. Когда Юлик был рядом, Алексей чувствовал себя увереннее.

Мысли Алексея тянулись сейчас к отцу. Услышать бы его неторопливый говор, увидеть бы его спокойный взгляд. Случалось прежде, что, когда отец рассказывал о войне, Алексей иногда не верил. Даже тому, например, что со словами «Коммунисты, вперед!» люди шли на смерть. Слово «коммунист» так часто звучало в школе, в университете, по радио и телевидению; наверное, поэтому оно стало для Алексея привычным, потерявшим свой первозданный смысл, который вкладывали в него командиры во время боя.

И, только услышав из уст лейтенанта Ортебы «коммунист», Алексей почувствовал это слово в его огненном, могучем смысле. Лейтенант произносил его с животной ненавистью, озлоблением и в то же время со страхом.

И Алексей вдруг понял, какая сила заложена в этом простом слове. Он понял свою причастность к политической борьбе, невидимую поддержку всех: и капитана корабля, и консула, и Марины, и коммуниста Рамиреса, и отца. Он представил географическую карту, которая висела в школе на стене, огромную территорию СССР, закрашенную красным цветом. И впервые он физически явственно ощутил нерасторжимую связь этих двух понятий: я и моя страна. «Ты, я, он, она — вместе целая страна»,— вспомнил он слова песни. И от сознания, что он выдержал испытания, остался верен Родине, прибавлялись силы и в душе крепла надежда на то, что он вырвется из тюремной камеры.

Окончание следует.

НАДЕЖНЫЙ ЩИТ РОДИНЫ

19 НОЯБРЯ — ДЕНЬ РАКЕТНЫХ ВОЙСК И АРТИЛЛЕРИИ

Б. СОПЕЛЬНЯК

•

Раннее утро. Звонкий от первого мороза воздух. Распушившиеся ели. Нахохлившиеся снегири. Неправдоподобная тишина... И вдруг песня! Лихая, задорная, с присвистом.

Дорогой исторической
Прошли твои войска,
К ракете баллистической
От русского штыка.

Из-за поворота показалась колонна солдат. Крепкие, молодые, разрумянившиеся от мороза ребята, разом выдыхая упругие клубы пара, грянули марш ракетчиков. Подразделение возвращалось с зарядки. Я всматривался в веселые, разгоряченные пробежкой лица — солдатам лет по двадцать, офицерам — по двадцать пять,— любовался мускулистыми торсами, крутыми плечами, отмечал их внимательные, умные глаза и думал: «Прийти бы сейчас этим парням в уютный дом, принять душ, съесть приготовленный матерью или женой завтрак — и на завод, в поле или в студенческую аудиторию. Как их там не хватает! Но они войдут в казарму и займутся боевой учебой, о сложности которой мало кто знает».

Да, служба у ракетчиков особая. Ракетные войска стратегического назначения несут боевое дежурство, которое является выполнением боевой задачи особой государственной важности. Команда «Для обеспечения безопасности нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик дежурным сменам на боевое дежурство заступить!» для воинов-ракетчиков — тот рубеж, за которым остается юность, семейные проблемы, не очень ласковое письмо от девушки. На плечи ракетчика ложится ответственность за судьбы страны, за судьбы мира, за судьбы всей нашей планеты. И в этом нет никакого преувеличения. Оружие, которое доверено этим офицерам и солдатам, обладает такой гигантской мощью, что человеческое воображение просто не в силах ее представить.

Возникает закономерный вопрос: а зачем, собственно, это нужно, нельзя ли без этого обойтись? Увы, нельзя. Все началось, как известно, в августе 1945-го, когда без всякой военной необходимости США сбросили на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы. В огне чудовищных взрывов погибло 273 тысячи и подверглось смертельному облучению 195 тысяч человек.

Вскоре Советское правительство предложило запретить использование ядерной энергии в военных целях, но администрация Трумэна отвергла эти предложения. Над нашей страной нависла серьезнейшая опасность. Советский народ напрягал все силы, чтобы залечить ра-

ны войны: двадцать миллионов жизней отдала наша страна, чтобы покончить с фашизмом, враг разрушил 1710 городов, 70 тысяч сел и деревень, 32 тысячи промышленных предприятий. Военные расходы и потери от разрушений составили 2 триллиона 600 миллиардов рублей. Ни одно капиталистическое государство не смогло бы подняться, понеся такие гигантские потери. А мы поднялись! Многие помнят, какими трудными были первые послевоенные годы: не хватало продуктов, одежды, жилья. Надо было строить, пахать, сеять, шить, делать машины, но партия и правительство вынуждены были экономить буквально на всем, отвлекая немалые средства на разработку и создание такого оружия, которое остановило бы не в меру расхрабрившегося агрессора. Ведь именно в эти годы появляются чудовищные планы уничтожения Советского Союза как государства, а всех нас как народа — «Дропшот», «Чериотир», «Траян». По одному из них, с нами наметили покончить за тридцать суток, сбросив на наши головы 300 атомных бомб.

Но советский народ всегда помнил завет В. И. Ленина о том, что шаги к миру мы должны сопровождать напряжением всей нашей военной готовности. В 1946 году вводится в строй первый в Советском Союзе атомный реактор, а через три года проводятся испытания атомной бомбы. США тут же бросились в новый виток гонки вооружения и вскоре создали водородную бомбу. Но в августе 1953 года такую же бомбу испытали и в Советском Союзе.

В те годы основным средством доставки атомных зарядов к цели были самолеты. США построили вдоль наших границ сеть аэродромов, с которых стратегические бомбардировщики могли достигнуть любой точки Советского Союза. Мы такой возможности не имели. Американские вояки надеялись отсидеться за океанами.

Между тем советские ученые параллельно с созданием ядерного оружия занимались и разработкой эффективных средств их доставки — речь шла об управляемых баллистических ракетах. Первая такая ракета была изготовлена еще в 1947 году, и вскоре она поступила на вооружение. И вот в августе 1957 года был осуществлен пуск первой в мире межконтинентальной многоступенчатой баллистической ракеты. В правительственном сообщении, опубликованном по этому поводу, говорилось: «Испытания ракеты прошли успешно... Полученные результаты показывают, что имеется возможность пуска ракет в любой район земного шара. Решение проблемы создания межконтинентальных баллистических ракет позволит достигать удаленных районов, не прибегая к стратегической авиации».

Так мировая система социализма получила надежный ракетно-ядерный щит. Недосягаемости и неуязвимости агрессора, в какой бы точке земного шара он ни находился, пришел конец. Но организационно Ракетные войска стратегического назначения были сформированы в 1959 году.

О создании нового вида Вооруженных Сил было объявлено на сессии Верховного Совета СССР. Причем подчеркивалось, что этот акт — вынужденная необходимость, который служит гуманным целям — не допустить третьей мировой войны.

А ведь именно в эти годы мир не раз был на грани катастрофы. Только в период с 1946 по 1975 год США двести пятнадцать раз прямо или косвенно прибегали к использованию вооруженных сил и угрожали другим странам военным вмешательством. Девятнадцать раз на повестку дня в Вашингтоне ставился вопрос о применении ядерного оружия, в том числе четыре раза — против СССР. Вот несколько опубликованных данных, иллюстрирующих деятельность этих «ястребов». Сегодня общая численность вооруженных сил США составляет более 3 миллионов военнослужащих и свыше одного миллиона гражданских служащих. США имеют более 1 500 военных баз и объектов на территории 32 государств. А вот каковы темпы наращивания ядерных сил: если в 1970 году США имели немногим более 5 тысяч ядерных боеприпасов, то в настоящее время их свыше 12 тысяч, а в 1990 году будет 20 тысяч. В непосредственной близости от границ Советского Союза и других стран социалистического содружества американцы развернули более 50 центров и постов радиоэлектронной разведки. На ближайшие пять лет Пентагон планирует получить ассигнования на астрономическую сумму — более двух триллионов долларов! Но нарушить военное равновесие и добиться превосходства над собой Советский Союз не позволит. Те, кто вынашивает такие планы, явно преувеличивают свои возможности и не учитывают возможностей другой страны. На это совершенно ясно указал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко: «...Организаторы так называемого «крестового похода» против СССР и других стран социализма хотели бы поставить нас на колени. Этому не бывать никогда!»

Побывав в одной из частей Ракетных войск стратегического назначения, я воочию убедился в том, какая современная техника стоит на вооружении ракетчиков, как высока их профессиональная подготовка, как серьезно готовятся они к боевому дежурству.

Вот, скажем, подразделение, которым командует гвардии старший лейтенант С. А. Киселев. Командиру двадцать восемь, а его подчиненным офицерам и того меньше. Все они окончили высшие учебные заведения, все пришли в Ракетные войска, следуя призванию и мечте.

— Я хотел стать военным с детства,— рассказывает С. А. Киселев,— но так сложилось, что после школы поступил в энергетический институт. Учился отлично и стал неплохим инженером. Но каждый день, идя на работу, встречал молодых офицеров, спешащих на службу. Как я им завидовал! В конце концов не выдержал, пошел в военкомат и написал рапорт о желании стать офицером. Военком просьбу удовлетворил. Но главное, меня поддержала жена! Мне повезло. Я был назначен в ракетную часть. Под руководством опытных командиров осваивал специальность ракетчика. Все необходимые экзамены я сдал успешно, а они, кстати, сложнейшие, и был допущен к самостоятельному несению боевого дежурства. Сейчас я командую подразделением.

— Мне много рассказывали о том, как тщательно и скрупулезно сколачиваются боевые расчеты. В этом участвуют старшие командиры, политработники и даже врачи. Это действительно так?

— Конечно. Ведь заступая на боевое дежурство, расчет принимает на себя ответственность за готовность и своевременный пуск ракет. От его слаженности, от взаимопонимания в расчете и психологической совместимости зависит успешное выполнение задачи. Так что комплектование расчета — сложное дело. Однако поддержание слаженности боевого расчета требует регулярных тренировочных занятий перед заступлением на боевое дежурство.

— Кого вы считаете лучшим номером боевого расчета?

— Лейтенанта Осина.

— Почему именно его?

— Феликс парень спортивный, с быстрой реакцией и мягким, добрым характером. Феликс уверенно и четко действует в составе боевого расчета. К тому же он вырос в семье военнослужащего — его отец тоже ракетчик, так что у лейтенанта Осина врожденная любовь к порядку, корректности, уважение к старшим и... умение с пользой провести каждую свободную минуту. Например, последнее время я его вообще не вижу без книги или наставления. Спросил, чем вызвано такое прилежание? Оказывается, Феликс решил сдать экзамены на право работать по смежной специальности.

Потом я познакомился со всеми офицерами подразделения. С одними — на учебном командном пункте, где командир части давал им труднейшие «вводные»: включал секундомер и внимательно следил, как расчет решает задачи в сложной обстановке, которая может возникнуть во время несения боевого дежурства. С другими встречался в кабинете врача во время медицинского осмотра. Но вот старшего лейтенанта Сергея Гнездилова я искал долго и тщетно, пока мне не подсказали, что он... в загсе. Помчался в загс! Как элегантен был Сергей в парадной форме, как обаятельна его невеста Люда в длинном белом платье, как необычен был свадебный кортеж, где вперемежку катили «Жигули» и другие машины, какой веселой и задорной была свадьба! Когда же молодожены собрались уезжать в офицерское общежитие, где жил Сергей, их ждал сюрприз: заместитель командира по политической части вручил им ключи от однокомнатной квартиры.

Но веселье весельем, а служба службой. Утром следующего дня на плацу проводилась проверка готовности очередной смены к заступлению на боевое дежурство. В торжественном строю замерли ракетчики. Оркестр играет встречный марш, командир части принимает рапорт своего заместителя. И вот команда: «Для защиты нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик очередной смене на боевое дежурство убыть!» Звучит торжественный марш, и одни направляются к машинам, другие — к вертолетам...

Это о них сказал товарищ К. У. Черненко: «...Пока существует военная и политическая напряженность, пока над нашей страной нависает ракетно-ядерная опасность со стороны США и государств НАТО, следует держать порох сухим, быть всегда начеку...»

У ракетчиков порох сухой!

Подполковник Г. И. Трофимчук поздравляет с вступлением в кандидаты в члены КПСС ефрейтора А. Реброва * Частый гость у молодых ракетчиков участник Великой Отечественной войны Н. И. Сурайкин * Дружно и четко действуют на тренировке при подготовке к несению боевого дежурства старший лейтенант В. Потапов и лейтенант Ф. Осин.

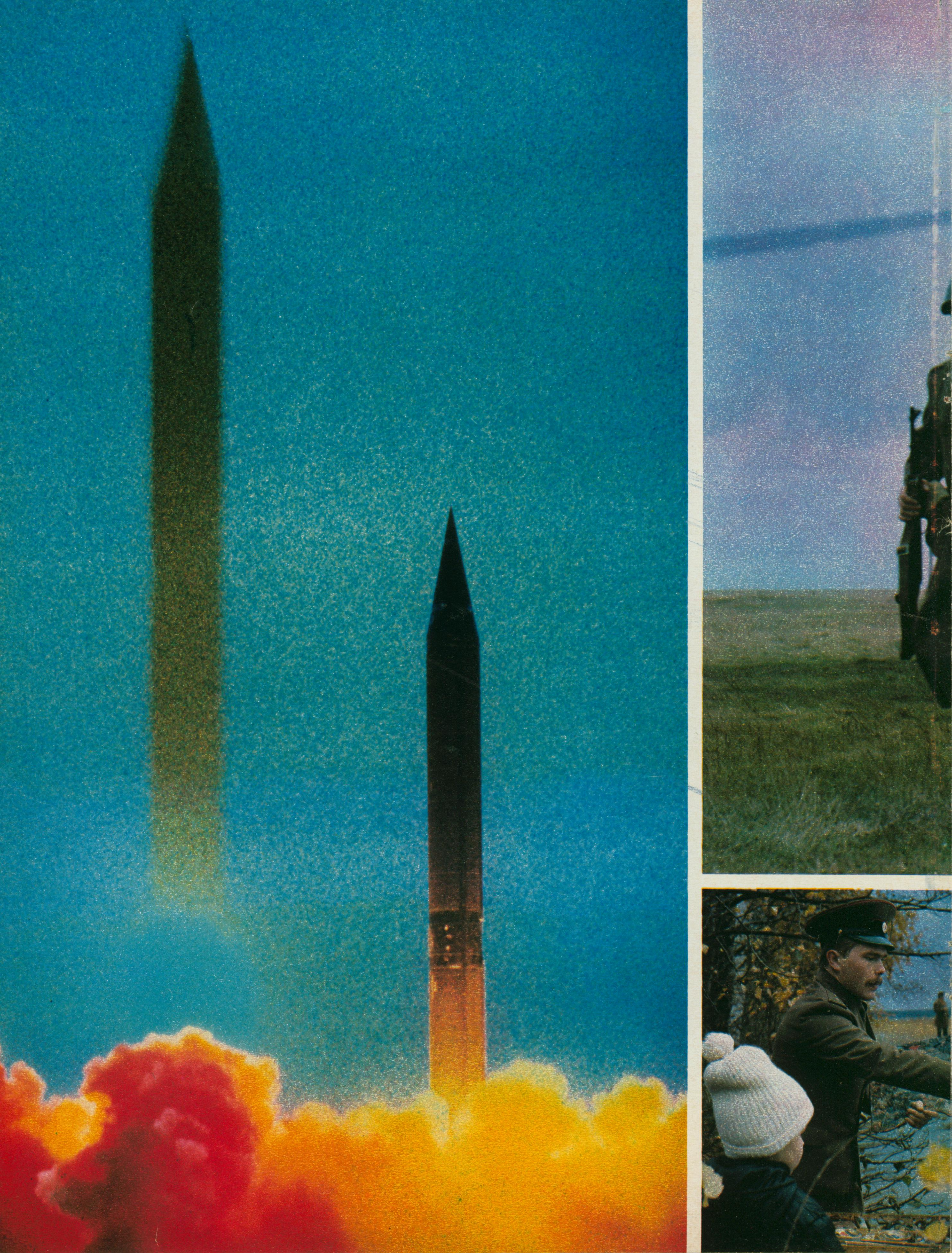
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Стартуют стратегические * Вертолет доставил личный состав к указанному месту * На этюдах прапорщик Вагин * Репетирует лауреат многих смотров ансамбль «Эврика» * Молодожены Сергей и Людмила Гнездиловы.

Фото Л. ЯКУТИНА

РОДИНА-МАТЬ
ЗОВЕТ!

...И весь теноровый репертуар

А. КАРАУЛОВ

Нет, не было ничего удивительного в том, что двадцатидвухлетний офицер Юрий Марусин пришел поступать на подготовительное отделение Ленинградской консерватории; вопросы «почему?», «как?», «с какой стати?» отпадали сразу. Все решал голос. В консерватории таких голосов не слышали давно.

Конечно, тогда, в конце шестидесятых годов, голос Юрия Марусина еще не достиг полного диапазона; не был, как сегодня, особенно красив в самом трудном, верхнем регистре. Но для профессора Е. Ольховского, который взял Марусина в свой класс, вопрос о том, «быть или не быть» молодому пограничнику профессиональным певцом, решился сразу: конечно, быть.

Марусин превзошел все ожидания. Он был на третьем курсе, когда получил приглашение от Ленинградского академического Малого театра оперы и балета. Не на один спектакль, не на «раз», а в штат. И на весь теноровый репертуар.

В первый же сезон Марусин пел Ленского, Альфреда в «Травиате»... Успех? Невероятный!.. Молодой, красивый, обаятельный, Юрий Марусин, казалось, был рожден, чтобы именно петь партии Ленского, Альфреда... И прежде всего поражал Марусин-артист. В консерватории он брал уроки актерского искусства у профессора А. Киреева. Выяснилось, что у Марусина врожденные артистические требования к себе. Он шел к вокалу от внутреннего содержания роли, его вокал определялся характером персонажа, которого предстояло воплотить.

Марусину наиболее близко искусство перевоплощения, и, может быть, особенно удался ему Альфред, человек, рожденный для счастья. Реалистический по исполнению, Альфред Марусина тем не менее жил как бы вне мира, олицетворяя собою бездумную радость жизни. Он свой мир сам создавал себе — мир любви и покоя.

Самый первый успех пришел в «Богеме». Финальный акт был спет безупречно, и хотя в «Богеме» от него ждали главным образом красивого и благородного пения, артист был далек от мысли превратить спектакль в театрализованный концерт. Марусин не стеснялся показывать резкую грубость человеческого облика, и его Рудольф менее всего был традиционно оперным героем. Он более всего человек. Все его поступки будто не были выучены заранее, а рождались непосредственно на наших глазах. Артист мыслил через вокал. И ставил вокал не столько на службу голоса, сколько на службу мысли. Ведь еще Станиславский говорил, что настоящую оперу не создает один лишь вокал. Для Марусина это аксиома.

Однако неверно думать, что его артистическая судьба складывалась безоблачно. В Малом театре оперы и балета и в театре имени Кирова, куда впоследствии пригласили Марусина, не было ему равных среди вокалистов-теноров. Но даже большие таланты не достигают всех высот сразу. Одна жизнь дана, чтобы учиться, другая — чтобы петь, говорил Карузо. Эти слова стали девизом Марусина в искусстве. Через пять лет после окончания консерватории он отправляется на стажировку в Милан, в знаменитый «Ла Скала». Его педагог — Джина Гинья, одна из лучших итальянских вокалисток. И — в полном смысле слова — Юрий снова сел за парту. Успехи были разительны. Его слушали лучшие певцы мира, и результаты не замедлили сказаться: главный дирижер театра «Ла Скала» Клаудио Аббадо предложил Марусину участвовать в «Симоне Бокканегра», одной из самых трудных, самых загадочных опер Джузеппе Верди.

Петь Верди на родине Верди! В одном ансамбле со всемирно известными мастерами вокала: Гяуровым, Каппуччилли, Френи. Петь в спектакле, над которым работает Стрелер, один из крупнейших театральных и оперных режиссеров мира,— уже это было сенсацией. Марусин спел. На другой день после спектакля итальянские газеты поставили его и Собинова в один ряд. Юрию предложено сразу несколько контрактов, и он не отказывается. Он много пел в «Ла Скала». Спектакль «Симон Бокканегра» стал началом его международной известности. Один за другим семнадцать спектаклей на сцене «Ла Скала». Семнадцать спектаклей — семнадцать партий. Марусин поет ведущий теноровый репертуар мира. Казалось бы, можно не беспокоиться за будущее и работать менее интенсивно: щадить силы, беречь голос... Но на первом месте для него все равно оставался театр, родной Кировский театр. И ради него Марусин продолжает работать с ошеломляющей интенсивностью. На сцене театра имени Кирова он показывает каждый год две-три новые партии. И постоянно выступает с концертными программами в городах родной страны.

Событием в музыкальной жизни Ленинграда стало исполнение Юрием Марусиным партии Германа в «Пиковой даме». Можно с уверенностью сказать, что Герман — Марусин будет особо отмечен в истории постановок «Пиковой дамы» на отечественной сцене.

— Я вижу и люблю в Германе человека,— говорит артист.— Он стоит выше обыденных отношений, поэтому в Германе не должно быть «красоты». В его отрыве от земного — уже красота. «Не мог ты не ступать глубоко, и шаг твой землю тяготил»,— писал Брюсов о Наполеоне. Мой Герман тоже скован «по мысли Рока из тяжести и властных сил».

Но тема Рока, которую несут в себе и пушкинский Герман и Герман Чайковского, не является единственной. На наших глазах в характере Германа происходит выработка Марусиным своего «я».

— Герман может позволить себе все,— говорит Юрий.— Одиночество сделало его независимым, и это я хотел бы подчеркнуть в первую очередь. В то же время ничто так не наполняет человека любовью, как одиночество. И я верю, что Герман действительно любит Лизу. А карты — предательство любви, на которое он идет. Это извечный человеческий конфликт между разумом и инстинктом. Богато одаренная натура, Герман стреляется не потому, что ему изменяет разум, а потому, что разум на самом деле одерживает победу. В эту трагическую минуту он вдруг ясно осознает, что растерял все, что имел, что его жизнь подошла к финалу. И он не препятствует воле судьбы.

В «Пиковой даме» Марусин передал подлинный масштаб личности героя. Самое же важное, что его Герман — абсолютно нормальный человек. Необычный, но нормальный. Так же и Вертер, которого Марусин спел совсем недавно. Он тоже лишен каких бы то ни было признаков патологии, которую особенно выделяли многие певцы.

Герман и Вертер стали самыми значительными работами Марусина. А сейчас он думает о Лоэнгрине...

В его жизни значительное место занимает концертная сцена. Он утверждает, что петь национальные песни, романсы — долг каждого русского певца. Это Марусину завещано Сергеем Яковлевичем Лемешевым, который высоко ценил искусство молодого ленинградца и пророчил ему будущее... Концерты Марусина неизменно событие: в дни концертов выдается огромное количество входных билетов. На недавний концерт в Ленинградской филармонии по входным билетам в зрительный зал прошли сотни любителей прекрасного пения.

Что же прежде всего привлекает зрителей в концертах Марусина? Ответ однозначен: вокал. Артист поет необыкновенно легко и красиво; кажется, возможности голоса безграничны. Притом он не хочет повторяться, по его словам, он поет разным звуком, разным прикосновением к тембру. Поэтому его песни и романсы звучат различно: они и спеты как бы на разные голоса.

Артист никогда не позволяет себе опускаться ниже им самим определенного уровня исполнительского искусства; это для него преступление.

— Зрителю все равно, нравится ли мне самому образ или нет,— говорит Марусин.— Но я сам должен отдать образу все, на что способен.

Способен же он на многое. И слава певца растет год от года. Однако Марусин, как это ни странно, известен за рубежом, пожалуй, больше, чем в Советском Союзе. Секрет раскрывается просто: там спектакли, концерты с участием Марусина записываются на грампластинки. Всесоюзная же фирма «Мелодия» за все эти годы выпустила один-единственный диск, да и то незначительным тиражом...

Народный артист РСФСР Юрий Марусин. Фото Э. Эттингера

О ЧЕМ РАССКАЗАЛА ФОТОГРАФИЯ

Годы огневые

В одном из залов Вологодской областной пожарно-технической выставки внимание посетителей привлекает фотография времен Великой Отечественной войны. На ней — боевой расчет Грязовецкой пожарной команды, сформированной почти полностью из женщин.

В первые же дни войны сотни пожарных ушли на фронт. Но оставлять города без охраны от огня было нельзя. По призыву ЦК ВЛКСМ в пожарную охрану пришли комсомолки. Их было шесть тысяч. Женские боевые расчеты появились и во многих городах Вологодской области, в том числе в Грязовце. Поначалу было трудновато, не хватало умения, опыта, страшно было идти в огонь. Но комсомолки с молодым задором взялись за дело. Крупных пожаров в Грязовце не было, а небольшие загорания тушились быстро и большого ущерба не причиняли.

Для Галины Александровны Капустиной, которую вы видите на фотографии в нижнем ряду, служба в пожарной охране явилась продолжением семейной традиции: и отец ее Александр Николаевич и старший брат Александр работали пожарными, пока не ушли на фронт. Муж Галины погиб в боях под Сталинградом, он был комиссаром батальона. Галина пошла в Грязовецкую команду на должность заместителя начальника по политчасти, занималась воспитательной работой, но вместе со всеми выезжала на пожары и в трудную минуту могла подменить любого пожарного.

В боевом расчете Грязовецкой команды были и Валя Анисимова (она пришла в команду на смену ушедшему на фронт брату), и Татьяна Иванова (ее муж был на фронте), эвакуированная ленинградка Вера Стахорская и другие.

За службу в пожарной охране, за самоотверженный труд многие женщины были награждены медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

Н. БАРАНОВА,
старший сотрудник Вологодской пожарно-технической выставки Управления пожарной охраны

СВЯТОЙ ДОЛГ

Сорок лет позади, сорок лет мирной жизни. Но память о военных годах живет в сердцах тех, кто сам прошел эту войну, в сердцах их родных, близких и всех тех, кто благодарен воинам за свою мирную жизнь. Долг наш перед ними и в памяти об их героическом прошлом, и в заботе о них сейчас, сегодня. Как бы мала, скромна ни была нужда участника Великой Отечественной войны или членов его семьи, внимание к ней всегда особое. Между тем нет-нет да случается, что такие люди не сразу получают помощь, на которую они вправе рассчитывать. В редакционной почте «Огонька» не редки письма от участников войны, в которых они просят помочь в их житейских делах. Письма эти всегда под контролем редакции.

...Получил ветеран войны И. Е. Евдокимов квартиру, но в ней оказались недоделки. Он обратился в редакцию за помощью. На это неопубликованное письмо пришел ответ секретаря Лямбирского райкома КПСС Н. Бирюкова. Он сообщает, что жалоба обоснованна и недоделки устранены.

Читатель В. П. Чупыркин рассказал нам о замечательном, скромном человеке, ветеране гражданской войны В. С. Шевченко. Он так и не дождался хорошей, благоустроенной квартиры при своей жизни. Но осталась его жена, вдова, человек пожилой, обремененный болезнями. Редакция обратилась в связи с этим в Одесский горком партии и получила ответ: «Вдова Шевченко будет обеспечена благоустроенным жильем (ее очередность вторая) до конца 1984 года, а пионеры-тимуровцы средней школы № 30 взяли над ней шефство для оказания помощи».

По просьбе «Огонька» участнику войны жителю Унинского района А. И. Лопатину оказана помощь в строительстве надворных построек; инвалиду войны П. В. Шепелеву выдан льготный талон на получение угля и дров, а исполкому поселкового Совета народных депутатов поручено организовать их доставку на дом. Из подробного ответа секретаря Кантемировского РК КП Молдавии И. Бужака мы узнали, что в ближайшее время должен быть решен и вопрос о подключении к дому П. В. Шепелева водопровода, замене забора, ремонте мостика и выделении стройматериалов для строительства гаража.

Из Пермского обкома КПСС нам ответили, что городским исполкомом принято решение о выделении участнику трех войн, инвалиду войны Ф. М. Кирову места для строительства гаража.

Инвалид войны II группы Я. Л. Коцюр пожаловался в редакцию — сантехническое оборудование в его квартире пришло в негодность, а средств поменять все это самому он не имеет. Редакция попросила исполком Запорожского горсовета народных депутатов помочь фронтовику. Получили ответ: просьба Я. Л. Коцюра удовлетворена.

В тяжелых условиях жила в Нальчике семья инвалида войны 1-й группы М. Х. Гиляхова. Ждать своей очереди, хоть и льготной, было уже невмоготу. Вопрос этот еще раз был рассмотрен. Семья Гиляхова с учетом особых обстоятельств решением Ленинского райисполкома города Нальчика вне очереди получила ордер на новую двухкомнатную квартиру.

По просьбе редакции проверен сигнал участника Великой Отечественной войны Г. В. Гуськова о невнимательном отношении к нуждам и запросам ветеранов войны. Его письмо рассмотрено Качирским райкомом партии. Директору Райспецхозобъединения И. Г. Комарову и председателю сельского Совета К. А. Амиржанову указано на невнимательное отношение к фронтовикам. Качирским совхозрабкоопом организована продажа участникам войны продуктов повышенного спроса.

* * *

Легко представить, сколько хлопот выпало на долю участников войны, пока они после вмешательства редакции получили необходимую помощь. Но ведь все могло решиться быстрее, проще, если бы в соответствующих организациях их просьбы сразу же встречали доброе отношение, готовность без промедления оказать им помощь. Между тем, как пишет наш читатель Ф. П. Пальско из той же Одессы: «Сколько еще встречается в жизни бездушного отношения к людям. Вот, например, моей жене, участнице войны, потребовался перерасчет пенсии. И только после вмешательства Министерства социального обеспечения УССР и Госкомтруда вопрос этот решился, причем все по закону. А что же, в облсобесе не знали этих законов?

И еще пример. У нас в комнате провалился пол. Обратились в жилищно-эксплуатационное управление. Прислали мастеров, которые все разворотили и исчезли. Пришлось искать шабашников, а техник-смотритель вместо того, чтобы извиниться, хотел еще с нас содрать (именно содрать) деньги за непроизведенный ремонт.

Правильно вы пишете, что находятся люди без сердца, способные ущемить права и интересы тех, кому они обязаны жизнью и процветанием. Да что толку? Такие никогда не отдают долг. И надо найти более решительные средства против этих непробиваемых бюрократов.

А фронтовики ждут, очень ждут своего праздника».

Долг перед фронтовиками — святой долг.

В. МОРОЗОВА,
заведующая отделом писем и массовой работы

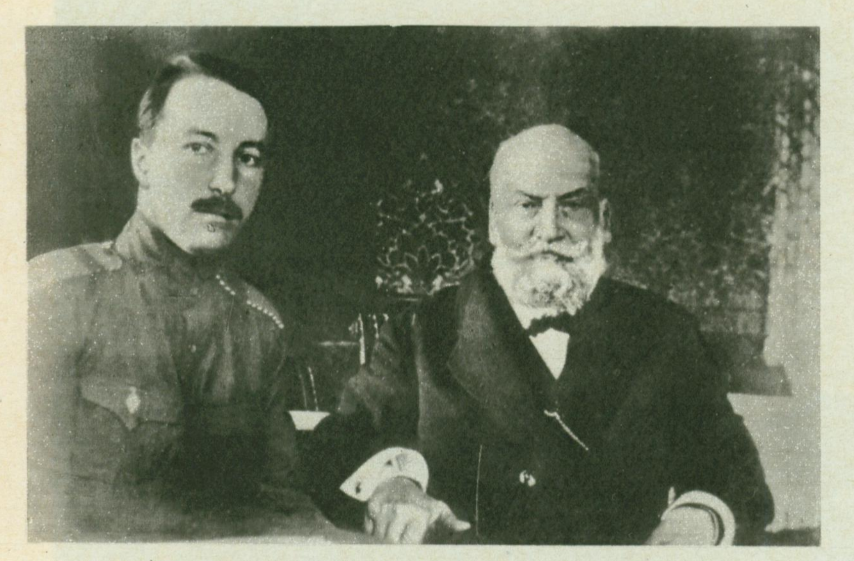
ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ

Отец русской авиации в Нижнем Новгороде

Мы, нижегородцы, гордимся тем, что замечательный русский ученый и конструктор Николай Егорович Жуковский был знаком с нашим земляком — летчиком Петром Николаевичем Нестеровым и дважды приезжал в наш город. Перед своими знаменитыми полетами в 1913 году, которые принесли славу русской авиации, Нестеров специально ездил в Москву к ученому. Успехи Нестерова на практике подтверждали теоретические выводы Жуковского о возможности самых виртуозных полетов.

В том же году летом Николай Егорович приехал в Нижний Новгород погостить к своей сестре Вере Егоровне Микулиной. Ее мужа А. А. Микулина перевели из Киева в Нижний окружным фабричным инспектором по котлам высокого давления. Кстати, это был отец известного советского авиаконструктора А. А. Микулина.

ЧИТАТЕЛЬ — ЖУРН

Н. Е. Жуковский и П. П. Соколов в Нижнем Новгороде. 1913 год.

Здесь Жуковский встретился со своим учеником и сотрудником по Московскому университету нижегородцем Соколовым П. П., секретарем Нижегородского общества воздухоплавателей.

Николай Егорович посетил Нижний и второй раз — чтобы прочитать лекцию по воздухоплаванию. Это было в январе 1915 года.

Б. ТЕРЕХОВ, краевед

ХОЗЯЙКА ДОМА НА КОЛЕСАХ

Как часто любим мы бранить то плохое, что встречается в жизни, а хорошее не замечаем или принимаем как должное.

Помнится, «Огонек» писал о плохом обслуживании на железных дорогах, да и сама я в прошлом году испытала множество неудобств в купейном вагоне по пути из Куйбышева в Новосибирск: и грязь, и пьяные проводники, и холод, и плохо заваренный чай...

Но сегодня мне хочется поблагодарить прекрасного работника и очень милого, внимательного человека — проводника поезда № 111 Валентину Федосеевну Корниенко.

Выезжала я из Новосибирска 26 июня в тридцатиградусную жару, думала, что в мои 76 лет просто не выдержу поездки. Но оказалось все наоборот. В вагоне № 7 чистота, прохлада, вентиляторы работали совершенно бесшумно, проводница в белоснежном фартуке тут же предложила прекрасно заваренный чай, сахар, перед сном в каждом купе тщательно протерла пол мокрой тряпкой. Утром она уже с пяти часов была на ногах, снова убирала вагон, чистила раковины, готовила свежий чай. Может быть, в первый раз в жизни я почувствовала, что еду в вагоне, где есть настоящая хозяйка, хозяйка своего дома на колесах.

Е. КУЗНЕЦОВА

Куйбышев.

ЧЕК — НА ПАМЯТЬ

В июне этого года в наш город приехал зоопарк из Новосибирска. Какая это была радость для всех и, конечно, особенно для ребятишек. Мы всей семьей с удовольствием, как на праздник, пошли смотреть на зверей. И все было бы прекрасно, если бы вдруг мы не решили там сфотографироваться. Администрация зоопарка предоставила на обозрение готовые снимки, нам они очень понравились. Да и срок исполнения всего 10 дней, правда, цена за 4 фото 6 рублей. Но решили, что для семьи это будет память о совместно проведенном выходном дне. Мы ушли с чеком в руках, уверенные, что если фотографии не будут готовы в срок, то их, как обещали, быстро вышлют. Но прошло уже более двух месяцев, а фотографий нет. Как говорится, ни ответа ни привета даже на наш запрос в адрес зоопарка, который указан на чеке,— Новосибирск, ул. Гоголя, 15.

Высылаем в редакцию чек. Думаем, что спустя три месяца он нам уже не нужен. Пожалуйста, переправьте его в Новосибирск на добрую память администрации зоопарка.

Семья КОВАЛЕНКО

Прокопьевск, Кемеровской обл.

ОТ РЕДАКЦИИ. Получив это письмо, мы не стали откладывать дело в долгий ящик, а в этот же день созвонились с директором новосибирского зоопарка Ростиславом Александровичем Шило. Мы ожидали, что администрация зоопарка извинится перед нашими читателями и вышлет им фотографии. Но вместо ясности дело еще больше запуталось. Оказывается, администрация никакого отношения к злополучным фотографиям не имеет, и Р. Шило не знает, по чьей вине на чеке проставлен отчетливый штамп: «Зоопарк, Новосибирск, Гоголя, 15. Шесть рублей». Но мы все же не теряем надежды, что в управлении бытового обслуживания населения Кемеровского облисполкома знают что-либо об этих злополучных фотографиях.

ЧИТАТЕЛЬ СТАВИТ ПРОБЛЕМУ

В защиту Куршской косы

С большим удовлетворением прочитал статью заместителя министра лесного хозяйства РСФСР, кандидата сельскохозяйственных наук Р. В. Боброва «Лицо России» («Огонек» № 31). Особо обратил внимание на слова: «Как показали наблюдения ученых, один гектар леса сравнительно легко выдерживает присутствие одного — трех человек, пребывание четырех — десяти человек уже сказывается на окружающей среде... При увеличении числа отдыхающих до 16—20 человек на гектар почва уплотняется настолько, что деревья начинают сохнуть. Из леса при таких перегрузках уходят звери, лесные птицы перестают гнездиться... Между тем даже при такой высокой посещаемости лес можно сохранить. Единственный выход — благоустройство прогулочных мест, управление отдыхом».

Правильно пишет автор — умелой организацией можно свести до минимума повреждения земли и одновременно повысить безопасную вместимость лесных территорий.

Недавно мне довелось побывать в уникальнейшем уголке нашей Родины — на Куршской косе. Туристская база «Дюны», расположенная в шестнадцати километрах от города Зеленоградска Калининградской области, занимает территорию всего пятнадцать гектаров. А отдыхают здесь до девятисот человек одновременно. Это шестьдесят человек на один гектар!

К живым деревьям прибиты умывальники, прикреплены самовольно гамаки. Туристы катаются где угодно на велосипедах. Тропинки не благоустроены. Одна спортивная волейбольная площадка на всех, а в теннис играют... на танцплощадке. Легковые и грузовые автомашины беспрепятственно разъезжают по территории. И это на Куршской косе — жемчужине Балтийского моря. Узкий кусочек удивительно красивой земли разделяет соленое море и пресноводный залив. Длина косы всего лишь 98 километров. А ширина-то! — самое большее до четырех километров. Есть места, где она в десять раз меньше — всего-навсего четыреста метров!

Словно янтарные горы песчаные дюны. Прекраснейший, необыкновенный по составу лес. Особый микроклимат позволяет соседствовать деревьям средней полосы России и южных районов страны. Темно-зеленые сосновые боры. Таинственный дремучий хвойник с причудливо изогнутыми стволами. Это виртуоз ветер, постоянно дующий с моря, постарался создать чудо природы — «танцующий» лес. Залиты солнцем золотистые пляжи. Обидно, что даже сходы к воде не сделаны. Туристы идут по песчаным горам, сдвигая их в сторону моря.

Множество животных обитает на этой полосочке земли. Сохатые и особенно дикие кабаны становятся ручными, свободно подходят к туристам и выпрашивают лакомства. Лось, заметив в сумке съедобное, идет за человеком, покуда не получит желаемое.

Миллионы птиц проносятся над косой в весенне-осенние перелеты. Орнитологи биологической станции проводят большую работу по кольцеванию пернатых, изучают миграцию птиц.

Куршский залив — пресноводный. В нем обитает около полсотни видов рыб, большинство из них имеют промысловое значение. Славится залив угрями, судаками, чехонью, щукой. Среди песчаных дюн то тут, то там мелькают голубые озера...

Сильный шторм в конце 1982 и начале 1983 годов разрушил береговую полосу и защитные сооружения. Были смыты песчаные пляжи, авандюна на западном побережье косы потеряла значительную часть своего объема. Береговой уступ был сильно подмыт, а это вызвало оползни и обвалы. Очень жаль, что последствия шторма устраняются крайне медленно, хотя средства на это есть.

Поверхность дюн с двадцатого по тридцатый километр не закреплена вовсе. Двенадцатикилометровый участок косы в аварийном состоянии. Оставшиеся узкие пороги всего на полтора-два метра превышают пляж. Достаточно семибалльного шторма, и через них устремятся нагонные воды. Во многих местах продуваемый ветром песок засыпает растущий за береговой дюной лес. И еще одно. Косе угрожает новая опасность — строительство высоковольтной линии. Десятки гектаров леса, выращенного тружениками Куршского лесхоза, обречены на вырубку. Тяжелые машины, бульдозеры, строительно-дорожные механизмы неизбежно нарушат почвенный покров. Все это, вместе взятое, может привести к резким экологическим изменениям.

Куршская коса нуждается в защите. Калининградский областной совет по туризму и экскурсиям забота о природе — флоре и фауне косы,— как видно, волнует мало. Здесь увлечены коммерцией: больше людей — больше дохода. И сегодня на косе только в Калининградской области уже 17 баз отдыха. Думается, назрела необходимость Минлесхозу РСФСР, Гослесхозу СССР, всем заинтересованным министерствам и ведомствам принять действенные меры по спасению Куршской косы. Уникальный уголок природы требует этого.

В. ТИШКОВ,
инженер лесного хозяйства

Гардая —
город в Сахаре.

ПЛЕННИЦА

Дмитрий МАМЛЕЕВ

Фото автора

Право же, не думал я, не гадал, что спустя четырнадцать лет второй раз попаду в Гардаю, город, затерянный в жарком чреве пустыни Сахары.

На всю жизнь мне запомнился тот первый приезд в Гардаю. Помню, мы отыскали маленький отель, забросили свой скарб в номера и немедленно отправились в бар, чтобы утолить жажду. Странное дело — выпили по одной, другой, третьей бутылочке лимонада, но жажда не утолялась... Тут мы увидели бассейн и бросились к нему. Но, увы, нас ждало разочарование. Воду давно не меняли, она была ядовитого зеленовато-болотистого цвета. Нет, в бассейн мы не пойдем...

Но уже через час мы не думали ни о чем. Только бы найти спасение от жары. Для собственного успокоения мы всыпали в воду маленькую банку марганцовки, отчетливо сознавая, что бассейн от этого чище не станет. Но жара и духота были столь нестерпимы, что мы, забыв о всяких страхах, бросились в воду.

Первой ночью нам долго не удавалось заснуть. Нагревшаяся за день каменистая пустыня возвращала накопленный жар. Лишь под утро, намаявшись, мы задремали, но ненадолго. С восходом солнца мы отправились осматривать город.

На скалистом островке, возвышающемся среди долины, окруженный глинобитными стенами, стоял город. Одноэтажные его дома поднимались по склонам к вершине. Узкие улочки опоясывали этот островок. Строения лепились одно к одному. Светлые стены зданий ослепительно сверкали на солнце, и город возникал как сказка, как голубой мираж...

И вот новая поездка в Алжир.

Из всех стран Северной Африки Алжир испытал самую долгую и жестокую колонизацию, которая продолжалась 132 года. Восемь лет шла война против французских колонизаторов за свободу. Она унесла более миллиона человеческих жизней. Усилия алжирского народа, вставшего на путь самостоятельного развития, принесли свои плоды. Конечно, освобождение от пут прошлого, строительство новой жизни — не прямая линия. Но, несмотря на трудности, Алжир вышел в первые ряды государств на Арабском Востоке, обогнал ряд стран европейского Средиземноморья по уровню производства. Бесспорны успехи на нивах просвещения и здравоохранения. Большую помощь в укреплении экономики оказывают СССР и другие социалистические страны.

Все это я увидел своими глазами. Поездка по Алжиру сегодняшнему никак не похожа на то прежнее мое путешествие. То тут, то там были видны строительные площадки. Мы видели химические и машиностроительные комбинаты и профессионально-технические училища, культурные центры и плантации финиковых пальм, школы и нефтегазовые промыслы. Я был поражен масштабом, с которым создается зеленый заслон на пути сахарских песков. Кедр здесь не приживается, но алеппская сосна зарекомендовала себя превосходно.

Пески Сахары остановить нелегко. У пустыни коварный характер. Особенно это чувствуешь, когда смотришь на склоны гор, через которые ветер с завидной настойчивостью перекатывает песчинку за песчинкой, и вдруг обнаруживается из этой малости полноводная желтая река...

Мы ехали сквозь пустыню, в которой черные нитки газопроводов перерезали старые караванные тропы. То и дело на горизонте возникали дымы от факелов, мощные механизмы утюжили камень и песок то под новый железнодорожный разъезд, то под строительство городка... И верблюды, понуро бредущие сквозь море колючек, попадались навстречу автобусу реже, чем прежде, и черные палатки кочевников были не повседневной принадлежностью, а лишь знаком минувшего...

Сахара занимает площадь едва ли не четверть африканского континента. Значительная ее часть принадлежит Алжиру, в котором лишь семнадцать процентов территории приходится на приморскую и степную зоны.

Сама пустыня начинается незаметно.

Слева и справа от дороги пустыня усеяна колючками и невзрачными кустарниками. Временами, правда, картина резко менялась и появлялись холмы, хаотичные каменные нагромождения, а поверхность земли походила на вулканическую лаву. Нелегко представить себе, что тысячелетия назад в этих местах были густые, непроходимые леса. Но люди, обитавшие здесь, оставили грядущим поколениям необычные «визитные карточки» — наскальные изображения охоты и рыбной ловли. Именно по рисункам древних художников ученые стараются разгадать тайны бесследно исчезнувших цивилизаций.

Город-мираж в пустыне...

Вернее, не один город, а самый настоящий «пентаполис Сахары». Пять городов долины исчезнувшей реки Мзаб. Первый из городов Эль-Атеф основан был еще в 1012 году, а вслед за ним вознеслись на склонах прокаленных холмов города Бу-Нура и Мелика, Бени-Изген и Гардая.

Моя память накрепко запечатлела пирамиды утренней Гардаи, похожей на театральную декорацию, и вечерние темные силуэты высокого минарета и финиковой пальмы на фоне горизонта, пылающего жаром короткой закатной зари.

Еще только-только стал униматься нестерпимый зной, только-только верхний краешек огненно-

го солнца скрылся за горизонтом, а на минарете, венчающем город, уже вспыхнул мерцающий огонек, как свет далекой и недоступной звезды.

И тут же с холма, нарастая, послышался протяжный звук. Это был голос муэдзина, призывающего к молитве. Так же внезапно, как началась, оборвалась на незаконченной ноте щемящая мелодия...

Века истории. Город-мираж. И тут же реальный электрический глаз минарета и хрипящий голос репродуктора...

«Здесь всем и всеми управляет мечеть. Здесь бессильны гражданские или какие-либо законы, кроме указаний пророка и священного слова корана». Так было заведено здесь. Предки мозабитов, как зовут обитателей здешних мест, выделившись в секту, вынуждены были покинуть родные места. Спасаясь от жестоких преследований врагов, члены секты в конце концов забрались в невиданную по тем временам глушь и у крутых берегов Мзаба нашли спокойствие. Не случайно каждый из городов Пятиградья расположился на вершине холма, окружил себя толстыми стенами с наглухо запирающимися на ночь крепостными воротами — так требовали законы самозащиты.

Постепенно богатели города Мзаба. Часть мужского населетедобытчики. Но в ту пору они лишь наездами бывали в Гардае. В те годы в пустынных краях повсюду можно было встретить советских гидрогеологов, которые позднее нашли под песками Сахары целое подземное море воды.

Автобус наш то и дело останавливался. Теперь нас знакомили с новым строительством и с промышленным производством, нам показывали не просто новый Алжир, но и преображение Сахары, в битве с которой человек постепенно ставит одну победную веху за другой. Снять клеймо проклятия с этих мест — задача сверхтрудная.

Я встречал алжирских инженеров, получивших образование в СССР, видел станки и оборудование, сработанные на наших заводах, слышал о газомагистралях, прокладываемых советскими специалистами.

Мы приехали в Гардаю поздно и остановились в роскошном отеле, сооруженном на горе. В просторных номерах уютно шумели кондиционеры, во внутреннем дворике светился под разноцветными огнями чистый бассейн. Наскоро приняв душ, я поспешил на смотровую площадку. Вышел и замер...

На фоне горизонта, пылающего жаром короткой закатной зари, я увидел знакомую картину: те же силуэты высокого минарета и финиковой пальмы. Казалось, все это было и четырнадцать лет назад. Но то было первое впечатление. Тогда здесь в наступающей ночи горел лишь один электрический светлячок на вершине минарета, а теперь внизу, под смотровой площадкой, полыхали желтые лампы уличного освещения. Электрические огни мерцали над Гардаей...

Утром чуть свет я был разбужен веселыми ребячьими голосами. Внизу, на площадке, шел футбольный матч. Обычный матч. Значит, и футбол пришел в Гардаю.

Я увидел лица женщин Гардаи. И теперь еще немало встречалось женщин, укутанных покрывалами, но многие обходятся и без них.

Мы поехали на завод, сооруженный в окрестностях Гардаи.

В просторных и светлых корпусах исполинские машины раскручивали толстенные стальные рулоны и автоматы сваривали из них трубы для газопроводов.

Оттуда мы отправились к газовикам и обнаружили среди пустыни чудо-сад, современный оазис, рожденный в последние десятилетия. А потом мы вновь вошли в ворота старого города...

Навстречу нам вышла из узкого проулка пестрая толпа туристов, увешанных кино- и фотоаппаратами. Объектив не вызывал чувства страха у местных старожилов, как некогда. Водопроводные трубы тянулись вдоль стен домов, и электрокабели давали знать, что свет пришел и в старые дома мозабитов.

Бегал взад и вперед зазывала, и его голос звучал на всю площадь, в лавчонках шла неторопливая торговля, ослики лениво махали хвостами.

И вдруг всплеснулась музыка. Она словно вырвалась откуда-то и тут же заглохла. Я обернулся и увидел парня с транзистором в руках. Он вышел из какой-то боковой улочки. Словно по команде к нему обернулись лица сидящих стариков, и я заметил их осуждающие взгляды.

Парень зашагал быстрее и скрылся в лабиринтах улиц.

Еще не столь давно нарушителей строгих правил изгоняли из городской общины. Тогда это было равносильно смерти, ведь в пустыне человек вряд ли мог выжить в одиночку. Боязнь отторжения живет в душах мозабитов и сегодня, но традиции и обычаи древних времен уже не в силах сдержать натиск перемен. В конце концов разве для молодых свет клином сошелся на этих улочках тысячелетнего города?!

Гардая уже не пленница пустыни. Она покорила Сахару, но теперь настал и ее черед покориться ветрам перемен, долетевшим до чрева Сахары.

ПУСТЫНИ?

ния, покидая Пятиградье, отправлялась на север, чтобы заняться торговлей. Лавочник, угольщик, галантерейщик, мясник — таков был род занятий мозабита. Ему запрещалось брать жен из других мест и предписывалось умирать у родных стен. Если кто-то заканчивал жизнь на чужбине, то тело его должно было быть предано земле в долине Мзаба.

Чтобы дойти до водоносных слоев, в Мзабе надо копать очень глубокие колодцы. Ведь бывают годы, когда здесь не выпадает ни капли дождя, а паводки случаются в среднем раз в тридцать лет.

Я много видел восточных базаров, но площадь Сахат Ас-Сук в Гардае была особой. Казалось поначалу непонятным, откуда в пустынной Сахаре столько торговцев. Но они все прибывали и прибывали, пригоняя стада верблюдов, овец и коз...

Смуглые, иссушенные пустыней лица, на которых видны родовые насечки... Полузакрытые лица «синих людей» — туарегов... Женщины, лица которых ни за что не увидишь — только одно отверстие для глаз...

Уже тогда в первый мой приезд в Гардаю народная власть делала первые шаги по преобразованию сахарских районов, ведь более чем за десятилетие до этого сюда пришли газовики и нефть

На базарной площади.

СТИХИ БОЛГАРСКИХ ПО

Младен ИСАЕВ

ТРЕВОГА

Озабочен я всерьез твоей
судьбой,
дивный, беспокойный белый
свет.
Не унять тревоги:
шар земной
стал гнездом для ядерных ракет.
На стальных крылах над океаном
ворон бронированный летит,
и закат,
как штыковая рана,
болью сердца моего горит.
Простираются —
за далью даль —
державы,
города встают в игре огней,
а над ними в тяге кровожадной
днем и ночью
виражирует злодей...
Светлый мир,
опасность нависает
как дамоклов меч
над будущей порой,—
все же,
кто истории не знает,
тот погибнет в бездне роковой.
Сохранит тебя от черной доли,
от стервятников, обряженных
в броню,
наша мудрость, мужество и воля!
Наша справедливость, говорю.

Ангел ТОДОРОВ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

...Погибла, сражаясь в рядах 1-й Болгарской армии в Венгрии во время Отечественной войны.

Надпись на памятнике

Военкорами мы были — и она,
военкор, погибла смертью
храбрых
на передовой, идя в атаку,
как солдат, по зову сердца,
долгу чести.

...Сразу мы друг к другу
потянулись —
как ее глаза мне приглянулись!—
я хотел, чтоб наши души рядом
расцвели одной судьбы обрядом,
всю бы жизнь звучал мне
серебристый
ее голос, как источник чистый,—
разве не ее слова над полем
боя нынче всходят светлой
болью!
Лучше самому уйти навеки,
чем закрыть своей любимой веки.
Навсегда даровано мне свыше
легкое ее дыханье слышать.

До скончанья века не забуду,
как вдвоем стояли у орудий
в час затишья и как мне казалось,
что, мол, вот пишу я о пожарах,
о войне в потрепанном блокноте,
да куда там — на высокой ноте
я стихами, быстрыми, как птицы,
испещрял страницу за страницей.
Вдруг — оборвалось...
Предчувствием полнюсь.
Канонада раздирает полночь.
Стискиваю голову руками,
если б в пламени
губ ее — на миг хотя бы!— снова
возродилось слово,—
не прошу у времени я много,
только — отвести любовь от рока,
чтоб она из мрамора восстала:
«Не печалься, я живу!»— сказала.

Павел МАТЕВ

РАЗУМНОЕ ВРЕМЯ

Приходит час — и память
молодеет.
Переживанья наполняют стих.
Боренью зла и силы добродейной
я лучшие отдал из дней моих.
Мир древен. В нем пульсирует
извечно
противодействие главных двух
начал.
Я дерзок был и в строгости
сердечной
основы эти рьяно разделял.
Была дана мне полная свобода
сразить врага, а то и оплошать.
Спокойствием дыша, цвела
природа,
и лишь моя тревожилась душа.
Вдруг осенью, пришедшей
благовестью,
застыл я пред картиною иной.
Слились в одно и музыка
и песня —
и зло вокруг развеялось золой.
Колоколам звонкоголосым вторя,
и мой глагол взлетал под небеса.
Я на экране мировой истории
увидел все, что честно написал.
Шагал я рядом с братьями
по духу,
нас осеняло мощное крыло.
Пока не понял: зло идет по кругу,
и проникает в этот круг добро.
Так, погружаясь в чистоту заветов,
обрел опору мой духовный взор:
поэт и мир, и мир внутри поэта —
широкий светоносный горизонт.
В моих стихах по-прежнему
звучала
любовь и человечеству хвала.
Сплеталась кривда с верой
изначальной,
со смертью — радость,
с послухом — молва.
И в этой драме возродилось
слово,
как поле после частого дождя.
И для расплаты с нечистью
былого —
разумное есть время у меня.

Пырван СТЕФАНОВ

КОРОТКАЯ ПЕСНЯ

Тело Эрнесто Че Гевары было сожжено, чтобы от него не осталось и следа.

Из газет.

О нет, во что бы то ни стало
мы наяву с тобой, Эрнесто,
под небом жгучего раскала
глубокой скорби.
Повсеместно —
и над землей и на устах,
как воздух памяти, ты с нами,
отыщется не только прах —
твоей души поднимем знамя.
Настанет день — я знаю это! —
враги от ужаса зайдутся:
«Черт побери, по всем приметам,
он сохранен для революции...»
А взводы «Че», отряды «Че»
сомкнут пылающие звенья!
И взлетом солнечных лучей
воскреснет
Че
сердцебиенье!..

Любомир ЛЕВЧЕВ

ОДИССЕЯ

Я никуда не отлучался.
(С тобой мы неразлучны,
точно актиния и рак-отшельник.)
И все-таки я возвращаюсь
беспрестанно...
Не ведая откуда,
возвращаюсь.

К тебе
совсем другим я возвращаюсь.
Неузнаваемым от ран и от любви.
Я возвращаюсь, будто
из легенды...
Зачем я этим чувством
преисполнен?
А ты встаешь на кромках
волноломов,
мои раздумья вдребезги
дробящих.

Под пеленгаторами
на аэродромах,
где приземляются мои мечтанья.
И на перронах...
Ты мне кричишь издалека:
— Люблю тебя!
С прибытием!
Люблю!
Благодарю тебя,
любимая,
за то,
что всякий миг в разлуке —
одиссеей!
Благодарю тебя за трепет
ожиданья!
И за такую встречу...
И снова
обнимаешь ты меня.
Я возвратился.
И каждой клеточкой своей
ты повествуешь,
как чаяла свиданья,
вся — горенье,
словно в тумане маленький маяк...
Я изнурен бесчисленностью
странствий.
И счастлив вечной близостью
к тебе.

Слав Хр. КАРАСЛАВОВ

●

Я воплощусь в одних стихах своих,
не отыскать меня в сырой земле,
в порывах ветра, в тихой старине,
в завистника ухмылочках кривых,
в речах моих поклонников и даже
в словах товарищей и пересудах
вражьих.
Найти меня — искать в строках
моих.
Весь претворюсь в строку,
в единый стих
отважной страсти, радости
огромной,
подобный плачу, возгласу
подобный,
и родникам, когда я пил из них
в долине счастья, и подобный
грому
войны,
и вдруг — дрозду...
А что до скромной
награды мне — найди заветный
стих!

Евтим ЕВТИМОВ

ВОДОПАД

Река прекрасно знает, что
разбиться
ей суждено на брызги водопада,
а русло изменить и не стремится,
как и закрыться каменной
громадой.
Тем более, вдруг повернуть
обратно
или тихоней показаться смирной.
Ее влечет вперед по перекатам
незнаемое с колоссальной силой.
Туда вперед,
где вязкий сумрак в бездне,
в которой время, может быть,
сгорает.
Считается,
что там она исчезнет,
но —
радостью ее волна сверкает.
Она фонтаном брызнет
в поднебесье,
дабы остаться в мире песней.

Йордан МИЛЕВ

ДОЛЖНИК

Не сумел нажить я капитал.
Лишь объездил полпланеты. Уйму
дней испытывал словами душу.
В глубь вещей спускаясь
рудознатцем,
впрок не накопил все же
богатства.
И не ведаю, что дальше может
статься.
Плавал по морям, шагал по суше.
Даже и в Колхиде был.
Но не увидал дракона
с золотым руном.
Опостылело мне слушать
байки, созерцать миражи
на ветру сквозном.
Я — должник.
Днем с огнем еще такого
не найдешь, наверно,
в мире.
Остается в силе,
мама,
с малых лет растущий долг мой,
сына.
И возлюбленной — спасибо
за спасенье в лихолетье,
долг любви — не только фразы.
Я моим друзьям кругом обязан.
Ни один не запятнал себя изменой
иль наветом.
И отцу долги несметны.
А когда кручина гложет
и зияет разоренным сейфом
духа моего утроба —
думаю,
как несказанно должен
Родине — всегда, до гроба.
Если ж на беду в то время,
в эту ль пору непростую,
вдруг со всеми
расплачусь по чести, сброшу
бремя —
прогорю тогда вчистую.

Лучезар ЕЛЕНКОВ

ПРОЩАНИЕ С ЧИЛИЙСКИМ ДРУГОМ ХУЛИО АЛЕГРИЯ *

Алегрия, мой друг, сейчас стоит
весна,
субботу тянет к полдню,
ровно одиннадцать часов.
На целую, как ни прикинь,
вселенную

* Алегрия — коммунист, посол Чили в НРБ в годы правительства С. Альенде, активный участник борьбы против режима Пиночета.

этов

в разливе разноцветья
и опоясанную птичьими полетами,
похожа эта улица в Софии,
ведущая меня в твой дом, где
дверь
всегда открыта.
А за дверью
твои шаги едва-едва слышны —
так слабо плещет легкая волна
о борт готовой к плаванию лодки.
И шаг за шагом
навстречу мне стремится грустный
образ
острейшей ностальгии по земле
с названьем узким, как ее
полоска,— Чили.
Все, связанное с твоей жизнью,
ждет
не дождется скорого отплытья:
и сердце, и душа, и взгляд,
и чувство долга,
мечты, воспоминанья и даже —
очки и авторучка с табакеркой,
наполненной душистым табаком...
И я вхожу.
Что может быть честней
рукопожатья искреннего
в дружбе!
Конечно, чаши полнятся вином,
и звон бокалов отдается в каждом
из уголков, необычайно тихих,
как только происходит в каждый
миг
минуты, до безумья долгожданной.
Надежда на нее —
точно незримый стержень
и стойкости твоей и силы воли,—
живительного воздуха приток
с нее начнется
в рудниках селитровых...
И вскоре после этого тебе,
затерянному в лабиринте влажных
сетей рыбачьих,
под завыванье океанского прибоя
настанет срок
зияющей каверной обратиться.
Пласт за пластом,
как бы колодец роя
ко дну души,
приходит ностальгия.
А чем заполнить тот колодец?
Нечем.
Одно всегда поддерживает жизнь:
бессмертье родины —
она,
как птица феникс,
зовет к себе любимых сыновей.
Пускаясь в долгий путь,
во что бы то ни стало
запомни к счастью
имена
болгар знакомых,
и эхо,
звонко разносящее стук дятла
из Княжева,
и краски рощ осенних не забудь,
и стежки ниток на виске у ночи,
где рваный шрам
от лезвия страданий.
А дружбу нашу
бережно храни
до встреч в твоей стране,
освобожденной
от пут насилия,
товарищ мой чилийский!

Янко ДИМОВ

СВОБОДА

Свобода,
образ твой ищу везде.
И предо мной — орлиные отроги
родных Балкан в кострах
на крутизне.
Я вижу партизан —
суровых, строгих,—
мужчин,
презревших даже думать
про покой
в борьбе за честь твою,
тех, кто трудиться
рожден на свет —
лить сталь,
растить пшеницу,
тех, кто погиб,
приняв неравный бой.
Свобода,
образ твой ищу везде.
И матери,
таящие тревогу,
в платочках черных стоя у порога,
являются мне в зыбкой полутьме.
Свобода,
образ твой ищу везде.
И вижу тот сентябрьский день —
Девятый:
улыбками,
знаменами крылатый,
взлетал весь город к сбывшейся
мечте.
Свобода,
образ твой ищу всегда.
И, всматриваясь в доменные печи,
эстакады,
в комбайны, в шахты,
слышу,
как бригады
поют под ритмы вольного труда.
Везде ищу,
свобода,
образ твой.
А мир пронизан токами твоими.
Сквозь время ты идешь,
давая имя
всему под негасимою Звездой,—
во всем,
чем жизнь заботит,
восторгает,
печалит,
нахожу твои черты.
Нежнейшими ростками красоты
твой образ в наших душах
проступает.

Георгий КОНСТАНТИНОВ

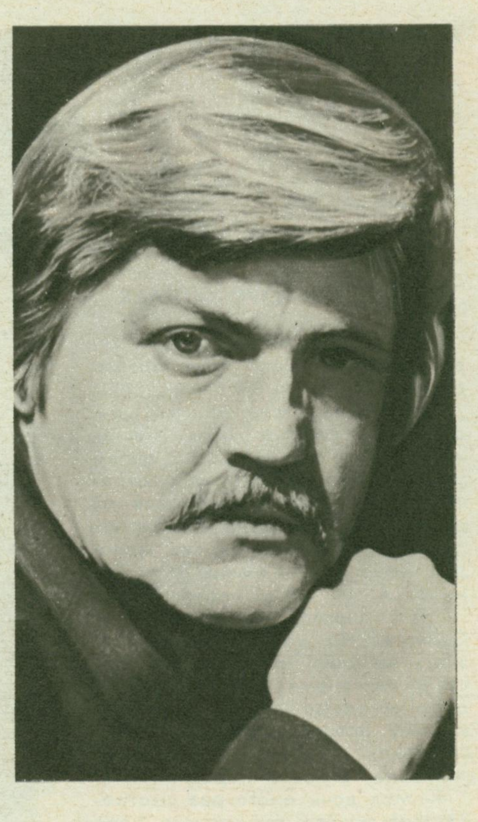
ПЕРЕХОД

О светлая пора дерзаний
неоглядных,
безоблачной любви
и устремлений к славе!
Вступаю в переход, в тот возраст
беспощадный,
в котором ничего прощеньем
не исправить.
Ошибочному шагу нет прощенья,
бесцеремонной позе
и безвкусице наряда.
И с возрастом определенней
ощущенье,
что и успех прощается навряд ли.
Но звездных эполет я не желаю!
Я в ночь рожден
простой слезою отчей.
Подобно рекам,
берега сжимаю,
чтоб силы не утрачивал источник.
Не повторяйте:
парень, мол, стареет!
В душе моей
день необъятный бьется.
И чем стремительней в глазах
темнеет,
тем яростнее сердце к свету
рвется!
Мой первый переход...
Но — не конечный.
На перекатах мчусь
за жизнью,
а не за милость.
С самим собою продолжаю
встречу,
а чувствую страданья всего мира.

Переводы с болгарского Сергея БОБКОВА.

ТВ

СЕРДЦЕ... ВРЕМЕНИ НА РАЗРЫВ

Л. Кулагин читает Маяковского.

Поэзия Маяковского под стать эпохе — она грандиозна и величественна, наивна и мудра и, конечно, неуложима ни в одну из привычных форм, ибо, как и само время, поэзия Маяковского ломала устоявшиеся формы не только стихотворной техники, но и художественного сознания. Вся сложность, весь драматизм творческого пути Владимира Маяковского лишь озаряют величие его поэтического подвига. И для всех грядущих поколений главными и исторически значимыми в поэзии Маяковского останутся цельность и убежденность, ясность мысли и партийная прямота слова трибуна революции.

Размышления эти логически приходят после просмотра поэтической композиции «Сердце... времени на разрыв», созданной по гражданской лирике В. Маяковского на Центральном телевидении режиссером-постановщиком Игорем Якименко. Определяя вехи творческой судьбы поэта, неразрывно связанной с первой мировой войной, назревающей революцией, октябрьским переделом мира, а затем борьбой с интервенцией, разрухой, голодом; связанной с социалистическим строительством, автор и режиссер композиции неизменно подчеркивают гражданственность восприятия Маяковским каждого события, активность и действенность его отклика на происходящее, вторжение его слова в жизнь.

Сознательно отодвигая все личное поэта, бытовое, И. Якименко представляет зрителю крупную, во многом аскетичную личность Маяковского, до предела ответственного за каждое произнесенное и написанное слово. Это не только творец, но и деятель, государственно мыслящий и сознательно отдающий свой труд поэта на службу победившему пролетариату.

В такой определенности позиции автора сценария и режиссера-постановщика передачи Игоря Якименко видится полемика с иными трактовками творческого пути Владимира Маяковского, где сложность, неоднозначность, свойственные внутреннему миру каждого большого художника, трагичность его судьбы заслоняют порой то, что сам поэт считал главным делом своей жизни и главным ее итогом,— свое творчество.

Скупы и выразительны художественные средства, которыми постановщик показывает черты эпохи и приметы времени. Документальность фотоматериалов сочетается в кадре с афористичностью точно найденных предметов-символов. Позолоченный канделябр на изящной колонке, цилиндр, шлем кайзеровского офицера, мертвый блеск стекол противогаза, примкнутый штык винтовки, листок календаря с черным числом 21 января, несколько неструганых досок, образующих и строительные леса и трибуну оратора...

В актерском ансамбле телепостановки убедительно, а порой и по-новому звучали известные строки произведений Маяковского.

Особенно привлекательна сдержанная, несуетная манера заслуженного артиста РСФСР Л. Кулагина, который без пафоса говорит со зрителем не «от лица автора», а с позиции нашего современника, стремящегося чувством и мыслью через пространства лет приобщиться к поэтическому ощущению Владимира Маяковского.

Поэтическая композиция «Сердце... времени на разрыв», созданная Главной редакцией научно-популярных и учебных программ Центрального телевидения, выполняет свою основную задачу — воспитание чувства гражданственности и сопричастности к жизни своей Родины.

Ю. МИХАЛЬЦЕВ

Марина ДМИТРИЕВА

Фото Э. Эттингера

Это все про нашу жизнь

СНАЧАЛА О ЦАРЕ САЛТАНЕ

Не так уж часто происходит чудо в нашей жизни. Но вот однажды оно случилось на самом деле. На экранах шел фильм для детей «Сказка о царе Салтане». Маленькая Наташа в своем родном городе Саратове смотрела эту картину; запомнился ей добрый, мудрый царь Салтан; играл его Владимир Андреев, молодой актер Театра имени М. Н. Ермоловой. А потом ермоловский театр приехал на гастроли в Саратов. Но тогда еще артист знать не знал, что придется ему стать на время врачом Наташи, добрым ее целителем. Однажды к нему поздно вечером, после спектакля подошла незнакомая женщина, сказала нерешительно:

— Моя дочь много раз смотрела фильм, где вы играете царя Салтана; нынче по афишам она сразу вас узнала... Девочка моя очень больна и сейчас просит об одном: отвести ее к живому царю Салтану!..

— Ко мне привели девочку,— вспоминает Владимир Алексеевич.— Угрюмая, диковатая, она поначалу смотрела на меня широко раскрытыми глазами и прижималась к матери... А я — что поделаешь — читал ей стихи, рассказывал сказки, пел, рисовал. Постепенно Наташа оттаяла, даже улыбаться стала. И однажды мать сказала:

— Вдруг я услышала, как моя Наташа смеется, чего никогда не было!..

Потом девочка выздоровела. И даже в газетах написали об этом. Очерк писателя Константина Лапина назывался: «Царь Салтан приходит в гости».

— Царь Салтан — одна из моих первых киноролей,— говорит Андреев.— Фильм был мастерски, даже с блеском снят Александром Птушко, и стал не просто забавой для ребят, а настоящей притчей о доброте и справедливости.

...Вечером, когда зал Театра имени М. Н. Ермоловой начинает заполнять публика, Владимир Алексеевич Андреев обязательно приходит за кулисы. Актеры знают об этом. Встреча перед спектаклем — напутственная. Потом, когда погаснут огни в зале, главный режиссер из боковой ложи будет внимательно всматриваться в то, что происходит на сцене, и взгляд его станет требовательным: спектаклю отдана часть лучшей, общей жизни коллектива.

Добро — вот доминанта творчества Андреева. На протяжении многих лет он убедительно доказывает, что искусство, если оно движимо добротой, позволяет объединить людей большим, нужным делом. Наверное, поэтому основой жизни Владимира Андреева — артиста и режиссера — является тема нравственного поиска, утверждение героики. Играет ли современника, ставит ли классику, он всегда ищет и находит то, что наиболее важно, остро звучит для нас, сегодняшних, и облекает мысль в форму яркую, подчас неожиданную, но всегда точно выражающую замысел. Идею режиссерскую и актерскую.

...Рабочий кабинет Андреева, главного режиссера Театра имени Ермоловой, небольшой, но уютный, где всё — портреты, плакаты, афиши — говорит о пристрастиях, вкусах, обычаях хозяина. О творчестве, о работе... С самого утра звонит телефон. Не очень-то много свободного времени у Владимира Алексеевича. Он всегда занят. Правда, сегодня день особенный: репетиции в двух театрах — родном, ермоловском, и в Малом, съемка на телевидении и занятия в ГИТИСе, где Андреев ведет свой курс. Потом прием избирателей: в течение десяти лет он депутат Моссовета. А вечером, как всегда, спектакль.

Однако же, собранный и деловитый, народный артист РСФСР Владимир Андреев успевает сделать все, что сделать надо. И при этом не теряет веселого, почти юношеского азарта, интереса ко всему вокруг. К самой жизни.

В кабинет то и дело заглядывают работники театра. Режиссер не отмахивается. Для каждого находит совет, подсказку, доброе слово... Увидев, что я рассматриваю портреты на стене, замечает: «Все это очень дорогие для меня люди, сыгравшие немалую роль в моей жизни». Здесь на самом видном месте учитель Андреева — Андрей Михайлович Лобанов; одним из первых он угадал будущее своего ученика, сам привел его в Театр имени М. Н. Ермоловой, где Андреев и вырос как первоклассный актер.

— А я ведь из рабочей семьи, далекой от искусства,— вспоминает Владимир Алексеевич.— Но неодолимую тягу к театру почуял еще в школе; играл в драмкружке Дома пионеров, а в семнадцать лет решил стать актером окончательно. И на всю жизнь благодарен своим прекрасным учителям — Лобанову и Гончарову: ведь если я чего и достиг, так только благодаря им. Это они преподали уроки мастерства — уроки человечности и мудрости. Они поддерживали в дни и часы огорчений, разочарования. Приучали не себя выражать в искусстве, а свое отношение к идеалу... Лобанов требовал выстраивать жизнь на сцене правдиво, остро и современно, но при этом не забывать о вечном! Заветам Лобанова я всегда верен... А разве могу я забыть Варвару Николаевну Рыжову, ее советы, беседы со мной, ее внимание, сердечность... Благоговейно относилась выдающаяся актриса Малого театра к актерскому мастерству. Спектакли, в которых довелось ее видеть,— мерило человечности и благородства...

Образы людей не похожих, интересных, каждый по-своему живущих на свете, создал на сцене театра и в кино Владимир Андреев. Тут веселый паренек-экскаваторщик Лавочкин из кинофильма «Доброе утро»; шофер Костя Жаворонков в спектакле «Несносный характер», Аносов в «Теории невероятности»... Но все то было «проба пера»; эти и другие работы привели Андреева к образу лейтенанта Шмидта, ставшему в его биографии этапным. Определившим силу и возможности таланта. Самое его направление.

Андреев полностью нашел и выразил себя в образах людей мужественных, чистых сердцем. И как бы продолжением драгоценной темы лейтенанта Шмидта стали в дальнейшем такие роли, как Саттаров в спектакле Д. Валеева «Дарю тебе жизнь»; Авалиани в пьесе А. Чхаидзе «С трех до шести»...

— Алексей Михайлович Лобанов часто говорил, что нет такой профессии, где человеку не нужно было бы знание жизни, не нужен опыт: то и другое — неотъемлемая часть личности. Более же всего они необходимы режиссеру, актеру. Вообще художнику. Я часто вспоминаю, как мы работали над спектаклем «Дарю тебе жизнь»: ведь мы объездили множество строек, были на КамАЗе, на БАМе... Вглядывались в лица, манеру людей. Но не копировать их надо было мне, постановщику спектакля и исполнителю главной роли, а передать облик советского человека. Силу души. Ту уверенность и то уважение, с какими работают люди, чувствующие себя хозяевами жизни. Люди труда.

На этом спектакле зал всегда был переполнен: значит, мы сумели сказать правду о современнике. Для меня это очень важно. Я считаю, что неточное, приблизительное решение образа современника недопустимо. И не про-

М. Самсонов. Род. 1925. ПОДВИГ ВАЛЕРИИ ГНАРОВСКОЙ. 1984.

Художественная выставка «Подмосковье».

В. Пантелеев. Род. 1925. НА НОВЫЕ ПОЗИЦИИ. 1984.

В. Скок. Род. 1922. ОСВОБОЖДЕНИЕ. 1984.

Художественная выставка «Подмосковье».

сто ошибочно, но аполитично; этим можно дискредитировать самое святое и дорогое в нашей жизни!..

Я, видимо, не скажу чего-то нового, но все-таки замечу, как же остро нуждаемся мы в высокохудожественных пьесах, ждем от наших драматургов произведений, в которых во всей полноте были бы представлены герои нашего времени — люди активной жизненной позиции, духовно богатые, определяющие своим трудом поступательное движение общества.

И я и мои товарищи по искусству часто задумываемся о нашей жизни и внутренних масштабах современных драматических произведений. Что греха таить, это соотношение складывается далеко не в пользу драматургов. Еще очень много пьес легковесных, рассчитанных на невзыскательный вкус, населенных персонажами убогими, погрязшими в бытовых неурядицах. И еще один момент. Очень часто читаю я ту или иную пьесу и с горечью думаю: могла бы она быть, а могла бы и не быть, ничего она не прибавит ни в нашей литературе, ни в психологии людей. А будущий спектакль не принесет радости встреч, не увлечет дерзновенностью замысла.

Непридуманностью, жизненной узнаваемостью привлекает сыгранный В. Андреевым грузин Ромаз Авалиани в спектакле «С трех до шести»... Депутат горсовета, он принимает ежедневно своих избирателей. И они нескончаемой чередой идут к нему со своей болью и надеждой... С чем только не сталкивается депутат! Чем только он не занимается! Он мирит враждующих соседей, помогает чинить крышу в детском саду, освобождает от частных гаражей футбольное поле... Да разве это все! Ведь для каждого нужно найти верное слово, а иногда найти его ох как непросто... Ромаз Авалиани у Андреева — человек живой, со всеми сильными и слабыми его сторонами. Но прежде всего честный и по отношению к себе, и к окружающим. В нем это главное. И за это мы тоже его любим.

ГЕРОЙ НЕ ПО ДОЛЖНОСТИ, А ПО СУТИ

Во многих статьях, посвященных творчеству Андреева, подчеркивается способность актера решать судьбу своих героев активно, создавать образы сильные, живые, ощутимые.

В этом году по ТВ шла многосерийная лента «Хроника одного лета» режиссера М. Орлова, где В. Андреев играет главную роль — Колесникова, председателя райисполкома. Казалось бы, актеру все это знакомо: почему бы ему не воспользоваться однажды найденными красками. Однако ни режиссер, ни актер Андреев не повторяется. Всегда критически, с беспокойством анализирует он каждую свою работу. Он убежден, что стереотипы в искусстве сводят индивидуальность на нет. И каждую роль воспринимает как первую. А потому не щадит себя.

Зрители внимательно следили за жизнью и делами Колесникова, который предстал руководителем не по должности, а по сути своей — по природе души... Андреев нашел для этой роли удивительно точные штрихи, подчеркивающие нравственный смысл всех поступков героя, решающего многие проблемы нынешней жизни — хозяйственные и экономические, а по сути — моральные.

— За время съемок я так сжился с Колесниковым, что он стал для меня реальным человеком — моим другом!.. Наш фильм снимался под Серпуховом, потом в Калужской области. И опять были незабываемые встречи с жителями окрестных городов и сел. Комбайнеры, шоферы, доярки... Отзывчивые, добрые, сердечные — истинно русские люди, умеющие совершать чудеса героизма в самой будничной, простой вроде бы работе... И не было для меня большей похвалы, когда подошел после съемок один из комбайнеров и заметил:

— Это все про нашу жизнь! Про нашу Родину!..

А вокруг стоял июль; расстилались огромные зеленые просторы — лес и поля ржи с золотистыми, налитыми колосьями. Я вспомнил картину Шишкина «Рожь». Очень люблю русских пейзажистов, среди них любимые — полотна Шишкина. Этот замечательный художник утверждает мысль, что любовь к природе беспредельна так же, как бесконечна человеческая любовь к Родине. Он был не только выдающимся художником, воспевавшим русскую природу: Шишкин был очень русским человеком. Как-то отвечая на анкету петербургской газеты, он на вопрос: «Страна, в которой вы хотели бы жить», — ответил: «Отечество»; а на следующий вопрос: «Ваш девиз» — «Быть русским, да здравствует Россия!».

Настоящее искусство рождает чувство Родины. Воспитывать его — долг советского театра.

В полном соответствии со своими принципами В. Андреев осуществил на сцене Малого театра постановки инсценированных романов Ю. Бондарева «Берег» и «Выбор».

— Считаю, что режиссер должен ставить только то, что волнует его лично как художника и гражданина; он должен помочь всем актерам, занятым в спектакле, продумать эти вопросы и ответить на них работой над образами. И, конечно, над спектаклем в целом... Это и есть служение высоким идеалам. Мысль не о падении человека, но о необходимости борьбы за человеческое сердце, за душу. Утверждение надежды в силу добра, в порядочность, честь и достоинство. Они не умерли на земле и никогда не умрут!..

И как самое сокровенное и дорогое сохраняю я в душе те счастливые дни, когда работал над спектаклем по роману Ю. Бондарева «Берег», — говорит Андреев.

— Я стремился как можно глубже проникнуть во внутренний мир героев произведения. Ведь все они — живой образ современного мира, сложного, раздираемого противоречиями... Этот мир даже может уничтожить себя в один миг, со всеми своими свершениями. Но может и жить по законам справедливости, добра, красоты...

Ради этого Никитин, герой, пытается «осердечить» окружающий его сложный мир, если можно так выразиться. В этом и виделась мне высокая, оптимистическая трагедийность «Берега»! Почти на каждом спектакле, стоя за кулисами, я не то что сам «играю» Никитина, Эмму, Княжко, Самсонова — я живу их жизнью! Их притягательная сила не отпускает меня, не дает мне расстаться с ними.

На этой же сцене поставлен и «Выбор». И я опять, все вновь и вновь перечитываю этот роман. Иногда, подойдя к окну своего дома, смотрю на мир, который, может быть, рисовал и художник Васильев, когда выбрал себе раз и навсегда эту землю, полюбил людей, живущих рядом с ним. Он истинный сын своего Отечества. Он борется за завтрашний день людей. Да, пожалуй, он и не выбирал! Васильев с самого рождения своего принадлежит земле, именуемой Родиной... Россией... Выбирают, когда идут в критический момент на сделку. На компромисс со своей совестью. И ложный выбор неминуемо ведет к трагедии. К катастрофе»...

В спектакле «Выбор», так же как в «Береге», Андреев сосредоточил внимание на внутреннем мире героев. Он отказался от всего, что могло бы отвлечь зрителей от центральной темы спектакля, — человек сам делает свой выбор в жизни, сам и отвечает за него. И отвечает не только в глобальных ситуациях, но и в повседневных буднях. Отвечает на каждом шагу. В труде, искусстве, в общении с людьми. В нравственности, в идеалах...

К достоинствам спектаклей Андреева следует отнести и то, что режиссер, воскрешая события военных лет, показывает их в свете событий сегодняшней жизни, подчеркивает серьезнейшие проблемы современности. И красной нитью проводит очень важную мысль: все взаимосвязано в нашей жизни. Ничего нельзя забывать, зачеркивать, будто не было... Нельзя.

ПРОШЛОЕ ПОМОГАЕТ БУДУЩЕМУ

— Человек не может жить, зачеркнув свое прошлое, — говорит Андреев. — Именно прошлое помогает идти вперед. И именно память бережет наше будущее... Поэтому необходимо хранить память о прошлом — память великую, героическую, скорбную. Такой всенародной памятью стала Великая Отечественная война... В память о тех, кто не вернулся с войны, в память о том, какой ценой был завоеван мир на земле, я задумал спектакль по произведению Бондарева «Батальоны просят огня». И поставил его на нашей, ермоловской сцене. Думаю, эта повесть, воскрешающая события осени 1943 года, когда при форсировании Днепра шли кровопролитные бои, едва ли не самая пронзительная. Ощущаешь всю боль души автора о погибших героях — его сверстниках... Мне казалось, будто кровь проступает сквозь листы книги, кровь прекрасных людей, что полегли тогда за Родину. Я очень хотел, чтобы зрители воочию увидели в нашем спектакле батальоны, принявшие удар противника на себя. Мне хотелось, чтобы зрители почувствовали, что все герои, такие разные — и совсем молодые, и убеленные сединами, — одинаково знали, за что они отдают свою жизнь.

Этот спектакль звучит сурово. Эмоционален его финал, сильный и страстный. Все воины, будто вернувшись из того последнего, смертного боя, выстраиваются вдоль рампы и внимательно всматриваются в зал, словно спрашивая: а как вы сейчас живете, люди?.. Что делаете для того, чтобы это не повторилось вновь?..

Поистине велика сила искусства! В театр стали приходить письма воинов. Каждый рассказывал о своем, многие искали однополчан.

— Меня, — говорит Владимир Алексеевич, — поразило одно письмо. Его автор — ученик седьмого класса.

«Вместе с мамой мы были на спектакле, — написано там. — Мой дедушка тоже воевал. Его убили, как говорит моя мама, где-то под Киевом. А больше она ничего о нем не знает: ведь было это очень давно. Прошу вас, помогите узнать, как воевал, как погиб мой дедушка! Может, вы покажете мое письмо писателю Бондареву и он его вспомнит. Дедушку звали Иван Сергеевич, а фамилия, как и у меня, — Чеботарев...»

Вот, оказывается, какая бывает память и как она **оживает**. Сила ее неимоверна! Она одна способна прорвать забвение...

Режиссер В. Андреев не мыслит творчества вне гуманизма и человечности, вне политической позиции. Он твердо знает, что сегодня гамлетовская дилемма «быть или не быть» перешагнула из ситуации тяжких переживаний отдельной личности в масштаб переживаний планеты.

Сегодня никто не может стоять в стороне от идеологической борьбы, развернувшейся в мире. Здесь, в этой проблеме В. Андреева привлекает четкая принадлежность к сегодняшнему времени, горячая гражданская боль.

Как и всегда, режиссер сосредоточивает свое внимание на публицистике, не минуя глубинного раскрытия человеческих характеров.

— В нынешнем тревожном мире трудно переоценить значение хорошей политической драмы, — замечает режиссер. — В спектакле «Этот странный русский» нам хотелось дать зрителям обжигающую правду событий. Документальность и драматизм здесь сплочены воедино. Нам хотелось своим спектаклем напомнить, что фашизм страшен в любом проявлении и что бороться с ним — долг **каждого** честного человека.

...Главный режиссер театра — творческий лидер коллектива. От его знаний, умения, идейно-художественной позиции, от его взглядов и принципов, отношения к современности зависят формирование и стабильность работы и жизни труппы. Зависит качество репертуара. Зависит все.

Пора творческой зрелости режиссера Андреева предстает как ответственная и плодотворная пора. Его новые замыслы смелы и интересны.

После успешных гастролей в Германской Демократической Республике Андреев увлеченно работает над постановкой драмы А. П. Чехова «Дядя Ваня», сам репетируя Войницкого... В планах постановка новой пьесы драматурга Н. Мирошниченко «Актриса», посвященная памяти великой деятельницы русского искусства Марии Николаевны Ермоловой.

И впереди, как всегда, огромная общественная деятельность. Встречи с избирателями. Поездки на заводы и стройки. Работа с молодежью.

Таков мир режиссера, насыщенный трудом и поиском.

Мир в зеркале поэмы

Искра ДЕНИСОВА

Утверждения критиков об угасании жанра поэмы, еще несколько лет назад имевшие основания, уже неактуальны. Одно за другим появляются и заставляют говорить о себе крупные произведения наших известных поэтов. Да и в предыдущее десятилетие, когда лирическая стихия заполняла журнальные страницы, продолжали работать мастера, верные жанру поэмы. Давно и постоянно разрабатывает глубочайшие проблемы истории нашего общества замечательный поэт Юстинас Марцинкявичюс. От «Миндаугаса», поразившего читателей могучим эпическим характером властителя, до «Мажвидаса», явившего нам драматический поиск национальной духовной общности, гуманистического идеала, пролегло для поэта последнее это десятилетие.

Интересны поиски в жанре поэмы таджикского поэта Мумина Каноата, чье серьезное внимание к истории успешно сочетается со стремлением проникнуть в острые проблемы современности. От «Голосов Сталинграда» поэт идет к миру Авиценны путем трудного восхождения к вершинам философской мысли. Пристальное изучение нравственных проблем в их тесной связи с общественным бытием личности отличает психологические поэмы лауреата Государственной премии 1984 года Бахтияра Вагабзаде, и прежде всего «Суд совести», раскрывающая сложные драматические ситуации. В поэмах Вагабзаде «Разговор с Лениным» и «Оценка» мы находим серьезные раздумья о сегодняшних взаимоотношениях людей, о борьбе за чистоту моральных идеалов. Поэт судит современников и самого себя тем судом истины, которую открывает ему обращение к ленинской мысли.

В восьмидесятые годы развитие жанров лирической публицистики происходит в тесном взаимодействии с движением социальной, политической поэмы. Эффективность этого сближения несомненна, поскольку жанровое обогащение возникает на основе идейной общности художнических исканий. Поэма выстраивается зачастую «в плане личных ассоциаций» (как определял Маяковский структуру некоторых глав поэмы «Хорошо!»), автор ищет максимальные возможности для самого непосредственного контакта с широким читателем. Это заметно и в новой поэме Бориса Олейника «В зеркале слова», отличающейся романтической окрыленностью и глубиной. Тенденция включения «личных ассоциаций» внесла достоверность лирического бытия и в небольшую, но выразительную поэму Игоря Ляпина «Тревога», сказалась она и в последних произведениях Евгения Евтушенко, в частности в поэме «Мама и нейтронная бомба», опубликованной в 1982 году и удостоенной Государственной премии СССР за 1984 год. Уже само название отсылает нас к стихотворению Маяковского «Мама и убитый немцами вечер», созданному в страшный для России год, когда призыв писать о войне — войною, «плюнуть рифмами в лицо войне» — стал важнейшим для поэта. Освоение традиции Маяковского у Евтушенко явственно, оно продолжается в художническом поиске, обостренной публицистичности.

Диссонансная резкость контрастов изобразительного ряда, столкновение лексических пластов, сознательная, порой нарочитая прозаизация стиха, эффекты «накладывания» иронии, сарказма, издевательства на лирическое обнажение душевной муки — в интонации — все приемы заставляют читателя остро, сердцем ощутить противоестественность, бесчеловечность самого допущения мысли об истреблении человечества.

Ужас затишья перед взрывом, гибелью как бы затаился в жутковатом спокойствии «размазанных», размытых штрихов: «Это был хаос, притворявшийся полным порядком, ибо отсутствие мысли в порядке есть хаос».

И — резкий перепад на реальность или почти реальность: «Сальвадорские дети, раздавленные карательным танком, в ужасе отшатываются от игрушечного. Бесконечен хоровод погибших детей вокруг их всемирной елки. А если взорвется нейтронная бомба, тогда вообще не будет детей: останутся только детские сады, где взвоют игрушечные мишки, плюшевую грудь раздирая пластмассовыми когтями до опилок, и затрубят надувные слоны запоздалую тревогу...»

Замедленность фразы — как в тяжелом, кошмарном сне, когда хочешь и не можешь проснуться... И в этом, видимо, внутренний смысл, зерно поэтики Евтушенко. Оно от желания сказать совсем по-иному, чем сам говорил до сих пор. Внести в решение эпической темы приемы лирико-ассоциативные, столь необходимые для самовыражения и для наиболее полного раскрытия злободневной, «горячей» темы.

Приемы лирической типизации убедительно использованы в новой поэме Игоря Шкляревского, «Слово о мире». Лирический монолог насыщается постепенно многими голосами: это и голос детства и голоса белорусов — земляков поэта, голоса птиц и зверей, обретающих «общий разум» перед бедой... В публицистичности лиризма найдена точная интонация — драматическая, страстная, накаляющая быстрые, летящие двустрочия разговорного стиха, объединившего патетику ораторской речи, призыва и гибкости раешника. Поэт обращается к разным странам и для каждого народа ищет свой убеждающий аргумент, связанный с его историей, географией, социальной психологией. В поле зрения поэмы — Швейцария, Канада, ФРГ, Франция, Испания, США...

Слушай, Америка, правду свою:
Мир уже на краю,—
для двухсот тридцати миллионов
не хватит бетонной утробы,
если падать начнут небоскребы.
Воображения, что ли, тебе не
хватает?

Неожиданность интонационной перебивки словно перекидывает мост, сокращая расстояние до собеседника, делая разговор более доверительным. И надо сказать, что автору воображения хватает: картины, им нарисованные, страшны, слова разят и взывают. «Вся земля превратится в Хатынь, и вытечет синь из земной оболочки». «Как тифозные волосы, вылезет зелень...». «От Москвы до Уфы километрами давится вьюга». «Сушь накрыла Европу и Африку, огнем нарывала Земля изнутри, загорались от солнца леса, на Полесье посохли болота».

Мощные смертельные ветры и пожары, краткие, но изобразительно четкие картины страданий, гибели, мук человеческих и звериных, словно в документальной киноленте, движутся динамическими, монтажными кусками... И словно вспышки света, озаряющие душу, вкраплены в них воспоминания о мирных земных радостях.

Подойду к отраженному облаку
и закину в него поплавок,
чтоб глаза на воде полежали,
под ветлою плакучей найду
холодок,
чтобы голову солнце не мучило.
Брат придет,
принесет помидоров и сала.
Неужели этого мало?
Небо лопнуло над головой!
Самолет переходит барьер
звуковой...

Естественное для всякого советского человека-гуманиста стремление остановить чудовище войны, помочь людям Земли осознать ее смертельную для мира опасность заставляет автора прибегать к образам, предельно концентрирующим ужас возможной катастрофы.

В метафорических рядах соединяются большой и малый миры, от горящего картонного глобуса до сжигаемой напалмом Земли, гибнущей в корчах...

Вступление о едином круге ветров напрямую, а где-то и с нарочитой прямолинейностью, подчеркнутой прозаизацией стиха, вводит читателя в тревожную, напряженную атмосферу произведения. И в финале, композиционно кольцуя поэму, вновь зазвучит грозное напоминание о том, что никому не удастся избежать бури: «Ветры горные, ветры долинные, городские, морские, озерные, женатые ветры — стихают в ночи, полуночники — холостые, арбузные ветры — турецкие, исландские — сельдяные, черные бури на западе США — район Чаши пыли. Что им версты, границы, мили? Горы для них — не преграды. Леса для них — не заборы. За шлагбаум текут облака! Век двадцатый — тупик человечества? Или век сотворения вечного мира на все века?»

Историзм поэтического мышления рождается из тревоги, соединившей «цепь времен», из дум о пророческой миссии поэзии. Она первая должна увидеть, как будут стоять внуки в очереди за водой, как ослепшая птица обрежется о провода... Поэзия первая слышит, как ночами в закрытые двери входят ни в чем не повинные звери с плакатами: «Миру — мир!» Их звериный вопрос первой должна услышать поэзия: «Как вам не стыдно, люди? Нейтральных лесов не будет!» Голоса всего живого, пройдя мозг и сердце поэзии, взывают к человечеству, и афористичность поэтической фразы срастается с плакатностью, лозунг вырастает из лирической исповеди. К совести людской обращается поэма Игоря Шкляревского «Слово о мире». Нравственный аспект проблемы в ней понят широко, впаян в социальный анализ текущего дня, увиденного в едином и неостановимом движении Истории.

Величавая поступь той же Истории, дыхание времени ощутимо и в поэме Егора Исаева «Двадцать пятый час», ставшей одним из самых ярких явлений поэзии 1984 года. Редкий талант этого поэта лепить характер, творить образы эпической мощи помог сделать это философское произведение с условным и даже фантастическим сюжетом осязаемо реальным. Пластика образа вбирает мысль и действие, монолог и раздумья, представляя нам в могуществе национального характера идейную, духовную опору человеческой жизни сегодня. Тот, кто был 40 лет назад «оплакан всюду и любим», кто встал «на самый высший в мире пост, лицом и подвигом до звезд», вдруг сходит с пьедестала в Трептов-парке и совершает новый подвижнический путь. Сначала в родные края, потом — на запад...

Крепкие связи поколений, когда живущие внемлют голосам павших героев, чтоб избежать позора беспамятства, бездумья, и бесстыдной игры человеческой жизнью, чтоб донести свет разума и боль души будущим людям, раскрываются в образе Солдата Мира, несущего службу памяти. Поэт создал высокий символ, емкий образ, вобравший в себя надежды мира. Вспоминая ту боль, «что столько лет болит», и то мучительное ожидание второго фронта в сорок втором («А если кровью мерить — век»), он отзывается на скорбные голоса «отважных тех, кто под траву ушел, под снег...»

Условность образа не мешает нам ощутимо видеть его мощную фигуру и чувствовать его заботу, сопровождая его в том сказочном путешествии за океан, слышать живой, узнаваемый голос, волноваться за его миссию, когда он, «чрезвычайней всех послов», говорит с президентом США... Такова сила поэзии, оживившей бронзу. От имени павших взывает поэт к совести людской.

В предрассветный час, когда сон так сладок и человек совсем беззащитен, чутким дозором обходит подлунный мир бессмертный Солдат Великой Отечественной. Опередив на шаг рассвет, он будит в душах совесть и несет свет правды. Планета слышит спокойный, уверенный шаг его, сорок лет несущего вахту мира, и верит его доброй силе, честному слову, его великому сердцу.

Всем исполинам исполин.
В одном лице — отец и сын,
В одном лице — жених и муж,
В одном родстве на весь Союз.
Идет над бездной, под луной.
Четыре ветра за спиной
В порыве парусных веков,—
И поступь легче облаков,
И ход стремительный луча
Рассветного,
А у плеча
На удаленьи небольшом
Звезда Полярная с ковшом
По ходу вечности
На вест
Перстом указывает: есть,
Есть, есть он, двадцать пятый час!

Родина, пославшая чрезвычайнейшего из послов, ждет, что и мир за океаном, вплывающий «под своды бронзовых бровей», должен услышать Слово того, кто «двадцать миллионов раз там, в полосе военных лет, убит». Миллионы, отдавшие жизнь за сегодняшний мир, дают солдату право твердо сказать воинственному президенту:

Представьте:
Хьюстон и Нью-Йорк
Лежат в руинах,
Как тогда
Лежали наши города,
Не два — а сотни городов...
Представьте миллионы вдов,
Как мужь,
Как детям их — отец...
И перестаньте ж, наконец,
Перед лицом моей страны
Махать во имя сатаны
Ракетно-ядерным крестом...

Яростный накал публицистики в новой поэме Егора Исаева рожден глубоким чувством ответственности, подлинно партийной позицией поэта. Укрепляя эпическую поступь стиха, публицистичность придает еще большую весомость каждому слову, наливает его силой.

Движение современной поэмы к жанровому синтезу, развитие и совершенствование художественных решений, многообразие стилистики связаны с высоким сознанием того, что мы все вместе и каждый в отдельности отвечаем сегодня за жизнь, за будущее.

В. МАТВЕЕВА

ТО ЛИ ДОЖДИК, ТО ЛИ СНЕГ...

На календаре осень, а за окном уже вьется легкий снежок. Пройдет день-два — и от первого морозца не осталось и следа, а с неба льет нескончаемо нудный дождь. Что надеть в такую погоду? В драповом пальто сыро, в плаще холодно. Вот, наверно, в один из таких ненастных дней у художников-модельеров родилась мысль создать межсезонную одежду. Стеганые пальто, куртки, комбинезоны потеснили с осенне-зимних улиц тяжелые драповые пальто с дорогими меховыми воротниками, дорогостоящие дубленки, меховые шубы, кожу, замшу.

В своих письмах наши читатели жалуются на нехватку в продаже именно такой одежды, на малый ее ассортимент в магазинах, просят рассказать о тех новинках, которые готовят художники-модельеры сегодня.

— Бесспорно, интерес к классическому ассортименту верхней одежды (плащи, драповые пальто, зимние шубы) значительно упал во всем мире,— начал свой рассказ главный художник Московского Дома моделей одежды на проспекте Вернадского Геннадий Камильевич Зейналов.— На первый план вышли вещи, ранее игравшие второстепенную роль,— куртки, стеганые пальто, полупальто из синтетических, смесовых, плащевых тканей. Одежда эта потому и названа межсезонной, что в зависимости от аксессуаров практична, удобна в самое разное время года. Секрет ее популярности не только в том, что спортивный стиль в последние годы стал господствующим, и даже не в удобствах этой одежды, ее демократичности и общедоступности. Главное, на мой взгляд, то, что по природе своей стеганая одежда корнями уходит, опирается на глубоко национальные традиции.

Достаточно вспомнить ватный стеганый среднеазиатский халат, одинаково спасающий летом от жары, а зимой от холода, русские рабочие телогрейки. Для художника-модельера нет более живительного источника вдохновения, чем народный костюм, вобравший в себя многие сокровенные тайны и законы народного искусства.

— Каковы же конкретные предложения ваших художников на осенне-зимний сезон 1984—1985 годов?

— Московский Дом моделей разработал и предлагает нашим предприятиям широкий ассортимент курток, новых по форме, стилю, крою стеганых пальто, полупальто, комбинезонов. Для того, чтобы одежда эта была объемной и в то же время теплой, мы применяем искусственную вату, синтепон, заменивший дорогой гагачий пух, пледовые ткани, искусственный мех, ватин. Интересно применение в качестве отделок шнурков, люверсов, тесьмы, контрастной или родственной по цвету основной ткани с эффектом блеска. Модны отделки кожей, искусственным мехом, замшей, вышивками, аппликациями. На комбинезонах — множество карманов, молний, декоративных кнопок, пряжек, эмблем. Куртки — легкие, теплые, длинные, короткие, приталенные, свободного кроя.

— Говоря о куртках, наверное, нельзя обойтись без разговора о брюках. Какова их роль в современной моде?

— Наиболее популярны брюки из легких плащевых тканей, разного объема; галифе, бананы, широкие по всей длине, облегающие. Появилось новое фасонное оформление брюк — карманы в несколько ярусов, подрезы, складки, строчки.

— Геннадий Камильевич, а как вы относитесь к творчеству «улицы»? Вот недавно появились в продаже импортные платки с кистями и люрексом. Молодые девушки носят их поверх пальто, курток. Хорошо ли это?

— Мода улицы существовала всегда. Истоки ее в том, что промышленность не балует нас разнообразием, широким ассортиментом товаров, а главное, в том, что молодежи свойственно стремление выделяться из толпы, создать какой-то свежий, необычный образ. Порой ее творчество приносит неплохие плоды. В данном случае нет ничего принципиально нового в том, что платок повязывается поверх пальто. Вспомните традиционный крестьянский костюм — расписной платок поверх жакета. Другое дело, что современные любительницы «ретро» не учли того, что платок с люрексом не соответствует ткани основной вещи, как правило, не попадает в цветовую гамму. Похвально стремление молодых творчески подходить к своей одежде, но мы, художники-модельеры, должны направлять, корректировать эти опыты, и не словами, а делом.

Московский Дом моделей одежды ежегодно дает в ателье города до пятисот новых моделей для приема заказов у населения и производства полуфабрикатов малыми сериями. В ближайшее время открывается новое ателье высшего разряда на улице Менжинского, новый Дом моды в Тушине, которые будут принимать заказы по образцам, разработанным художниками-модельерами.

Так что модели, которые мы видели в костюмерных Московского Дома моделей одежды, в очень скором времени можно будет встретить и на улицах города.

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

В Тернополе состоялась встреча работников редакции и авторского актива «Огонька» с читателями. После трудовой смены в зале заседаний крупнейшего в области производственного ордена Трудового Красного Знамени объединения имени 60-летия Советской Украины «Ватра» собрались рабочие, инженеры, техники, комсомольский и партийный актив.

Встречу открыл заместитель главного редактора журнала Б. Леонов. О работе отдела писем и массовой работы рассказала заведующая отделом В. Морозова. Тепло встретили читатели выступления поэтов С. Йовенко и Е. Антошкина, прочитавших свои новые стихи. Во встрече также приняли участие заведующий отделом экономики быта К. Барыкин и фотокорреспондент И. Тункель.

Средний возраст ватровцев — 29 лет. Поэтому не случайно многие пожелания выступавших на встрече с огоньковцами сводились к тому, чтобы на страницах журнала публиковалось больше материалов о проблемах молодой семьи, о воспитании детей, о досуге молодежи, о взаимоотношениях молодых людей, о молодежной моде.

Участники встречи называли имена художников, произведения которых они хотели бы увидеть на цветных вкладках журнала. Среди них — Франсуа Буше, Караваджо, Микеланджело, Рембрандт, Левитан, Шишкин, Айвазовский и другие. Просили поместить на страницах журнала офорты и акварели Т. Шевченко.

Высказывались пожелания о том, чтобы «Огонек» публиковал больше материалов о производстве товаров широкого потребления, о проблемах улучшения бытового обслуживания населения.

Затем огоньковцев пригласили в ассортиментный цех, где были представлены образцы заводских новинок — светильников из фарфора, стекла, хрусталя.

Участникам встречи были розданы читательские анкеты, в которых редакция просила высказать мнение о журнале, критические замечания, пожелания, советы. И вот уже сегодня получена толстая пачка анкет, которая будет внимательно изучена в редакции.

На снимке: на встрече с огоньковцами.

НЕЛЕГКАЯ ВОДА

Владимир САЛЬНИКОВ

ЗАПИСКИ ПЛОВЦА

II

Итак, преодолев 50 метров вольным стилем за 46,1 секунды, я получил свою первую спортивную грамоту. Она-то и послужила для меня пропуском в мир большого плавания, в мир, оказавшийся необычайно интересным и разнообразным.

На детских турнирах, где разыгрываются призы «Веселого дельфина», их проводит газета «Советский спорт», или призы газеты «Пионерская правда», все без исключения юные пловцы должны продемонстрировать умение плыть всеми способами. Сначала я выступал на дистанции 100 метров комплексного плавания (есть такая для детей), позднее — 200, а для более старших — 400 метров. Комплекс — один из самых сложных и трудных видов плавания. Первый отрезок надо проплыть баттерфляем или его разновидностью — дельфином — это когда ноги работают слитно, словно дельфиний хвост, так быстрее. Затем следуют плавание на спине, брассом и, наконец, вольным стилем — кролем. Уточню, кроль — самый скоростной способ.

Безусловно, все способы плавания требуют определенных способностей. Как правило, на выбор «своего» способа накладывают отпечаток различные обстоятельства. Вот и у меня сначала лучше всего получалось «на спинке». Помните, первые уроки я проходил на реке. Вода мутная. Окунать лицо, а тем более открывать глаза под водой боязно. Вот почему подспудно осталось желание плавать больше на спине, чем на груди. Даже сейчас, когда купаюсь в прозрачной воде бассейна, с удовольствием переворачиваюсь на спину. Брасс у меня никогда «не шел». Мешало, как говорят тренеры, отсутствие природной выворотности. Заметьте, как ходят мастера брасса — словно все из балетной школы — «пятки вместе, носки врозь». О дельфине говорить не приходилось: не плыл, а мучился. Ни тебе необходимой гибкости и подвижности, ни тебе силы богатырской. Оставался вольный стиль — кроль, но при этом не спринт, не короткие отрезки, где основные показатели — резкость и взрывная сила, а дистанции длинные. Так я стал стайером.

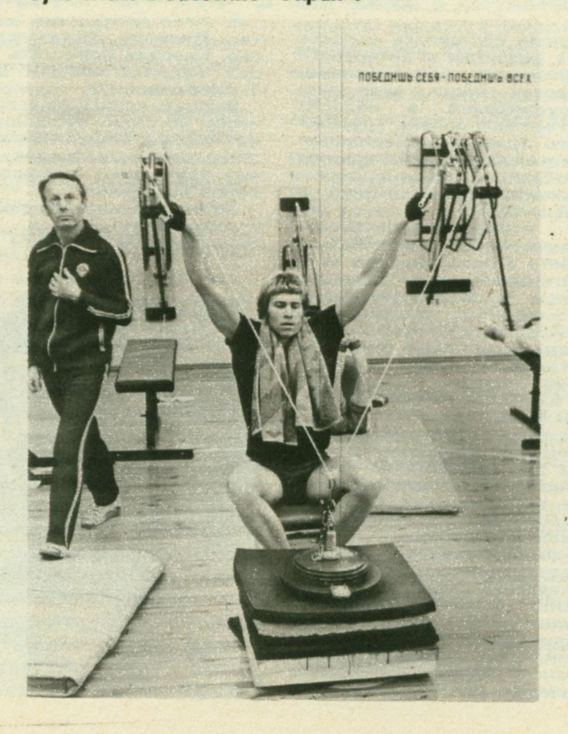
Теперь это напоминает естественный отбор, а тогда мне пришлось испробовать все, как того требовала единая система для детских школ,— познай все способы в плавании, а уж затем делай выбор. Я немало потрудился, осваивая брасс и баттерфляй, спину и кроль, но, когда наступило время, выбирать не пришлось. Все, чем я располагал в воде, зиждилось на моем желании плавать, на желании трудиться, а не на каких-то особых физических данных. За все годы мне никто не сказал, что из меня вышел бы отличный спринтер, но я часто слышал от специалистов, что если уж мне суждено стать пловцом, то только стайером. Вот почему еще задолго до первых успехов меня ожидали многочасовые тренировки. И не скрою, мне приходилось проплывать больше, чем остальным. Километраж рос от сезона к сезону. И если в 13 лет я проплывал за год до 1000 километров, то сейчас выполнить такой объем мне под силу всего за 2,5—3 месяца.

Раз в месяц в школе собирали родителей. Беседа шла час-полтора. В большинстве случаев на собрание приходила мама, хотя с рождением сестренки Светы у нее домашних забот прибавилось. Так уж получилось, что большая часть домашних забот лежала на маминых плечах. Но все же как бы ни было ей трудно, а мама, работавшая инженером на одном из ленинградских заводов, уделяла мне немало внимания. А в особо трудные моменты подключалась бабушка, папина мама. Она жила рядом, и к ней можно было заглянуть «на огонек», а то и остаться ночевать. Но правом «ночевки» пользовалась в основном маленькая Светка.

Бабушка часто рассказывала об отце, о том, каким он был в моем возрасте самостоятельным, настоящим помощником. «Как там наш Валерик, небось, в океане?» — вздыхала она. Отец, капитан торгового флота, редко бывал дома. С годами наши пути все реже пересекались в Ленинграде: то отец в плавании, то я в отъезде. Именно отцу я обязан умением вести, словно на корабле, размеренный образ жизни, по строгому расписанию, много читать, познавать мир, который нас окружает, не ограничивая свои интересы только избранной профессией.

Как говорит мама, у нас в характерах много общего. Например, настойчивость. Одновременно поставили себе цель — овладеть английским языком. Отец уже в зрелом возрасте добился поразительных результатов. Проявил характер и я, но мне удалось это сделать гораздо легче. Я всегда стараюсь использовать свои знания. Отец же скромничает и лишь изредка в разговоре с иностранными коллегами переходит на английский.

«Победишь себя — победишь всех»— такой лозунг висит в бассейне «Экран».

Бывало так, что мы не виделись по нескольку месяцев, но это не означало, что контакты прерывались. Выручали письма, были телефонные разговоры, но, главное, была та незримая духовная связь, когда свои решения и поступки я сверял с тем, как бы сделал отец. Я плавал по водным дорожкам, он — по морям, океанам. В своих заплывах я мог «раскиснуть», выполнить что-то не так, но затем исправить оплошность, отец никогда не имел права на ошибки, любой промах мог обернуться бедой для судна, для экипажа.

Из общеобразовательной школы многих из нас перевели в школу спортивного профиля. Жить, учиться и плавать под одной крышей значительно проще, чем тратить время на различные переезды. В нашем классе оказалось 36 пловцов, поровну мальчиков и девочек. Но как ни старались учителя объединить нас в один по-настоящему дружный коллектив, это не удавалось. Сейчас это нетрудно объяснить. Девочки казались взрослее, самостоятельнее, а главное, что их ставило выше нас, так это спортивные результаты. 12—13-летние девочки плыли на уровне мастеров спорта, в то время как мальчишки только-только начинали входить во вкус плавания.

Тренер исподволь наблюдал за нами, отлично чувствовал общее настроение и умело направлял нашу неиссякаемую энергию в нужную сторону. Незаметно за очень короткий срок мы приблизились по результатам к своим «обидчицам», но Глеб Георгиевич словно не замечал наших успехов, больше внимания уделял ученицам. Среди них выделялась Марина Малютина, претендовавшая на роль лидера в главной команде страны. Она была готова побеждать на чемпионате СССР и действительно завоевала серебро и бронзу в комплексном плавании, а еще через год на VI Спартакиаде народов СССР выиграла дистанцию 400 метров вольным стилем с рекордом страны и вновь проявила большие способности в комплексном плавании.

Вот и получилось, что к концу 1973 года явно обозначились тенденции «на разделение» не только в нашей группе, но и по всему «Экрану». Девочки тренировались в основном у Петрова, а мальчики у Кошкина. Причем достижения старших ребят, воспитанников Кошкина, также были на уровне всесоюзных рекордов. Миша Горелик победил на юношеском первенстве Европы, а Саша Грибанов завоевал серебряную награду. Кроме того, Горелика как самого перспективного взяли на взрослый чемпионат мира. Этот «аванс на будущее» он потом добросовестно вернул, успешно выступая на всех уровнях, став настоящим мастером международного класса.

Тогда-то и состоялся наш разговор с Глебом Георгиевичем. Комплексное плавание у меня не шло, результаты в плавании на спине остановились, средние и длинные дистанции — так себе, да и в компании девочек плавать становилось все труднее и труднее. Практически я не мог вписаться в общий ритм тренировок и явно недорабатывал, хотя сил было предостаточно.

Тренер внимательно меня выслушал, а затем, видимо, предоставил возможность для выбора: «Если захочешь, оставайся в нашей группе, но будет еще сложнее планировать, а тем более переносить большие нагрузки. Сам понимаешь, сейчас весь акцент в работе на Малютину. Есть, правда, один вариант, причем еще более сложный, но весьма перспективный,— тренироваться в бригаде Игоря Михайловича Кошкина, он, кажется, не против». Так, казалось бы, извечная проблема — разделение «на девчонок и мальчишек»— косвенно повлияла на мою дальнейшую судьбу. И вот у меня после первого наставника теперь уже более 10 лет постоянный тренер.

В программе зимнего чемпионата СССР по плаванию 1982 года я прочел маленькую заметку: «Спасибо, тренер!». Хочу привести из нее несколько строк: «Спортсмен, тем более чемпион, всегда на виду. Но за наградами, интервью и фотографиями наших любимцев мы подчас забываем, что немалая доля в их успехе принадлежит человеку по профессии— Тренер. Он остается как бы в тени, за кадром нашего внимания...» И далее: «...каждый

Продолжение. См. № 46.

И. М. Кошкин и Владимир Сальников. Разговор по свежему следу после заплыва.

Фото Ю. МОРГУЛИСА, А. ОХАКЕВИЧА

год Спорткомитет СССР и Всесоюзная федерация плавания проводят конкурс тренеров и называют 25 лучших наставников. Вот уже который раз возглавляет этот почетный список Игорь Михайлович Кошкин».

Я не единственный ученик Кошкина, получивший право выступать в составе сборной страны. В разные годы форму с Гербом СССР надевали Михаил Горелик, Сергей Русин, Женя Середин, Виктор Кузнецов, Саша Чаев, Владимир Шеметов...

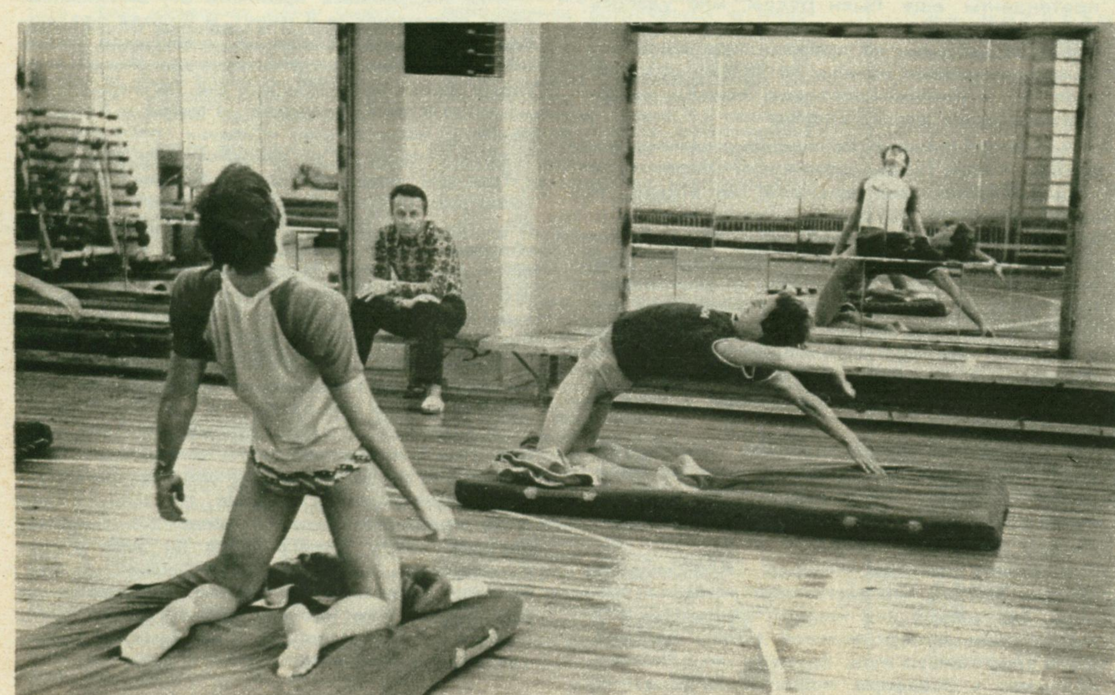
Игорь Михайлович — своеобразный человек. Для многих он загадка. Когда-то, еще в школьные годы, Игорь Михайлович увлекался гимнастикой, показывал результаты, но серьезная травма помешала остаться на помосте. Решил искать счастья «на стороне». Врачи посоветовали — вода. Плавал он хорошо, и регулярные тренировки вскоре позволили ему вновь ощутить себя в спортивном строю.

Несколько лет Кошкин проработал радиомехаником в ленинградском ВНИИ телевидения, но полученная специальность в армии не пригодилась, а вот умение плавать нашло свое применение. Два года Кошкин сочетал службу в армии с тренерской работой, а когда демобилизовался и вернулся в Ленинград, то решил проверить свои тренерские способности и во ВНИИ. Но основные заботы Кошкина в те годы были связаны с учебой в радиотехникуме, и все же, даже получив диплом техника, он от профессии тренера не отказался.

При участии Игоря Михайловича в 1959 году в спортклубе была открыта ДЮСШ по плаванию, и в поле зрения молодого специалиста оказались в первую очередь дети сотрудников института. Однако плавать юным спортсменам приходилось на «чужой воде», и Игорь Михайлович уговорил руководство института построить собственный бассейн.

Уверен, что никто в то время серьезно не поверил бы, что через 5—6 лет после пуска бассейна о школе «Экран» узнает вся страна, а затем и весь мир. А тогда Кошкину предстояло провести на стройплощадке не один тяжелый день и не одну бессонную ночь потратить на бесконечные варианты внутреннего оформления бассейна.

Когда маленький, всего пять дорожек, уютный и по-лабораторному чистый, двадцатипятиметровый бассейн распахнул свои двери,

В разминочном зале.

Спарринг-партнер Сальникова Русин.

Игорь Михайлович призвал его тренеров главное внимание уделить детям. Прошло несколько лет, и в школе образовалась своеобразная пирамида: сотни детей в учебных группах, десятки в тренировочных и единицы в группах спортивного мастерства. Такой подход к делу позволил тренерам школы уже в 1973 году добиться первых результатов международного класса. Лучшие из воспитанников приняли участие в чемпионате Европы среди юниоров. Все, что было посеено осенью 1967 года, дало первые всходы — победы и медали европейского смотра юных пловцов. А так как в «Экране» всегда строго придерживаются возрастного отбора, то каждый год дает свой урожай. И не было сезона, чтобы кто-то из воспитанников школы, перешагнув ступеньку, отделяющую детей от юношей, не показал заслуживающий внимания результат.

Вот и в последних Всесоюзных юношеских соревнованиях отличились сразу несколько воспитанников Сергея Русина, отвечающего за подготовку в «Экране» группы мастеров и кандидатов 1970 года рождения. Игорь Михайлович никогда не ждет результата там, где не было приложено полновесных усилий. В 1979 году, считая, что на базе «Экрана» при всем желании невозможно вести предолимпийскую подготовку, Кошкин дал согласие на переезд своей олимпийской группы в Харьков, в бассейн «Спартак».

Отличные условия — глубокая 50-метровая ванна, малая — 25 метров — разминочная, гимнастический и игровой залы, восстановительный центр, пансионат, а главное, замечательный коллектив работников бассейна и плавательного центра «Эхо» — позволили Кошкину полностью реализовать задуманные планы. Мы провели в общей сложности на харьковской воде около года, приезжая и уезжая на различные соревнования и сборы, и сейчас можно сказать: в наших успехах феномен харьковского «Эхо» сыграл немалую роль, и мы всегда будем об этом помнить. Ну, а тогда мы просто знали, что «Эхо» — это харьковское отделение «Экрана».

Но в гостях хорошо, а дома лучше. И перефразировав эту поговорку, можно сказать, что чужой бассейн хорош, а свой лучше. Не случайно в самые трудные дни нашей совместной работы мы выбираем для тренировок все же наш бассейн. Вот и после завершения Московской Олимпиады новую гонку за рекордом мы начали дома. Дневали и ночевали в «Экране». Напряженно тренироваться среди знакомых и доброжелательных людей, обеспечивающих тебе самые благоприятные условия,— великое счастье.

У Игоря Михайловича по-прежнему много забот. Школа с каждым днем растет. Число мастеров спорта, подготовленных в «Экране», перевалило за 70. Фотографии учеников занимают все стены в фойе бассейна. Есть уже и такие, которые добились своих первых тренерских успехов. Полны желания воспитывать чемпионов Сергей Русин и Миша Горелик, ведет поиск талантов Толя Смирнов, полон энергии Глеб Георгиевич Петров. Его ученицы все чаще призываются в сборную страны.

Если собрать всех питомцев «Экрана» под одну крышу, будет тесно. «В тесноте, да не в обиде»,— скажут мне. Так-то оно так, обид, как правило, в «Экране» не бывает. И все же у Игоря Михайловича проблема одна — как выйти на «большую воду», как построить в «Экране» открытый 50-метровый бассейн,— в Ленинграде пока такого нет. Но ведь когда-то не было и «Экрана», и доказывать необходимость его существования пришлось не один год. Быть может, многолетние разговоры о большом открытом, а может быть, и крытом бассейне наконец-то будут реализованы.

Общение с Игорем Михайловичем — всегда учеба. Он не поучает, а именно учит, причем метод у него не оригинален. Он просто рассказывает о чем-либо спокойно, ненавязчиво, красочно описывает собеседнику, которого всегда считает не глупее себя, интересную и уместную с его точки зрения историю. Расскажет так, чтобы не делать выводов, явно рассчитывая на понимание.

...Не знаю, как сложится моя судьба. Пойду ли я в науку, сейчас я учусь в аспирантуре, или встану на бортик бассейна с секундомером, но пример Кошкина всегда будет перед моими глазами.

Кстати, вопрос об аспирантуре решался не без участия Игоря Михайловича. Он раскрыл передо мной секреты стайерского плавания, научил копить, собирая по крупицам опыт для научного анализа. Я знаю, как плыть к рекорду, но пока не ведаю, как дать научные рекомендации другим,— это вопрос, который мне еще предстоит решить. Как плавал я, через пяток лет будут плавать десятки пловцов во многих странах мира. Меня же волнует, как опередить время, как идти чуть-чуть, но впереди всех, в том числе и в науке о плавании. Сегодня тренеры, готовя юных мастеров к рекордам, думают о том, как их воспитанники в будущем подберутся на дистанции 1500 метров к рубежу 14 минут. Но сделать это без помощи науки невозможно.

Наш союз с Игорем Михайловичем образовался не сразу. Думаю, первые признаки сработанности проявились в канун Олимпиады-80, а вот окончательно оформилась наша дружба зимой 1982 года после мировых рекордов в «Олимпийском». До этого времени я был в большей степени исполнителем тренерских замыслов. Меня, конечно, интересовало, «что и как», я был в курсе планов, хорошо понимал задачи тренировок и назначение отдельных упражнений, но своей твердой точки зрения не имел, а тем более не смел высказывать своего мнения — не хватало уверенности. Даже в критические минуты многочасовых напряжений, связанных с преодолением незнакомых мне нагрузок, я не мог четко определить свои возможности. В одном случае Кошкин меня сдерживал, в другом — предлагал «потерпеть».

В творческом союзе и победы и поражения поровну. У спортсмена и тренера — единая цель. И если нарушается совпадение интересов, то работа разлаживается. У нас никогда не возникала подобная ситуация. Игорь Михайлович невозмутимо, как само собой разумеющееся, воспринимал мои успехи. Он хорошо представлял себе, на что я способен, в чем мои слабости, каковы мои резервы, на что надо в первую очередь обратить внимание. Но однажды я вдруг уловил в отношениях с моим тренером какую-то аритмию.

Причиной проскользнувшего охлаждения могли стать несколько неудачных стартов. После моего поражения в финале чемпионата Европы на 400 метров Игорь Михайлович целый день ходил сам не свой. Переживал, нервничал. Мы тогда особых разговоров не вели, но я почувствовал необычайную ответственность перед ним. Кошкин как тренер сработал отлично, я же как спортсмен не оправдал его усилий... Не трудно представить, как я готовился к своей коронной дистанции. В финале на 1500 метров борьба была не менее жесткой, но все, что могли противопоставить мне соперники на 400 метров, на этой дистанции не принесло им успеха. После отметки 800 метров, когда основные претенденты еще были рядом, мне удалось собраться и уйти в отрыв... И вот тогда-то Игорь Михайлович не преминул заметить, что по-новому увидел во мне не только исполнителя, но и единомышленника, причем умеющего смотреть далеко вперед.

По возвращении в Ленинград с чемпионата Европы наше взаимопонимание окрепло, и хотя для объяснений времени, как всегда, не хватало, работа на тренировках приняла более углубленный и четкий характер. В наших действиях появилась такая необычайная слаженность, что уже зимой 1982 года мне удалось дважды финишировать с мировыми рекордами на дистанциях 400 и 1500 метров в хорошо знакомом «Олимпийском» на матче сборных СССР и ГДР. Незадолго до этого на той же воде мне покорился рекорд мира и на 800 метров.

К рекордным результатам мы пришли вместе — в который раз сработал принцип творческого союза — это и определило характер нашего диалога в «Олимпийском», который состоялся сразу же после заплывов.

— Твои рекорды,— сказал Кошкин,— настолько высоки, что заставляют меня, как тренера, задуматься над нашими реальными возможностями и перспективой твоего дальнейшего спортивного пути. Впереди лето. Чемпионат мира в Эквадоре, пожалуй, неожиданностей он нам не принесет, а вот как быть дальше? Сможешь ли ты улучшать результаты, найдешь ли силы для нового «витка»? Если есть сомнение,— продолжал Игорь Михайлович,— то надо заканчивать, уходить из спорта,— и добавил: — До Олимпиады далеко. Решай. Первое слово тебе.

Возбужденный удачей, новыми рекордами, я не сразу включился в разговор, больше слушал, и чем подробнее останавливался тренер на предстоящих задачах, тем труднее мне было ответить на высказанные им сомнения.

Но с этого момента мы оба ощутили, как с новой силой закрутились «педали» нашего тандема.

Программа, режим, дисциплина — вот слагаемые любого спортивного начинания. Как и прежде, каждый был занят своим делом: я в воде, Игорь Михайлович на бортике бассейна.

В феврале были контрольные соревнования. На зимнем чемпионате СССР 1984 года и вновь на быстрой воде «Олимпийского» мне предстояло попасть в створ ориентировочных результатов: на 1500 метров — 15 минут и на 400 метров — 3.49,00. Задание я выполнил. Правда, некоторая неудовлетворенность осталась. В финале на 400 метров всего несколько сотых (0,06) не дотянул до мирового рекорда (3.48,38).

На разборе Игорь Михайлович выговаривал: «Первые 100 метров ты проплыл слабее на полсекунды. Технического брака на поворотах не заметил». Мне осталось признаться, что метров за двадцать пять до финиша я поймал себя на мысли: «Не о том думаю». О чем? Не помню, но явно не о заплыве. Это отвлечение, по моим подсчетам, обошлось мне в шесть сотых секунды. Когда я ему признался в этом, Кошкин молча открыл тетрадь и показал страницу, на которой в нижнем углу стояло — 3.47... и написано — ИДЕАЛ, к которому нужно стремиться. А закрыв тетрадь, сказал: «Такой результат требует, чтобы о сотых не забывали».

Несколько лет назад Игорь Михайлович назвал в разговоре с журналистами наши взаимоотношения «творческим тандемом». Но, видимо, годы берут свое. Наш тандем перерос в нечто большее, чем совместные усилия или просто содружество. Бывают моменты, когда кажется, что тренер готов сам ринуться ко мне в воду, дабы помочь в самый трудный миг преодоления...

Но оказаться на глазах у всех с учеником в воде Кошкин может лишь при условии — если установлен рекорд мира. Первая наша «купель», однако, не состоялась по вине самого Игоря Михайловича. В Минске на «Комсомолке-79» я неожиданно для многих и в какой-то мере для себя (не успел отдохнуть, прилетели в полном смысле прямо на старт) установил свой первый мировой рекорд: на 800 метров — 7.56,49, но он праздника из этого не сделал.

«Мы настроились проплыть эту неолимпийскую дистанцию за 8 минут, и Володя без особого напряжения выполнил намеченное,— помню, пояснял после заплыва Игорь Михайлович своим коллегам.— Мы как бы примерялись к неизвестной скорости. Рекорд — большая радость, но все-таки «купель» отложим до следующего раза, до олимпийского рекорда».

Тренеры расступились, и Кошкин избежал совместного купания. Правда, всего на неделю, так как предстоял традиционный матч сборных СССР и ГДР. После заплыва на 400 метров Игоря Михайловича, несмотря на его энергичное сопротивление, ссылки на новые часы и единственный костюм, бросили, как есть в одежде, ко мне в воду.

Запомнилась мне купель и в Москве, на Олимпиаде. Запомнилась не только радостной стороной, но и курьезом...

...Об усталости после заплыва на 1500 метров, тем более рекордного, говорить не приходится. И когда после финиша восторженный Игорь Михайлович подплыл ко мне, обнял и, не предполагая, что я полностью выдохся, перенес часть своего веса на мое плечо, я впервые в жизни почувствовал: «тону». Только неосознанным, чисто рефлекторным движением мне удалось оторваться от него, а Игорь Михайлович так и не заметил моего секундного замешательства.

Продолжение следует.

У НАС В ГОСТЯХ

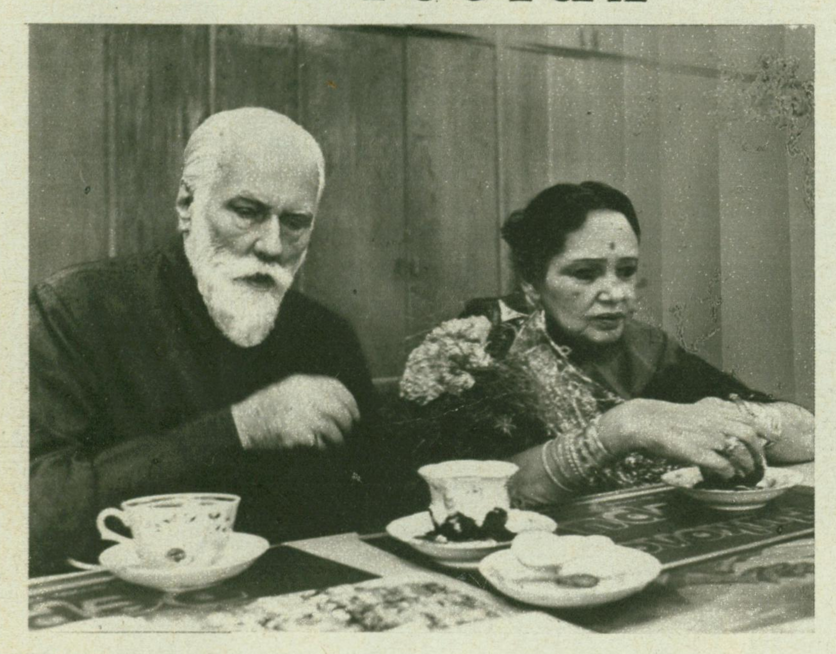
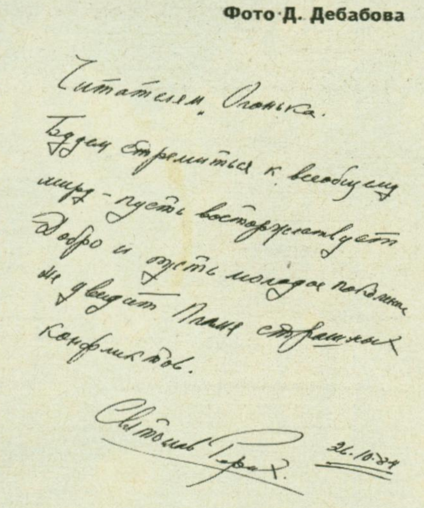

Фото Д. Дебабова

В Государственном музее искусства народов Востока, что на Суворовском бульваре в Москве, проходит выставка картин известных художников, отца и сына Рерихов — Николая Константиновича и Святослава Николаевича. Она посвящена 110-летию со дня рождения Николая Константиновича и 80-летию со дня рождения Святослава Николаевича, который проживает в Индии.

Репродукции картин и отца и сына неоднократно публиковались на страницах нашего журнала, так же как и различные материалы о творчестве этих замечательных художников.

На днях вместе со своей супругой Девикой Рани, в прошлом известной киноактрисой Индии, Святослав Николаевич побывал в редакции нашего журнала. Он рассказал о своих творческих планах, о последних работах, репродукции которых, кстати сказать, будут опубликованы в скором времени в «Огоньке». С. Рерих обратился к читателям нашего журнала с обращением, которое мы воспроизводим.

Читателям Огонька.
Будем стремиться к всеобщему миру — пусть восторжествует добро и пусть молодые поколения не увидят пламя страшных конфликтов.

Святослав Рерих. 26.10.84

ДОРОГАМИ БОРЬБЫ И СОЗИДАНИЯ

«Мы приглашаем вас, читатель, совершить вместе с нами путешествие в один из интереснейших районов земного шара — в страны, расположенные к востоку от могучей реки Меконг, рассекающей огромный полуостров Азиатского материка по имени Индокитай». Так начинают свою книгу, вышедшую недавно в издательстве «Советская Россия», два известных советских журналиста, Юрий Жуков и Иван Щедров. Книга называется «Путешествие в страны Индокитая» — во Вьетнам, Лаос и Кампучию.

Авторам книги довелось на протяжении многих лет собственными глазами наблюдать за ходом славной борьбы народов этих стран за свободу и независимость, против самого сильного и безжалостного врага — Соединенных Штатов Америки. Один из них, патриарх нашей международной журналистики Юрий Жуков, впервые увидел алый флаг с золотой звездой, флаг Вьетнама, еще летом 1946 года над входом во дворец Фонтенбло под Парижем, предоставленный в распоряжение прибывшего туда президента Хо Ши Мина. Тогда французское правительство было вынуждено признать освободившийся Вьетнам и начать с ним переговоры. Как известно, они кончились ничем, ибо это был акт дипломатической хитрости, и война была возобновлена французами. Другому автору книги довелось жить и работать во Вьетнаме в пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы. Много событий произошло за эти годы на Индокитайском полуострове, и главное — освобождение народов Индокитая от колониальной зависимости в результате длительной борьбы против империалистических держав.

Американская военщина использовала против народов трех стран самые изощренные и преступные методы ведения военных операций. И в годы войны и в годы наступившего мира нам не раз приходилось встречаться в Индокитае с жертвами преступных экспериментов Вашингтона, пишут Ю. Жуков и И. Щедров. За время войны американскими отравляющими веществами было ликвидировано более 1,5 миллиона гектаров густых тропических джунглей, 150 тысяч гектаров кокосовых плантаций, «обработано» сорок три процента всех сельскохозяйственных угодий.

Но, несмотря ни на какие лишения и трудности, народы Вьетнама, Лаоса и Кампучии выстояли в этой борьбе. Авторы рассказывают о сегодняшних днях этих стран, о строительстве новой жизни, о разительных переменах, происшедших в них за годы после завоевания свободы.

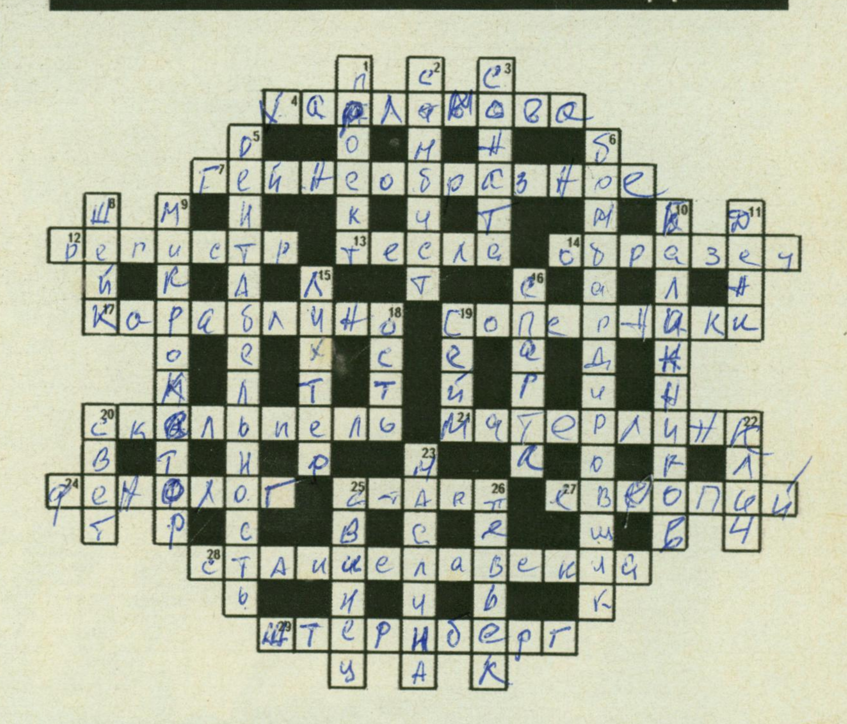
Три маршрута дальних дорог описаны в книге: в край Светлой, Красной и Черной рек (Вьетнам), в страну Миллиона слонов и Белого зонта (Лаос) и на землю древнего Ангкора (Кампучия). И хотя мне самому неоднократно довелось бывать в этих странах за многие годы работы в Юго-Восточной Азии, прочел я эту книгу от начала до конца не отрываясь, узнав много нового, интересного. Это правдивый и увлекательный рассказ о днях минувших и нынешних стран и народов Индокитайского полуострова. Прочтите и вы эту книгу.

Юрий ПОПОВ

По горизонтали: 4. Героиня романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 7. Стихотворение В. В. Маяковского. 12. Узел ЦВМ для запоминания машинного слова. 13. Единица магнитной индукции. 14. Показательное, пробное изделие. 17. Город в Рязанской области. 19. Комедия Р. Б. Шеридана. 20. Хирургический нож. 21. Драматург, автор пьесы «Синяя птица». 24. Специалист, изучающий периодичность явлений в жизни животных и растений. 25. Начало спортивного состязания на скорость. 27. Химический элемент, металл. 28. Режиссер, актер, педагог, теоретик театра, народный артист СССР. 29. Советский астроном, один из руководителей Октябрьской революции в Москве.

По вертикали: 1. Документы с расчетами и чертежами будущего сооружения. 2. Спортсмен-борец. 3. Инструментальное музыкальное произведение. 5. Показатель экономической эффективности производства. 6. Боевой самолет. 8. Современный бальный английский танец. 9. Прибор для измерения линейных размеров калибров и деталей машин. 10. Русский композитор XIX века. 11. Советский график, карикатурист. 15. Морское несамоходное судно для перевозки грузов. 16. Город в Греции. 18. Тонкий заостренный отросток на колосе. 19. Приток Десны. 20. Оптическое излучение. 22. Призыв, возглас. 23. Оливковое дерево. 25. Химический элемент, металл. 26. Французский остров вблизи берегов Бретани.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали: 9. Иппология. 10. Богушевич. 12. Контрабас. 13. «Тронка». 14. Авакян. 15. Кугач. 16. Байкал. 18. Столяр. 22. Комсомольск. 23. Университет. 24. Страус. 27. Гречко. 31. Сеанс. 34. Самгин. 35. Арктур. 36. Дружинник. 37. Лермонтов. 38. Дарование.

По вертикали: 1. Широта. 2. Эпифора. 3. Токката. 4. Линник. 5. Горбач. 6. Курсант. 7. «Евдокия». 8. Ячмень. 11. Программирование. 17. Кукуруза. 19. Открытие. 20. Основа. 21. Оливин. 25. Темпера. 26. Уяндина. 28. Реактор. 29. Кетмень. 30. Ассоль. 31. Смуров. 32. Сандал. 33. Тренер.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Летчик-космонавт СССР дважды Герой Советского Союза С. Е. Савицкая. (См. в номере материал «Светлана Савицкая в «Огоньке».) Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели межсезонной одежды художников-модельеров Московского Дома моделей одежды на проспекте Вернадского. (См. в номере материал «То ли дождик, то ли снег...».) Фото И. Гаврилова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 26.10.84. Подписано к печати 13.11.84. А 00450. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 671 000 экз. Изд. № 2998. Заказ № 3665.

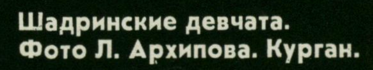
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Паж. Фото А. Бурьбо. Белгород.

Грузинский танец. Фото А. Саакова. Тбилиси.

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

Шадринские девчата.
Фото Л. Архипова. Курган.

С арбитром не спорят. Фото В. Маркина. Люберцы.

Ожидание. Фото А. Бурьбо. Белгород.

Индекс 70663

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.